

ДАВИД
КУГУЛЬТИНОВ

■ сказки

■ рассказы

■ очерки

■ статьи

■ страницы автобиографии

ДАВИД КУГУЛТИНОВ

УТО.
ЛЕНЦЕ
ЖАЖ.
ДЫ

Сказка о славном юноше Маньвархане и прелестноликой Венчике Небесного Лотоса

У подножия высокой горы Манхган, в благоуханной долине реки Шильте-Зандан, несущей в своих водах жемчуга и кораллы, вокруг озера Шикир-Лу расположена обетованная страна Бумба.¹

Счастливый народ Бумбы вот уже тысячу лет не знал войны и, достигнув изобилия во всем, жил в постоянной радости, ничего не деля на «мое» и «твое».

Пятьсот мудрейших белобородых старцев страны, восседавших на широких ширдыках² почета, правили течением жизни. Последнее слово при решении важных дел принадлежало пятисотлетнему ясновидящему старцу Цецену, ибо только он один мог читать Сокровенную книгу судеб и обладал тайнами волшебства.

С восходом солнца все мужчины страны уезжали в степи — перегонять скот на новые пастбища, или в леса — на охоту за

¹ Б у м б а — волшебная страна.

² Ш и р д ы к — кошма.

диким зверем, посостязаться в силе, ловкости, храбрости. В селениях оставались только многоопытные старики, учившие детей тому, как быть счастливым, да женщины, занимавшиеся домашними делами.

С наступлением сумерек на окраинах селений раздавались призывные звуки трубы — буюнкюры. Обрадованные юноши, быстро вскочив на лошадей, торопились на надан — игрище, где девушки пели волнующие песни любви, юноши вихрем взлетали в воздух, подобно вспугнутому тушканчику, в такт мелодиям страстной домбры. А взрослые мужи вечерами собирались у костров и с великим наслаждением слушали вдохновенные песни певцов — джангарчи¹ о ратных подвигах предков.

Все реки и моря, долины и горы принадлежали народу. И только на берегах священного озера Шикир-Лу с незапамятных времен не ступала нога человека. Закон запрещал это. Никто из жителей страны Бумбы не видел Шикир-Лу, ибо каждый знал, что узревший его будет несчастен на всю жизнь.

Но однажды строгий запрет был нарушен. И вот как это случилось.

Жил в стране Бумба юноша, по имени Маньвархан. Он был так хорош, что уже четвертый год девушки не выходили замуж, мысленно избирая в супруги Маньвархана. Старухи, говорят, целыми днями сидели молча, вспоминая свои восемнадцать лет и вздыхая: «Ах, почему этот юноша не встретился мне тогда!»

Лик Маньвархана излучал сияние алмаза зрени, а могучее тело его вобрало силу всех двенадцати времен года. Он был так умен, что постиг мудрость девяноста девяти наук о сущности бытия. Удача сопутствовала ему.

Как-то раз Маньвархан вышел на охоту. Он догонял все, что видели его глаза. Вдруг из-под куста выскочил заяц. Только Маньвархан стал настигать зайца — выскочила золотистая лиса. Юноша погнался за лисой — выскочил дымчато-серый волк. Он погнался за волком. Стал настигать волка — выскочил из лесу марал. Он стал настигать марала — открылось перед ним изумительное озеро Шикир-Лу. Вода его была настолько прозрачна и чиста, что можно было сосчитать мельчайшие песчинки на гладком дне. Высокие бамбуковые камыши шепотом передавали друг другу новость: на берегу появился человек. Эту новость услышали волны и понесли глубинным водам.

Маньвархан, затаив дыхание, глядел на несказанную красоту

¹ Джангарчи — певцы, исполнители калмыцкого героического эпоса «Джангар».

озера, любовался разбегом стеблей великолепных лилий и лепестками белых лотосов.

Голубые воды озера благоухали запахами весенних цветов. За мороженый Маньвархан, вместо того, чтобы бежать обратно к людям, забыв о строжайшем запрете, подошел вплотную к воде с единственным желанием вкусить ее сладость. В это время он услышал чудесное пение. Дивный хор пел, казалось, где-то над ним. Маньвархан поднял свой взор вверх: по светлому поднебесью величаво плыли три серебристо-белых лебедя, словно три перистых облака. Они сделали небольшой полукруг над озером и стали плавно опускаться на берег. Коснувшись земли, лебеди взмахнули крыльями и превратились в трех девушек-красавиц. Оставив на берегу свои лебединые одеяния, девушки вошли в воды озера.

Цвет их волос был похож на цвет солнца, цвет глаз — на небо, цвет кожи — на цвет коры юной березы. Когда они смеялись, их нежные голоса напоминали звон колокольчиков или звон ручейка, падающего со скалы.

«Откуда эти девушки? — думал Маньвархан. — Из какой страны они прилетели?» Чем дальше смотрел на них юноша, тем яснее чувствовал, что отныне в его жизни наступает новая пора — пора, полная тревог и радостей.

Искупавшись, девушки вышли на берег, снова превратились в лебедей и, прощально взмахнув крыльями, улетели в сторону заката.

Только после того, как солнце зашло за горизонт и наступили сумерки, Маньвархан вспомнил, что нужно возвращаться домой. Он удивился этому. Ему казалось, будто он вечно стоял на берегу изумительного озера, наблюдая за купанием девушек-лебедей.

Он нехотя пошел домой.

Угрюмым молчанием встретил Маньвархана тихий весенний вечер. Яркие звезды, как прежде, сияли на низком небе, но не слышалось волнующего пения девушек, не слышался рокот домбры. Кто-то видел днем, как Маньвархан, увлекшись погоней за маралом, переступил запретную черту. Весь народ был встревожен известием: впервые за много сот лет в стране появился обреченный. Закон Бумбы гласил: тот, кто видел священное озеро, изгоняется из родного края: он не должен смущать умы людей рассказами о недоступном человеку.

Маньвархан же был весел. Ему казалось, что солнце перебралось в его грудь и оттого так светло на душе. Нарушая вечернюю тишину и траур скорбящей о нем страны, он запел могучим голосом ликующую песнь о своем счастье, о синих, как небо, глазах, о волосах золотистого цвета, о любви.

— Ты жив, родной мой! Жив! — встретила его мать со слезами и, словно не веря себе, оглядела с ног до головы.

Мать знала: последнюю ночь спит ее сын под родным кровом. Утром ясновидящий Цецен прочитает перед всем народом приговор Совета Мудрейших, и не станет у нее сына. Скорбной тенью он будет скитаться по белому свету, без друзей, без родины, проклиная час своего рождения, и негде будет ему приклонить свою голову. С восходом солнца мать сама должна была повести сына на Суд Старейшин.

Ночь в стране прошла беспокойно. Во всей Бумбе, безмятежно улыбаясь, спал только один человек: Маньвархан. Во всех кибитках был слышен взволнованный шепот девушек и женщин. Они думали-гадали, как спасти Маньвархана. «Пусть лучше солнце померкнет, — говорили они, — только бы Маньвархан остался среди нас. Лучи, исходящие от лика Маньвархана, дарят нам счастье, е то время как солнце дает нам лишь свет и тепло».

Ясновидящий мудрец Цецен, как только получил весть о нарушении запрета юношей по имени Маньвархан, вошел в Кибитку Размышлений и погрузился в думы. Следуя в глубь веков по родословной юноши, он установил, что Маньвархан — его потомок в двадцать пятом колене. Это открытие заставило старика торопливо подняться с места и дрожащими руками извлечь Сокровенную книгу судеб, взглянуть на таинственные знаки. Они гласили, что егс, Цецена, сменит юноша по имени Маньвархан. С именем этого юноши начнется родство сынов земли и дочерей далекой звезды Алтан.

— Как совершится это родство? — спросил у железных страниц Сокровенной книги изумленный Цецен, почтительно опускаясь на колени и вздымая высохшие, желтые руки.

Все силы своего немощного тела он превратил во внимание. В совершенной тиши синеватого полумрака Кибитки Размышлений явственно послышался торопливый бег мгновений, невнятный шелест сменяющихся веков, медленные сдвиги тяжелых пластов тысячелетий.

— Как же совершится это родство? — еще раз тихо, но настойчиво спросил Цецен.

Книга ответила:

«У южного мыса озера Шикир-Лу растут три высокие, ветвистые сосны. Под средним деревом хранится волшебная салма,¹ — аркан, обладающий свойством задерживать все, чего коснется. Она свита из нежного пуха золотого верблюжонка, и ею, когда наста-

¹ С а л м а — аркан.

нет срок, овладеет юноша Маньвархан. Он женится на средней из трех девушек-лебедей».

После этого необыкновенного откровения Цецен не смог уснуть и прободствовал до утра.

К восходу народ страны Бумбы стал стекаться со всех концов к семибашенному дворцу Совета Мудрейших. Широкая площадь перед дворцом почернела от людей.

Все ждали. Тихо открылась дверь Кибитки Размышлений, плавно поднялся шелковый полог, и вышел оттуда, держа в руках Сокровенную книгу судеб, ясновидящий Цецен. Он поклонился народу до земли и сказал:

— Великий запрет нарушен юношей Маньварханом.

— Поступить согласно закону! — не дав договорить Цецену, зло выкрикнул мужчина, выбежавший из толпы.

Он был зол на Маньвархана.

— Если будет изгнан Маньвархан все девушки и женщины покинут Бумбу — таково наше твердое решение! — воскликнули три девушки, вышедшие из рядов женщин.

— Мы не хотим ухода своих жен и сестер! — закричали мужчины, потрясая кнутовищами.

Ясновидящий Цецен поднял руки. Тревожный гул на площади стал постепенно стихать.

— Сокровенная книга судеб, — сказал он в наступившей тишине, — предсказывает необыкновенное будущее сыну нашей страны — юноше Маньвархану. Он останется в стране!

Услышав столь неожиданное решение Совета Мудрейших из уст высокопочтимаго Цецена, народ облегченно вздохнул и благоговейно опустился перед ним на колени.

— Я скоро уйду от вас в другой мир, — продолжал Цецен, — и Сокровенная книга судеб будет передана в руки юноше Маньвархану, ибо только ему одному из смертных дано постичь таинственные знаки всеведущей книги...

— Да будет так!

— Слава мудрому Цецену!

— Слава Маньвархану! — кричал восторженно народ.

А Маньвархан, не шелохнувшись, стоял на месте. Радостная улыбка озаряла его лицо. Взор был устремлен на небо. Он видел перед собою девушек-лебедей — глаза, похожие на лазурь, волосы, похожие на солнце, — слышал чудесное пение и веселый плеск серебристых волн, ударявшихся о белые плечи красавиц. Он не понимал того, что происходило вокруг. Юноша жил в другом мире — в мире мечты.

— Маньвархан, — окликнула его счастливая мать.

Сын повернулся к ней.

— Теперь ты равный в Совете Мудрейших, — сказала мать и повела его к ясновидящему Цецену.

— Садись, сын мой, — с уважением пригласил Маньвархана Цецен. — Я счастлив сообщить тебе великую радость: средняя из трех девушек-лебедей, купающихся в священном озере Шикир-Лу, станет твоей женой, — сказал мудрец, почтительно кланяясь Маньвархану.

Он рассказал о том, что поведала ему в эту ночь Сокровенная книга судеб.

— Можно ли мне сейчас же идти за волшебной салмой? — спросил Маньвархан, поднимаясь с места.

— Иди! — благословил его Цецен.

Маньвархан мгновенно оказался у южного мыса Шикир-Лу, где росли три высокие ветвистые сосны. Под корнем средней он обнаружил сундук из сандалового дерева, обитый серебряными гвоздями. В нем лежала волшебная салма, свитая из нежного пуха золотого верблюжонка.

Священное озеро Шикир-Лу было беспокойно, серебристые волны тревожно бились о берег.

Маньвархан пришел на берег озера, вошел в густые заросли камыша, с нетерпением стал ждать появления девушек-лебедей. Когда солнце поднялось к полудню в небе послышалось знакомое пение. Три лебедя, будто три перистых облака, стали тихо опускаться на берег. Они сбросили свои одеяния, преобразились в девушек и молчаливо, оглядываясь друг на друга, настороженно вошли в воду.

— Что-то не хочется мне сегодня купаться, — грустно сказала средняя сестра, не решаясь отойти от берега.

— Для чего же мы тогда столько летели? — спросила старшая сестра, тоже не решаясь отойти от берега.

— Лучи солнца так жгучи в вышине! Купайся! — пригласила младшая сестра.

Глядя на купание трех сестер, Маньвархан чуть не забыл о своей волшебной салме. Только тогда, когда девушки, закончив купание, стали подплывать к берегу, он вспомнил Цецена. Старательно набрал он в свои легкие воздуха и нырнул в сторону девушек. В зеленовато-желтой прозрачной воде он увидел над собой три гибкие фигуры плывущих сестер:

— В воде плывет чудовище! — воскликнула старшая сестра и быстро стала выходить из воды.

Кончиком указательного пальца она коснулась своего волшебного одеяния и превратилась в лебедя.

На одну четверть не достигла берега средняя сестра — ее ноги коснулась салма Маньвархана.

Она пыталась вырваться, но нежная салма, обвивая ее с ног до головы, превратилась в красивый шелковый наряд земной девушки. Два лебедя в тоске кружили над ними. Светлые слезы лебедей падали на землю каплями дождя.

— Отпусти меня, чудовище! — плача и дрожа от страха, закричала девушка.

— Я не чудовище, я человек, я люблю тебя! — тихо произнес Маньвархан, готовый отпустить девушку. — Я ждал тебя всю жизнь. Посмотри на меня, — сказал он, слегка касаясь ее локтя пальцами.

Услышав голос, в котором звучало столько ласки, веры, надежды, девушка невольно взглянула на Маньвархана... и замерла. Ей казалось, что она давно знакома с этим юношей. Не однажды он приходил к ней во сне и она взволнованно слушала его ласковые речи. Она не знала, откуда он, куда зовет, но была счастлива при мысли уйти с ним куда угодно. И вот этот юноша стоял перед нею: ясноликий, долгожданный.

— Меня зовут Маньварханом. Как зовут тебя, скажи мне, любимая! — говорил юноша, глядя в лучистые голубые очи красавицы.

Она опустила длинные ресницы, как бы боясь того, что юноша прочтает ее заветные, сокровенные мысли.

— Я отпущу тебя, лишь прикажи! — прошептал Маньвархан, прижимая ее маленькие белые руки к своей мощной груди.

— Зовут меня Венчик Небесного Лотоса, — ответила девушка нежным голосом, — и отпускать меня, если можно, не надо, — сказала она краснея.

Маньвархан, как пушинку, поднял на руки Венчика Небесного Лотоса и бережно понес домой.

Народ страны Бумба во главе с Советом Мудрейших встречал их у подножия горы Манхган, на живописном берегу шумной реки, несущей в своих водах жемчуга и кораллы.

Пятисотлетний мудрец Цецен под всеобщий гул одобрения произнес свой знаменитый йорел,¹ который с тех дней до сих пор повторяется калмыками.

Он сказал:

— Да будет вечной ваша любовь, ибо любовь — солнце нашей жизни. Да будут вечно счастливы дети и внуки ваши, ибо человек

¹ Йорел — благопожелание.

Сын повернулся к ней.

— Теперь ты равный в Совете Мудрейших, — сказала мать и повела его к ясновидящему Цецену.

— Садись, сын мой, — с уважением пригласил Маньвархана Цецен. — Я счастлив сообщить тебе великую радость: средняя из трех девушек-лебедей, купающихся в священном озере Шикир-Лу, станет твоей женой, — сказал мудрец, почтительно кланяясь Маньвархану.

Он рассказал о том, что поведала ему в эту ночь Сокровенная книга судеб.

— Можно ли мне сейчас же идти за волшебной салмой? — спросил Маньвархан, поднимаясь с места.

— Иди! — благословил его Цецен.

Маньвархан мгновенно оказался у южного мыса Шикир-Лу, где росли три высокие ветвистые сосны. Под корнем средней он обнаружил сундук из сандалового дерева, обитый серебряными гвоздями. В нем лежала волшебная салма, свитая из нежного пуха золотого верблюжонка.

Священное озеро Шикир-Лу было беспокойно, серебристые волны тревожно бились о берег.

Маньвархан пришел на берег озера, вошел в густые заросли камыша, с нетерпением стал ждать появления девушек-лебедей. Когда солнце поднялось к полудню в небе послышалось знакомое пение. Три лебедя, будто три перистых облака, стали тихо опускаться на берег. Они сбросили свои одеяния, преобразились в девушек и молчаливо, оглядываясь друг на друга, настороженно вошли в воду.

— Что-то не хочется мне сегодня купаться, — грустно сказала средняя сестра, не решаясь отойти от берега.

— Для чего же мы тогда столько летели? — спросила старшая сестра, тоже не решаясь отойти от берега.

— Лучи солнца так жгучи в вышине! Купайся! — пригласила младшая сестра.

Глядя на купание трех сестер, Маньвархан чуть не забыл о своей волшебной салме. Только тогда, когда девушки, закончив купание, стали подплывать к берегу, он вспомнил Цецена. Старательно набрал он в свои легкие воздуха и нырнул в сторону девушек. В зеленовато-желтой прозрачной воде он увидел над собой три гибкие фигуры плывущих сестер:

— В воде плывет чудовище! — воскликнула старшая сестра и быстро стала выходить из воды.

Кончиком указательного пальца она коснулась своего волшебного одеяния и превратилась в лебедя.

На одну четверть не достигла берега средняя сестра — ее ноги коснулась салма Маньвархана.

Она пыталась вырваться, но нежная салма, обвиняя ее с ног до головы, превратилась в красивый шелковый наряд земной девушки. Два лебедя в тоске кружили над ними. Светлые слезы лебедей падали на землю каплями дождя.

— Отпусти меня, чудовище! — плача и дрожа от страха, закричала девушка.

— Я не чудовище, я человек, я люблю тебя! — тихо произнес Маньвархан, готовый отпустить девушку. — Я ждал тебя всю жизнь. Посмотри на меня, — сказал он, слегка касаясь ее локтя пальцами.

Услышав голос, в котором звучало столько ласки, веры, надежды, девушка невольно взглянула на Маньвархана... и замерла. Ей казалось, что она давно знакома с этим юношей. Не однажды он приходил к ней во сне и она взволнованно слушала его ласковые речи. Она не знала, откуда он, куда зовет, но была счастлива при мысли уйти с ним куда угодно. И вот этот юноша стоял перед нею: ясный, долгожданный.

— Меня зовут Маньварханом. Как зовут тебя, скажи мне, любимая! — говорил юноша, глядя в лучистые голубые очи красавицы.

Она опустила длинные ресницы, как бы боясь того, что юноша прочтает ее заветные, сокровенные мысли.

— Я отпущу тебя, лишь прикажи! — прошептал Маньвархан, прижимая ее маленькие белые руки к своей мощной груди.

— Зовут меня Венчик Небесного Лотоса, — ответила девушка нежным голосом, — и отпускать меня, если можно, не надо, — сказала она краснея.

Маньвархан, как пушинку, поднял на руки Венчика Небесного Лотоса и бережно понес домой.

Народ страны Бумба во главе с Советом Мудрейших встречал их у подножия горы Манхган, на живописном берегу шумной реки, несущей в своих водах жемчуга и кораллы.

Пятисотлетний мудрец Цецен под всеобщий гул одобрения произнес свой знаменитый йорел,¹ который с тех дней до сих пор повторяется калмыками.

Он сказал:

— Да будет вечной ваша любовь, ибо любовь — солнце нашей жизни. Да будут вечно счастливы дети и внуки ваши, ибо человек

¹ Йорел — благопожелание.

рождается для счастья. Да будет непоколебимой Бумба, ибо радость народа — в благоденствии отечества.

— Да будет так! — отвечал дружным хором ликующий народ.

Так поженились славный сын земли Маньвархан и прекрасная дочь далекой звезды Алтан — Венчик Небесного Лотоса. Семью семь — сорок девять дней праздновал народ Бумбы великую свадьбу. Семью семь — сорок девять дней слышались веселые песни шумных пиров.

По совету ясновидящего Цецена народ Бумбы соорудил для молодых высокий дворец, который был всего на три пальца ниже небесного купола. Дворец был так красив, а золотые башни так сверкали, что иные путники не могли определить, отчего так ярок день: оттого ли, что солнце светит в небе, или оттого, что есть на земле дворец славного Маньвархана.

Каждый день, с утра, Маньвархан и Венчик Небесного Лотоса садились на коней и уезжали в степь. Пролетит ли над ними птица или свистнет над норою суслик — Венчик Небесного Лотоса поднимала указательный палец и спрашивала:

— А что это?

Она вслушивалась во все степные шорохи, все хотела знать, но всему относилась восторженно.

— Не соскучилась ли по дому? — иногда спрашивал Маньвархан.

— Дома нет моего Маньвархана! — улыбаясь, отвечала Венчик Небесного Лотоса.

— Недавно я хотел вспомнить свою жизнь до встречи с тобой и не смог. Будто я не жил, — признался как-то Маньвархан.

— Вся наша жизнь — путь к счастью, — слегка задумавшись, отвечала на признание Маньвархана Венчик Небесного Лотоса.

Но недолгим было счастье Маньвархана и Венчика Небесного Лотоса.

Однажды, возвращаясь с озера Шикир-Лу, они увидели на башнях дворца Совета Мудрейших развевающиеся черные знамена войны. Впервые за последнее тысячелетие тишина Бумбы была нарушена звуками военных труб.

Глашатаи мчались из конца в конец страны, созывая всех, кто способен носить оружие, на защиту отечества. Под боевыми знаменами собрались воины, облаченные в стальные и медные доспехи. На Бумбу неожиданно напал коварный враг.

Маньвархан застал мать в слезах. Она уже приготовила сыну оружие, вытащила чешуйчатые стальные панцири предков. Меч и копье блестели, ожидая хозяина.

— Сын мой, — говорила мать, — не посрами имени своего! Венчик Небесного Лотоса недоуменно смотрела вокруг. Она не понимала, что все это значит.

— Маньвархан, на какую охоту собираешься? — спросила она своего мужа.

Только тут Маньвархан вспомнил, что ей неведома война.

— Враги напали на нашу родину. Мы должны защищать ее, иначе все мы погибнем, — сказал он.

— Кто же наши враги? Бури, ветры или владыка бурь семиголовый змей Мус? — спросила она.

— Нет, — ответил Маньвархан, — они такие же люди, как мы.

— Они могут убить тебя? — с тревогой спросила Венчик Небесного Лотоса.

— Да, — коротко ответил Маньвархан.

— Что же я им сделала плохого? — в слезах произнесла Венчик Небесного Лотоса. — За что они хотят отнять тебя?

В это время на улице протрубила труба, вызывавшая Маньвархана.

— Матушка, — сказал он, прощаясь с матерью, — больше жизни люблю я Венчика Небесного Лотоса. Берегите ее. Если будет угрожать опасность, дайте ей лебединое одеяние.

Он долго не мог оторваться от своей любимой — она не отпускала его. Второй посыльный еще раз напомнил Маньвархану о походе.

Все мужчины страны Бумба ушли на войну. Столько полков ушло на войну, что дороги на девять локтей¹ опустились ниже. Много месяцев шла кровопролитная битва на границе Бумбы. Имя Маньвархана, оваянное славой первого героя, гремело по стране.

В это время девушки и женщины Бумбы, пользуясь отсутствием Маньвархана, решили отомстить Венчику Небесного Лотоса за то, что, как они говорили, она похитила самого прекрасного юношу вселенной. Они решили убить Венчика Небесного Лотоса. Когда мать Маньвархана узнала об этих коварных замыслах, она стала оберегать невестку, как самое дорогое свое дитя. Свекровь никуда не выпускала Венчика Небесного Лотоса, а на ночь запирала на все замки стальные двери дворца.

Однажды девушки и женщины Бумбы вырыли глубокую яму под стальным дворцом Маньвархана, сбросили туда пять тысяч телег угля и подожгли. Когда дворец накалился и нечем стало дышать, мать Маньвархана вытащила лебединое одеяние Венчика

¹ Локоть — старая мера длины.

Небесного Лотоса и дала ей, приказав спастись. Коснувшись своей волшебной одежды, девушка снова превратилась в лебедя и вылетела через окно дворца. Она пролетела над головами девушек и женщин, собравшихся у стального дворца.

— Ведьма! Ведьма! — закричали они, заметив над собой пролетающего лебедя.

Венчик Небесного Лотоса видела, как тонкие языки желтоватого пламени, извиваясь, поднимались все выше и выше. Дворец, в котором Венчик Небесного Лотоса познала счастье, рушился на ее глазах. В нем страшной смертью погибала та, кто дала жизнь ее любимому, несравненному Маньвархану, — добрая старая мать Маньвархана. Сердце Венчика Небесного Лотоса сжалось от боли и горя, и так она заплакала, что слезы ливнем залили землю. Потоки слез Венчика Небесного Лотоса погасили пылающие угли и охладили раскаленный дворец. Мать Маньвархана была спасена.

Венчик Небесного Лотоса решила вернуться к своим родным. Крылья поднимали ее вверх, но неодолимая сила тянула ее вниз, на землю. Она хотела передать свои последние слова Маньвархану и опустилась у Кибитки Размышлений, где вот уже несколько дней сидел мудрейший Цецен, погруженный в думы. Он размышлял о будущем своей отчизны. Страна, которая совсем недавно благоденствовала, была разорена. Обмелели озера и реки. Венчик Небесного Лотоса вынуждена была несколько раз дернуть за полу халата Цецена, чтобы вывести его из состояния размышления.

— Мудрейший Цецен, — сказала она, — я покидаю эти края. Передайте моему возлюбленному Маньвархану, что без него не будет мне счастья. Но нельзя оставаться здесь. Пусть не забывает меня мой Маньвархан. Передайте ему вот это кольцо со священным черным камнем зрдени. Душа моя будет всегда черна, как этот камень, от тоски. Скажите ему, чтобы не искал меня, ибо он, найдя меня, потеряет жизнь.

С этими словами она вышла из Кибитки Размышлений и улетела.

Войска страны Бумба под водительством славного, бесстрашного Маньвархана, победив врага, возвращались домой. Последний недруг Бумбы был покорен, и теперь никто не угрожал великой державе.

Воины ликовали, предчувствуя радостные встречи. Маньвархану казалось, что пешком он быстрее добежал бы до своего стального дворца, в котором ожидала его прелестноликая Венчик Небесного Лотоса. С песнями под звуки победных труб по зеленым лугам весело мчались домой воины-победители. Достигнув горы Манхган, где обычно проводились торжества, воины были удивле-

ны тем, что никто не вышел встречать их. Холодно и неуютно стало на душе у всех. Воины увидели на каждой кибитке вывешенное древко печали. У семибашенного дворца Совета Мудрейших лежал доживавший последние дни старик Цецен. Он сказал, что враги напали с другой стороны, опустошили землю, разрушили дворец Маньвархана и убили Венчика Небесного Лотоса.

Чернее черной тучи молча стоял Маньвархан.

— Где они, враги? — глухо спросил он Цецена.

Цецен молчал.

— Где они? — еще раз спросил Маньвархан, поднимая Цецена.

Цецен молчал.

— Мудрейший! Мы тебе доверили страну. Как же ты допустил это? — произнес Маньвархан, опуская старца на землю.

Женщины и девушки страны Бумба, проходившие мимо, опустили долу взгляды, стыдясь своего поступка. Мать Маньвархана беззвучно вытирала катившиеся слезы.

Маньвархан вскочил на своего коня и ускакал в степь. Обуянный великим горем, он один оплакивал его в пустыне. Люди и звери содрогались, слыша его неутешный плач. Реки и озера наполнились слезами Маньвархана, и с тех пор вода стала впзрвые соленой в морях и океанах. Так тяжело вздыхал Маньвархан, что вздохи его бурей прокатывались над землей, срывая с деревьев листья.

— Как же я не уберег тебя, Венчик Небесного Лотоса! — говорил Маньвархан, проливая горькие слезы.

Долго скитался Маньвархан по степям и пустыням. Вдруг он увидел коршуна, который распростер свои крылья над гнездом с птенцами жаворонка.

— Чем ты, коршун, занят? — спросил его Маньвархан.

Коршун отвечал:

— Да вот мать улетела в поисках корма, а я оберегаю птенцов от палящих лучей солнца.

Отъехав на некоторое расстояние, Маньвархан обернулся и увидел, как коршун поедает птенцов. «Оказывается, на свете существует ложь», — подумал Маньвархан.

На другой день он увидел пролетающую ворону, которая несла в когтях рака.

— Для чего ты несешь рака? — спросил у вороны Маньвархан.

Смутившись, ворона отвечала:

— Переносу его с грязного болотца в чистое озеро.

Отъехал Маньвархан немного, а потом обернулся и увидел, как

ворона расклевыивает рака. «Значит, на свете много лжи», — подумал Маньвархан.

На третий день Маньвархан проезжал мимо одного озера и увидел людей, которые тянули невод.

— Что вы делаете? — спросил людей Маньвархан.

Люди ответили:

— Озеро от тины очищаем, чтобы рыбам просторнее было плавать.

Отъехал Маньвархан, а потом обернулся и увидел, как люди вытаскивали из невода рыбу. «Значит, на свете очнь много лжи, — подумал Маньвархан. — А вдруг Цецен сказал мне неправду?.. А вдруг Венчик Небесного Лотоса жива?» — подумал он тут же, и эта мысль целиком овладела им. Маньвархан видел перед собой образ дорогой матери в час прощания, вспомнил свою последнюю просьбу беречь Венчика Небесного Лотоса. Он на мгновенио представил, как мать передает Венчику Небесного Лотоса ее лебединое одеяние.

После многих дней скитаний Маньвархан повернул своего коня в сторону родного селения.

В это время у кибитки умирающего Цецена собрались все девушки и женщины страны и вместе с матерью Маньвархана молили его возвратить Маньвархана. Они глубоко раскаивались в своем злом поступке.

— Я вижу, как Маньвархан возвращается домой, — сказал слабым голосом Цецен, — но горе его сделалось еще глубже, ибо он узнал о существовании лжи. Сейчас он должен прибыть сюда.

Обернувшись, женщины и девушки увидели всадника, который спускался с зеленого холма на исхудавшем и уставшем коне. Маньвархана нельзя было узнать. От прежнего цветущего юноши остались кости и кожа. Лишь глаза светились по-прежнему. Он слез с коня и подошел к Цецену.

— Я усомнился в твоих словах, старик, — хмуро сказал Маньвархан.

— Ты видел коршуна, ворону и рыбаков, которые тебе солгали, — отвечал ему Цецен. — Но почему они солгали? Ведь им легче было бы правду сказать. Ты подумал об этом? Но от их правды тебе не было бы легче. Они солгали, чтобы ты чувствовал себя лучше. Добра тебе желали. Значит, чего больше в мире: добра или зла?.. Перенеси меня в кибитку, — попросил Цецен Маньвархана.

В синеватом полумраке Кибитки Размышлений Цецен передал в руки Маньвархану Сокровенную книгу судеб.

— Я сейчас усну, — еле слышно сказал ясновидящий, — а

Венчик Небесного Лотоса жива. Вот кольцо, которое она передала для тебя... Когда я усну, ты трижды оклики меня и, если не отзовусь, выйди на улицу. Там тебя будет ждать крылатый волшебный конь. Садись на этого коня, и он поможет тебе найти Венчика Небесного Лотоса.

Старик умолк. Сомкнулись желтые веки. Маньвархан трижды окликнул Цецена. Он не отвечал.

Весть о том, что Венчик Небесного Лотоса жива, вмиг преобразила Маньвархана. Будто солнце осветило его мрачную душу. Он поклялся найти Венчика Небесного Лотоса, только бы она была жива.

Выполняя повеление Цецена, Маньвархан вышел на улицу.

На привязи гарцевал золотистый крылатый конь.

Конь бил о землю твердыми, словно камни, копытами и высекал искры. Он наклонял стройную журавлиную шею с густой шелковистой гривой вправо и касался пушистой челкой серебряной дужки стремени правой ноги, наклонял влево — касался серебряной дужки стремени левой ноги. Могучая крутая грудь говорила о выносливости коня, стремительно вытянутый корпус говорил о быстроте, острые бархатные уши говорили о чуткости, сверкающие глаза говорили о зоркости.

Нежными хлопьями ваты падала на землю розовато-белая пена.

Только коснулся стремени, только вскочил в седло, только слегка натянул Маньвархан золотые поводья — волшебный конь, словно тушканчик, вспрыгнул и плавно стал подниматься в небеса. Его могучие крылья подобно веслам разгребали прозрачную синь воздуха. Под ними мелькали голубые реки и высокие горы, темные леса, моря и океаны. Они неслись в сторону заката солнца, откуда прилетели сестры-лебеди купаться в священных водах Шикир-Лу.

Много дней летел Маньвархан. Однажды на вершине белого кургана он увидел сайгака, который наблюдал за ним. Маньвархан опустился ниже и обратился к сайгану:

— У тебя точеные ноги, которые быстрее ветра. У тебя несравненные всевидящие глаза. У тебя гордый орлиный нос. Ты похож на владыку птиц, царицу воздуха. Может, ты так же тоскуешь в поисках любимой, как я? О прекрасный, помоги мне! Не видел ли ты мою жену — Венчик Небесного Лотоса?

Польщенный сайгак ответил:

— Недавно она пролетала здесь. Мне показалось, что недалеко осталось ей лететь. Она полетела в сторону заката.

Маньвархан выслушал его и продолжал свой путь в том направлении, какое указал сайгак. Летел он, летел и через день

пути увидел огненные ворота. Волшебный золотисто-рыжий конь взмахнул всеми крыльями, рванулся вверх, и Маньвархан оказался за воротами. Перед ним расстилались голубые просторы. Вдали виднелись отроги небесных гор. Голубые травы были нежны и благоуханны. Повсюду цвели яркие цветы.

Маньвархан решил дать отдых коню и себе. Снял седло, стреножил золотисто-рыжего и пустил пастись. Сам он положил голову на подушку седла и вздремнул. В это время с запада показалось восходящее солнце. Только стал засыпать Маньвархан, как до его слуха донесся плеск воды. Открыв глаза, он увидел девушку, которая с восхищением смотрела на него, держа на плечах кувшин с водой. Она впервые видела такого красивого юношу. Лицо Маньвархана излучало свет благородного камня зрдени, на лбу отражалась мудрость девяноста девяти наук о сущности бытия, в могучих руках чувствовалась мощь всех двенадцати времен года. «В какой стране, какая мать родила его? Какая счастливая, в какой стране любима этим прекрасным витязем?» — думала девушка. Позабыв свои дела, она простояла у колодца очень долго, но, спохватившись, торопливо убежала домой. Потом девушка с кувшином снова пришла к колодцу и, как в первый раз, простояла, любуясь Маньварханом, до вечера.

Маньвархан спросил девушку:

— Ты пришла утром и простояла здесь до обеда. Пришла после обеда и простояла здесь до вечера. Кто ты и куда ты носишь воду?

Услышав голос Маньвархана, девушка потеряла дар речи, потом, оправившись, смущенно ответила:

— Вернулась дочь нашего повелителя, прекрасная Венчин Небесного Лотоса, и вот уже несколько дней мы отмываем ее после долгой дороги.

— Как же вы это делаете? — спросил Маньвархан, скрывая свою несказанную радость.

— Я тонкой струйкой лью из кувшина воду на одно и то же место, пока оно не отмоется, — отвечала девушка.

— Это делается не так, — сказал Маньвархан с видом знающего человека, — правда, сначала нужно лить тонкой струйкой, но под конец всю воду нужно выплеснуть сразу. Дай-ка кувшин, я тебе зачерпну, — предложил он свои услуги.

Девушка охотно отдала свой кувшин. Маньвархан зачерпнул воды и незаметно для нее опустил в кувшин кольцо Венчина Небесного Лотоса. Девушка поблагодарила Маньвархана и ушла во дворец.

Она стала мыть свою хозяйку так, как учил Маньвархан. Сна-

чала лила воду тонкой струйкой, потом выплеснула всю сразу. Из кувшина выпало кольцо с черным камнем эрдени. Лицо Венчика Небесного Лотоса озарилось неопишуемой радостью. Она вскочила с места и, взволнованно пожимая руки своей служанки, плача и смеясь, спросила:

— Ты его видела? Скажи, он там?

— Да, — ответила девушка. — Я не думала, что могут быть такие красивые юноши! Он сейчас у колодца.

— Приведи его сюда, да чтобы никто не видел, — попросила Венчик Небесного Лотоса.

Пока шел этот разговор между двумя молодыми женщинами, голубые сумерки вечера сменились синей ночью.

Служанка Венчика Небесного Лотоса с радостью побегала исполнять приказание своей госпожи. Она незаметно провела Маньвархана в покои хозяйки.

— Никуда я теперь тебя не отпущу! — плача, шептала Венчик Небесного Лотоса.

— Любимая, — говорил в ответ Маньвархан, — когда я узнал, что ты жива, я поклялся: хоть умереть, но найти тебя!

Так, забыв обо всех печалях на свете, они проговорили до утра. Каждый из них говорил о своей любви, и она была светла, как солнце, беспредельна, как вселенная. Маньвархану и Венчику Небесного Лотоса казалось, что страшное горе не омрачало их счастливую жизнь.

Утром Венчик Небесного Лотоса сказала со слезами на глазах:

— Милый мой, родители очень сердиты на тебя за то, что ты задержал меня. Они тебе никогда не простят этого и не благословят нас.

— Тогда улетим обратно! — горячо сказал Маньвархан.

— Нет, — подумав, ответила Венчик Небесного Лотоса, — я поговорю с отцом и матерью. Может, мне удастся уговорить их. Если они не простят тебя, я согласна бежать с тобой даже под землю!

Пошла Венчик Небесного Лотоса к родителям и сказала:

— Милый мой отец, милая моя мать, я вас очень люблю и очень скучала без вас, но я несчастлива здесь!

— Родная моя, что с тобой? — взволнованно спросил отец.

— Скажи, что мешает быть тебе счастливой? — с тревогой спросила мать.

— Как бы вы поступили, — отвечала им дочь, — если бы вдруг явился мой муж, без которого мне жизнь не мила?

— Слишком тяжка его вина перед нами, чтобы простить, — сказал отец.

— Он столько горя нам принес, едва ли можно простить, — несмело сказала мать.

— Разве он виновен в том, что полюбил меня? — грустно начала говорить Венчик Небесного Лотоса. — А сам он, Маньвархан, так хорош, что не полюбить его нельзя. Лицо его излучает нетленный свет благородного камня эрдени, на лбу отражается мудрость девяноста девяти наук о сущности бытия, его могучие руки вобрали мощь двенадцати времен года. Когда я сплю, сияние его красоты делает счастливым сновидение; когда я бодрствую, его присутствие делает мою жизнь светлой. Простите его!

— Если он так хорош, как говоришь ты, прежде чем принять решение, надо подумать, — сказал отец Венчика Небесного Лотоса.

— Ваша правда, — согласилась мать.

— Вы его сегодня увидите! — решительно сказала Венчик Небесного Лотоса и ушла.

...Мать и отец видели, что дочь их вернулась совсем другой. Они заметили ее постоянную грусть и задумчивость.

Поговорив между собой, родители Венчика Небесного Лотоса решили убить Маньвархана, ибо он причинил им слишком много горя. К тому же, рассуждали они, пока он жив, дочь все время будет думать о нем.

А Венчик Небесного Лотоса велела Маньвархану оседлать своего золотисто-рыжего и промчаться под окнами дворца, чтобы ее родители посмотрели на него. Отец Венчика Небесного Лотоса незаметно приготовил свой длинный меч и стал ждать появления Маньвархана.

Вдруг раздался свист летящей стрелы, и мимо окна промчался Маньвархан. Старик взмахнул мечом, но на три пальца не достал до хвоста коня. Однако он успел заметить все достоинства зятя. Мать Венчика Небесного Лотоса была очарована Маньварханом.

— Мне он понравился, — сказал отец Венчика Небесного Лотоса.

— Я рада за тебя, — сказала мать Венчика Небесного Лотоса, обращаясь к дочери.

— Я увидел его ум и красоту, но мощь и отвагу нужно еще испытать, — добавил отец.

— Где ум и красота, там должны быть и отвага и мощь, — слабо возразила мать Венчика Небесного Лотоса.

Родители попросили дочь, чтобы она привела Маньвархана к ним. Маньвархан надел свое лучшее платье и явился во дворец.

После того, как они побеседовали и узнали друг друга, отец Венчика Небесного Лотоса сказал:

— Звездочеты и прорицатели моей державы установили, что там, где солнце садится за горизонт, растет ветвистое черное дерево. На нем — гнездо семиглавого змея Муса, который должен причинить зло моей дочери Венчику Небесного Лотоса. Если ты действительно любишь мою дочь, ты должен найти гнездо этого змея и убить его.

— Я готов, — кратко, но с достоинством ответил Маньвархан.

— В доказательство того, что ты убил змея Муса, привези с черного дерева три листика.

— Привезу, — твердо сказал Маньвархан.

— В дорогу возьми вот это, — сказал отец Венчика Небесного Лотоса, подавая ему три лепешки, — воздух на полудневном пути от черного дерева отравлен ядом Муса. Когда подъедешь на это расстояние к дереву, съешь одну лепешку. Вторую лепешку съешь, когда будешь вступать в бой с Мусом-змеем, третью лепешку съешь, когда победишь его.

Маньвархан простился со всеми и отправился в путь.

Отец Венчика Небесного Лотоса дал Маньвархану меч своего деда. Только этим мечом можно было убить страшного Муса-змея.

Через семь дней пути Маньвархан заметил, как начинает блекнуть голубая трава долин, а еще через день пути началась выжженная ядом змея желтая пустыня. Воздух был наполнен едкой гарью. Маньвархан вытащил из кармана лепешку, половину съел сам, другую отдал коню. Далеко на горизонте он увидел огромное черное дерево, с ветвей которого поднимались коричневые клубы яда. Маньвархан вытащил меч и вихрем помчался к дереву. Шурша сухой чешуей, навстречу ему полетел семиглавый змей. Все семь голов его извивались в разные стороны и дышали пламенем.

— Прежде чем убить, я хочу знать, кто осмелился выйти против меня! — громоподобным голосом спросил змей.

— А ты назови себя! — дерзко отвечал ему Маньвархан.

— Я в своей груди несу смерть! И никому не дано меня победить! Хо-хо-хо! — самодовольно рассмеялся змей Мус.

— Я несу в свей груди любовь! Я сын земли Маньвархан! — сказал храбрый юноша, вступая в поединок.

Он быстро вытащил вторую лепешку, половину съел сам, другую дал коню. Услышав, что Маньвархан сын земли, змей Мус задумался, но потом, подняв все семь голов, бросился навстречу. Маньвархан взмахнул своим мечом и снес змею сразу три головы. Тогда Мус схватил юношу, почти оторвав от седла. Волшебный золотисто-рыжий конь так взмахнул крыльями, что сразу отсек змею еще две головы. Маньвархан вторым ударом меча снес оставшиеся две головы и избил змея на мелкие части. Потом выта-

щил третью лепешку и поделился ею с конем. После этого Маньвархан взял три листика черного дерева, все дерево с гнездом и останками Муса спалил, а сам уехал к жене.

Вся держава встречала Маньвархана как знаменитого героя, избавителя от жестокого чудовища. Многие отваживались на битву со страшным Мусом, но никто не побеждал его. Каждый год страна платила дань Мусу лучшими девушками царства.

Семью семь — сорок девять дней праздновали победу над Мусом и свадьбу Маньвархана и Венчика Небесного Лотоса. Самый прославленный мудрец сказал:

— Слава героям во веки веков! Слава сыну земли и зеленой земле. Слава любви, преодолевающей все преграды!

— Слава любви, преодолевающей все преграды! — повторили, ликуя, все жители, звери и птицы, травы и ветры. И золотым эхом, как чудесная музыка, пролетели эти слова над землей и месяцем, над солнцем и звездами.

Отец и мать Венчика Небесного Лотоса, провожая своих детей, просили прощения у Маньвархана за свои недобрые намерения.

Много подарков сделал народ Маньвархану и Венчику Небесного Лотоса. Но не драгоценные камни, не бриллианты, не золото и серебро радовали сердца молодых. Много платьев с лебедиными летающими крыльями преподнесли в дар Маньвархану и Венчику Небесного Лотоса, в дар далеким друзьям.

Весть о прибытии Маньвархана и Венчика Небесного Лотоса быстрее ветра разнеслась по всей Бумбе. Ликованию народа не было конца.

Все жители Бумбы встречали Маньвархана и Венчика Небесного Лотоса, мслодым трудно было пробираться сквозь толпу восторженного народа. А когда всадники оказались перед коленопреклоненным Советом Мудрейших, волшебный конь вдруг стал как вкопанный и тихо произнес человеческим голосом:

— Устал.

— Где же мудрейший Цецен? — спрашивали люди Маньвархана, после того, как он и Венчик Небесного Лотоса сошли с коня.

— Не знаю, — отвечал Маньвархан, удивляясь тому, что у него спрашивают о мудром Цецене.

— Здравствуй, народ мой! — воскликнул вдруг Цецен, поднимаясь с того места, где стоял золотисто-рыжий конь.

— Цецен! — закричал изумленный народ.

— Цецен! — закричали Маньвархан и Венчик Небесного Лотоса, обнимая древнего доброго старца.

Семью семь — сорок девять дней праздновала Бумба великий

праздник. Маньвархан, Венчик Небесного Лотоса и их счастливая мать простили женщинам и девушкам Бумбы злое деяние, совершенное от любви к самому красивому юноше вселенной. Снова жизнь потекла так же радостно, как в былые времена. Люди зажили, как прежде, ничего не деля на «твое» и «мое», не ведая ни войны, ни болезней, не зная ни зла, ни вражды.

Много лет жили счастливо Маньвархан и Венчик Небесного Лотоса, окруженные любовью и почетом народа. Много у них было детей, внуков и правнуков.

И с тех пор, говорят, в жилах людей течет могучая кровь сыновей земли и нежная кровь дочерей далекой звезды Алтан. И потому в людях всегда жисет стремление к манящим высотам, к звездам!

К

Бамба и красавица Булгун

Когда-то, давным-давно, у хана страны элютов¹ Шарка жил в работниках юноша-сирота по имени Бамба. Все во дворце обижали беззащитного Бамбу. Его кормили объедками со стола хана, и то после того, как насытятся собаки.

Однажды Бамба нашел в степи золотое яйцо и принес его во дворец. Полюбовался хан яйцом и говорит:

— Раз нашел яйцо, найди и золотую курицу. Найдешь — мою младшую дочь в жены отдам, не найдешь — голову потеряешь.

Что поделаешь против воли всеильного повелителя? Пришлось ехать Бамбе искать золотую курицу.

Все ханства на земле страдали от того, что никто не мог найти золотую курицу. Мудрецы говорили: «Той стране, которая обладает золотой курицей, не страшен ни один враг — все мусы и шулмусы² обходят державу, где поселилась она. Найти ее может лишь тот, у кого сердце чисто, как капля утренней росы, и нет на нем ни одного пятнышка неправды». Мудрецы предсказали, что если Бамба найдет золотую курицу, то она принесет счастье не только ему, но и всему народу.

Много отважных богатырей отправлялись на поиски золотой курицы, но ни один из них не достиг цели. Теперь за ней поехал Бамба.

Семью семь — сорок девять дней проехал юноша и встретил

¹ Элюты — так в древности называли калмыков.

² Мусы и шулмусы — дьяволы, злая сила.

в степи странного человека: сам из снега, а лошадь — из бумаги. Голосом степного ветра спросил тот человек:

— Куда свой путь направил, богатырь?

— Я не богатырь, а пастух, работник, — отвечал ему Бамба. — Хан приказал мне найти золотую курицу. Найду — свою младшую дочь отдаст за меня, не найду — голову отрубят. Не нужна мне ханская дочь, дорога мне своя голова!

— Продолжай свой путь в сторону заката. Золотая курица свила себе гнездо на вершине высокого дерева. Добраться до него может лишь тот из смертных, кто нашел золотое яйцо. Если ты хороший богатырь — застанешь курицу во время утреннего сна, если ты богатырь средний — застанешь курицу во время дневного сна, если ты богатырь плохой — застанешь курицу во время вечернего сна, — так сказал человек из снега, на лошади из бумаги и удалился прочь.

Еще проехал Бамба по пустынной ковыльной степи и вдали увидел огромное одинокое дерево. Приблизившись на день пути, он определил, что вершина дерева на три пальца ниже небесного купола, а окружность дерева потребует месяца быстрой езды. Кора дерева была гладкой, как рукоять плетки, и блестела, словно вода степного озера в тихую погоду. На самом верху виднелось серебряное гнездо золотой курицы, напоминающее белую кибитку, поставленную вниз крышей.

Целый месяц ехал Бамба вокруг дерева по ходу солнца. Наконец, ранним утром, увидел он свисающую с дерева лестницу. Только успел Бамба коснуться ногой ступени — лестница сама подняла его вверх. Чем выше поднимался он, тем ярче становился свет. И даже после того, как прикрыл шапкой глаза от ослепительных лучей, струившихся из гнезда, сквозь бараний мех шапки он увидел спящую золотую курицу. Бамба быстро вытащил из кармана большой платок, накрыл им курицу, тонкой цепочкой окутал ее ноги и спустился на землю.

Бамба направил свой путь домой. Едет он, едет и к вечеру доскал до небольшого зеленого холма и решил переночевать, — дать отдых себе и коню.

Спал Бамба долго, а когда проснулся, то не поверил тому, что увидели его глаза: перед ним стоял белый мраморный дворец с волнообразными голубыми отливами. Золотистый купол дворца горел, как ночной костер. У дверей стояла стража в серсбренных доспехах. В лучах утреннего солнца грозно поблескивали острия стальных копий. «Нужно бежать, пока еще никто меня не заметил», — решил Бамба. Поднимаясь, он услышал взволнованные голоса: «Они проснулись, они встают!» Еще не успел Бамба со-

образить, о ком говорят, — к нему подсккали на могучих конях три витязя, легко, как пушинки, соскочили с коней, пали перед ним ниц и воскликнули:

— О повелитель! Мы ждем ваших приказаний!

— Делайте со мной, что хотите, — смущенно пробормотал Бамба.

Два витязя взяли его под руки и повели ко дворцу. Стража склонила оружие. Третий витязь стал открывать двери. Сорок восемь дверей он открыл, пока проходили по роскошным комнатам дворца. Наконец открылась дверь сорок девятой комнаты. Там Бамба увидел две кровати из сандалового дерева, убранные драгоценными коврами. В середине комнаты стоял большой железный сундук, на нем стоял бронзовый сундук поменьше, на бронзовом сундуке стоял серебряный ларец, а на серебряном ларце сидела золотая курица. Увидев Бамбу, она соскочила на пол и, склонив маленькую светящуюся головку, тоненьким голоском пропела:

— О мой повелитель! Я жду ваших приказаний!

— Нам бы нужно как можно скорее добраться домой, — робко сказал Бамба.

— Простите меня, о мой повелитель, но ведь вы и так у себя дома, — почтительно сказала золотая курица.

— Но мой хан приказал мне принести вас к нему! — осмелев, произнес Бамба.

— Вы говорите о хане Шарка и его ханстве? Пусть они будут здесь! — воскликнула золотая курица, взмахнув крылышками.

Как только золотая курица произнесла эти слова, на улице раздался шум многоголосой толпы, настежь открылись все двери дворца, и вошли люди хана Шарка. Впереди шла младшая дочь хана, мудрая Булгун. Казалось, солнце, снятое с голубой выси небес, внесли в зал дворца — таково было сияние несравненной красоты ханской дочери. Люди закрывали ладонями глаза, боясь ослепнуть от этого сияния.

— Славнейший сын нашего народа, — обратилась Булгун к Бамбе, поднимая кверху соединенные ладони, — народ ждет тебя! В твое отсутствие на нашу державу напали жестокие мангасы, убили моего отца, хана Шарка, угнали табуны лошадей, стада коров, уводят красивейших девушек, разоряют твою отчизну, — грустно проговорила она, и в уголках ее черных глаз задрожали светлые слезы.

Бамба растерянно смотрел на прекраснейшую Булгун и не знал, что делать. Но сердце его наполнилось решимостью сделать все для спасения своей родины.

— Войска ждут ваших приказаний! — доложил ему военачальник.

— Коня! — воскликнул Бамба.

Десятитысячное войско бесстрашных богатырей под желто-пестрым знаменем державы двинулось вслед за Бамбой. Словно трехлетние барсы, будто расвирепевшие тигры, как могучие львы, защищающие своих детенышей, бросились они на жестоких мангасов. Но как ни светла лунная ночь, не сравниться ей с сиянием дня.

Как ни велика была храбрость всех славных воинов, но нельзя было сравнить ее с доблестью юного героя Бамбы.

Через семь дней страна элютов была очищена от врагов. От моря до моря, до всех четырех стыков земли и неба полетела весть о славных подвигах Бамбы.

Самая красивая и мудрая на земле, солнцеподобная Булгун решила созвать всенародный хурал¹ для избрания хана элютов.

— В пятнадцатый день месяца овцы², — кричали по всей стране глашатаи, — всем собраться ко дворцу! Так повелевает прекрасная Булгун!

Наутро пятнадцатого дня месяца овцы площадь перед дворцом была заполнена народом. Сюда прибыли знатнейшие белой кости:³ ближайшие советники ханши — тайши,⁴ нойоны.⁵ Люди черной кости⁶: простые воины, табунщики, скотоводы. Это был великий хурал.

Первый советник Булгун, престарелый мудрец Менке, сказал, обращаясь к народу:

— Слушай меня, прославленная знать: полководцы, тайши, нойоны! Слушай меня, простой люд: воины, табунщики, скотоводы! Моими устами обращается к вам наша мудрейшая повелительница Булгун. Велико, богато наше ханство, да нету у нас хана. Чье имя мы назовем властителем наших жизней?

Белая кость называла богатейших и знатнейших, черная кость называла имена мудрейших и справедливейших.

Крики слились в сплошной гул, а от топота ног взволнованного народа к небу поднимался столб густой пыли.

— Слушай меня, народ мой! — воскликнула звонким голосом Булгун, и сразу стало тихо. — Чтобы не было обидно ни белой,

¹ Хурал — сходка, съезд.

² Месяц овцы — май.

³ Белая кость — здесь: правящая знать.

⁴ Тайша — советник.

⁵ Нойон — князь.

⁶ Черная кость — здесь: простолюдины, трудящиеся.

ни черной кости, я назову имя славнейшего Бамбы. Родом он из простых людей, деяниями выше знатнейшего. Пусть знатные поднимут свои желто-пестрые знамена, воины — мечи, простые люди — кнутовища, если сердца их просят в ханы Бамбу.

Все стяги, все мечи, все кнутовища взметнулись к небу.

Народ избрал ханом Бамбу.

В тот же день Булгун позвала во дворец нового хана.

— Слушаю ваши повеления, — несмело сказал Бамба, явившись к ней.

— Нет, — отвечала с улыбкой девушка, — ханы повелевают сами. Одни умно, другие не совсем, — добавила она.

— Я еще не привык быть ханом, — признался в ответ Бамба.

Прекрасная Булгун посоветовала Бамбе избрать себе мудрых и верных советников.

А Бамба думал: мудрее, чем сама Булгун, советника ему не найти, и еще он думал о том, что она самая красивая девушка на земле.

Прошло некоторое время, и проницательнейший из его советников, столетний Менке, сказал однажды Бамбе:

— Хану державы не надлежит жить одному.

— Ах, — отвечал ему хан, — во всей вселенной есть лишь одна девушка, которую я хотел бы видеть всегда рядом с собой, да едва ли она пожелает быть супругою бывшего пастуха.

— А надо узнать, вдруг пожелает, — лукаво усмехнулся старик.

На другой день после этой беседы по всей стране элютов был объявлен праздник: хан Бамба женился на прекрасной Булгун.

Семью семь — сорок девять дней продолжался пир.

И Бамба и Булгун были счастливы, ибо они любили друг друга с первой встречи и были достойны друг друга.

После того, как гости разъехались со свадебного пира, Бамба и Булгун вошли в комнату, где жила золотая курица. Она соскочила со своего серебряного ларчика, радостно захлопала маленькими огненными крыльями.

— Ах, как я довольна! Ах, как я довольна! — пропела она тоненьким голоском, поздравляя молодых.

— Счастье наше, — сказали в ответ Бамба и Булгун, — мы благодарны тебе за все, что ты для нас сделала.

— У вас будет два славных сына, два славных сына! — снова захлопав крылышками, пропела золотая курица...

Каждое утро Бамба и Булгун садились на коней и объезжали свои владения. Они бывали в кибитках и знатных и простых лю-

дей. Выслушивали всех, помогали бедным и сирым, чинили справедливый суд.

Бамба никогда не забывал свои сиротские годы, и потому у него не было обиженных. Он всегда помнил о нуждах народа, и народ любил его.

Булгун посоветовала Бамбе пригласить из Китая мастеров дерева и камня, ученых землестроителей, приблизить к себе вдохновенных певцов, чьи песни, знала она, переживают много столетий.

Неузнаваемой стала страна элютов. Там, где желтели голые солончаковые степи, зазеленели сочные луга. Реки изменили свое течение, и всюду журчали голубые каналы, созданные людьми. На солнечных полянках, словно дети, резвились телята, доверчивые ягнята. Разному скоту — овцам, коровам, лошадям, верблюдам — не стало числа.

Высокие ветвистые деревья, рассажанные всюду, словно рассказывая сказки, шелестели густыми зелеными листьями. И в знойное лето, прячась от жгучих лучей полуденного солнца под тенью могучего дуба, пастухи благодарно шептали:

— Да ниспошлет великий Будда долгие счастливые годы нашему славному хану Бамбе!

Держава вела торговлю со всеми соседними странами. Базары были полны иноземных товаров. И тонкий шуршащий шелк, и звонкую серебряную посуду, и пестрые мягкие ковры, и булатные мечи, отделанные золотом и серебром, — все можно было обменять на жирных коров, на быстрых коней, на овец величиною с годовалого теленка.

Элюты были счастливы.

Но нет ничего вечного под солнцем.

Большое горе постигло хана Бамбу и его народ. Прекрасная Булгун родила двух сыновей, а сама находилась на смертном одре. Горькими слезами заливался Бамба. Он упал на колени перед золотой курицей и молил помочь Булгун. Плакала золотая курица, но твердила одно:

— Я не властна над смертью!

Умиравшая Булгун позвала к себе любимого Бамбу и всех его советников и слуг.

— Поклянитесь мне, — сказала она слабым голосом, — что все вы будете верны моим сыновьям и вырастите из них достойных мужей.

— Клянемся! — отвечали все и подходили к желто-пестрому боевому знамени элютов, преклонив колени, целовали обветренный шелк.

— Теперь я спокойна, — сказала мудрая Булгун и замолкла. На девяносто девять дней в стране был объявлен траур. Так горевали элюты, словно каждая семья потеряла кормильца.

Семь дней непрерывно шел дождь, и люди говорили:

— Это небо оплакивает нашу Булгун.

Даже деревья грустно опустили свои ветви.

Семь дней не ел, не пил и не спал Бамба. Уста молодого хана шептались лишь одно незабвенное имя: «Булгун, Булгун!..»

Могучие крики новорожденных, колыбели которых подтащили к дверям комнаты, где сидел Бамба, заставили его поднять голову.

— А-у-а! — раздавалось из-за дверей.

Радостная улыбка озарила лицо Бамбы, когда он услышал голоса детей, и он вышел из комнаты.

Слуги и советники пали ниц. Мудрый Менке сказал:

— Велико наше горе, но вот, хан, смотрите на нашу радость, — он указал на двух мальчиков: — разве мала наша радость? А они еще не имеют имени.

— Пусть старший будет Белеком¹ — как память о прекрасной Булгун, пусть младший зовется Чиделом² — он будет опорой нашей державы, — задумчиво изрек хан Бамба.

Время шло. Два мальчика росли не по дням, а по часам. Через три года они могли, схватив за гриву, на скаку остановить самого ретивого коня.

Воспитателями своих детей хан назначил умудренных опытом ученых и советников. А военному искусству он учил их сам. Мудрости девяносто девяти наук о сущности бытия мальчиков учил столетний старец, ближайший советник Бамбы — Менке.

— Все живое, что не идет против жизни, должно жить, — говорил он.

И братья внимательно слушали мудрого старика.

Белек и Чидел играли со всеми детьми: и знатных и простых родителей. У них было доброе сердце.

Однажды мальчишки поймали желторотого вороненка, который, не умея еще летать, перепрыгивал с ветки на ветку и упал на землю. Сын палача страны элютов Цустин Галзана сказал товарищам:

— Давайте обрежем ему крылья и посмотрим, как он будет убежать от собак.

— Нет, — сказал на это Чидел, — все живое, что не мешает жизни, должно жить!

¹ Б е л е к — подарок.

² Ч и д е л — сила.

Чидел ловко вскарабкался на дерево и положил испуганного вороненка в гнездо. Ворон, сидевший на самой макушке дерева, благодарно прокаркал:

— Крра, крра!

Белек рассказал об этом случае мудрому старцу Менке, на что тот заметил:

— Никогда не нужно пытаться делать то, чему еще не научился. Глупый вороненок вздумал летать прежде времени и чуть не поплатился жизнью.

Бслек и Чидел утешали сердце хана Бамбы, раненное смертью Булгун, но каждый день он вспоминал жену и предавался тоске.

Но все в мире проходит — проходит и горе.

Соколами полетели по стране глашатаи, извещая, что хан Бамба делает смотр невест во дворце.

— Красавицы, торопитесь во дворец! — кричали веселые глашатаи.

На рассвете следующего дня над страной элютов пролетало племя пятисот шулмугов. Оно торопилось на отдых, ибо восток занимался уже зарей, близился день. Старший, летевший впереди, вдруг застыл на месте и радостно воскликнул:

— Смотрите, смотрите, что за страна? Видите, как здесь благоденствуют люди?

— Как же мы не знали до сих пор, что существует такая страна! — с сожалением воскликнул второй шулмуг.

— Дозвольте завоевать? — вскрикнул третий, вырываясь вперед.

— Дозвольте! Дозвольте! — перебивая друг друга, закричали все.

— Тише! — грозно приказал старший, нюхая воздух железным клювом. — Тут я чую дух нашего смертного врага — золотой курицы! — проговорил он.

— Что же будем делать? — испуганно прошептал, пробираясь в середину стаи, тот, который первым вызывался завоевать страну элютов.

Взмахнув серыми перепончатыми крыльями, похожими на крылья летучей мыши, старший плавно опустился на землю. Вслед за ним опустились остальные. В предутренней тиши слышался лязг железных ногтей. Все шулмусы с нетерпением ждали, что скажет старший.

— Эту страну, в которой обитает золотая курица, никто из нас завоевать не сможет. Пусть все войдут в меня, и я, обретая силу пятисот, завоюю ее, — сказал старший.

Четыреста девяносто девять шулмугов согласились со стар-

шим, ибо он считался у них мудрым. Послышался треск и шум, посыпались голубые искры — то племя шулмусов входило в одно железное тело.

Вобрав силу всех, старший шулмус превратил себя в невидимую стрелу и полетел в страну элютов. Вот он увидел стадо коров, а около стада — хромую девушку, которая собирала кизяки. Ее лицо было безобразно.

Шулмус направился прямо к ней. Он вонзился в ее грудь, и... уродливая пастушка превратилась в невиданную красавицу и на мгновение лишилась чувств. Когда она очнулась, солнце поднималось над миром. Легкий ветерок расчесывал травы, а в небе пели звонкоголосые жаворонки. Девушка поднялась и недоуменно посмотрела вокруг. Она подумала, что все это ей снится. Она прикрыла белой ладонью правый глаз и все равно видела мир таким же прекрасным! Попробовала побежать — ноги несли ее легко и быстро, словно резвые ноги трехмесячного козленка. Щипнула себя — стало больно.

— О великий Будда, благодарю тебя за милость! — воскликнула она, падая на колени, но тут же поднялась, боясь испачкать новый бешмет из тонкого китайского шелка.

Девушка побежала к колодцу и, смеясь и плача от счастья, посмотрела на свое отражение в воде.

Вот до ее слуха донесся топот копыт. Обернувшись, она увидела трех всадников, вихрем летевших к ней. Прекрасные кони мчались словно птицы.

— Отныне ты будешь делать только то, что я пожелаю! — вдруг властно приказал ей кто-то изнутри и будто дернул за сердце.

Она снова лишилась чувств. Всеми ее поступками теперь управлял шулмус, повелевавший ей.

— Откуда эта красавица? Чья она? — спрашивали друг у друга всадники, остановившись около нее.

— Красавица, мы не знаем, чья вы, но приглашаем вас во дворец нашего славного хана Бамбы на смотр невест, — сказал один из юных всадников.

— Благодарю вас за честь, брат мой, — учтиво ответила девушка.

— А как она воспитанна! — восхищался другой всадник. — Как же вас зовут? — спросил он.

— Баир¹, — сказала девушка, смущенно улыбаясь.

¹ Баир — радость.

— Только это имя подходит для вас, — сказал ей третий всадник.

Когда Баир явилась во дворец, там были собраны самые красивые девушки со всей державы. Хан и его приближенные трижды обошли ряды девушек и трижды останавливались возле Баир. Она так глядела на хана, что хан понял все ее мысли. Она говорила взглядом: «Возьми меня, всемогущий Бамба, я сделаю тебя счастливым».

— Начинаем состязания. Пусть девушки споют по одной песне, — объявил первый советник Бамбы, престарелый Менке.

Целую неделю хан слушал чудесное пение девушек-красавиц. Все они пели, лаская слух подобно жаворонкам. Но в сердце хана целую неделю звучал голос Баир. Было признано, что лучше Баир никто не поет.

Целую неделю хан смотрел на пляску юных девушек. Все восхищались дивными танцами. Птицей взлетали девушки, летними бабочками кружились они перед ханом и его приближенными. Гремели бубны, звенели колокольчики, рвались струны домбр. Красиво танцевали девушки. Но перед глазами хана все время стояла Баир. Было признано, что лучше Баир никто не пляшет.

После пения и плясок решили испытать мудрость девушек.

— Что на свете всего острее? — спросил престарелый Менке.

— Голодающего зубы,

Умиряющего взгляд,

Солнца луч меж облаками, — ответила Баир.

Было признано, что Баир ответила мудрее остальных девушек.

В честь женитьбы хана Бамбы по всей державе элютов был объявлен великий праздник. Боролись борцы, состязались бегуны. Всюду устраивались скачки.

Семью семь — сорок девять дней продолжался пир. Арака и арза¹ тенли рекой.

И шулмуска Баир стала ханшей благоденствующей державы.

Целый год после свадьбы Бамба не выходил из дворца. Новая жена Баир с восхода солнца до заката пела ему песни, а после заката плясала и рассказывала сказки. Потом она садилась рядом с ним и говорила нежным голосом:

— Посмотри в мои глаза!

С радостной улыбкой Бамба глядел в черные глаза жены и, медленно откидываясь назад, засыпал крепким сном.

Усыпив мужа, шулмуска Баир вылетала через окно дворца,

¹ Арака и арза — водка, приготовленная из молока.

рыскала по всей стране элютов. Она находила запоздалых путников, которые ночевали в степи, и убивала их.

Хан Бамба с утра до вечера любовался Баир, с нетерпением ждал поры, когда она взглянет ему в глаза, усыпит его и во сне к нему придет блаженство.

Никакими делами он уже не интересовался, стал ленивым и злым, ни с кем не советовался, и только одной Баир он подчинялся во всем.

За год, прошедший после свадьбы, сильно изменился облик державы элютов. Знатные и богатые, пользуясь тем, что хан не выходит из дворца, стали притеснять бедных. Начали засыхать сады и пастбища. Люди с вечера забирались в своих домах, прячась от внезапной смерти, которая стала частой гостьей в степях.

Однажды утром к Бамбе пришел его пронизательнейший советник, столетний Менне.

— Люди, избравшие тебя ханом, хотят видеть тебя, — сказал он.

— Когда пожелает сам хан, он увидит их, — сверкнув глазами, ответила Баир за Бамбу и дала знак, чтобы советник вышел.

С улыбкой смотрел Бамба на гневную Баир, и она ему показалась еще красивее, чем прежде.

Как-то утром хан заметил, что Баир грустна, и спросил ее:

— Отчего ты печальна, радость моя?

— Не знаю, — отвечала ему супруга, — и причины-то для печали нет. Просто вспомнила, как у хана Гюргю похитили жену. Я подумала: а вдруг меня выкрадут и я умру в разлуке с тобой?

— Как! — вскочил с места Бамба. — Чтобы тебя выкрали?

Хан приказал возвести вокруг дворца высокие каменные стены, вокруг стен велел поставить стражу и никого не впускать во дворец. Он приказал поднять такие же стены вдоль границ всей державы, чтобы и зверь не перебежал, и птица не пролетела.

Целую неделю Баир была весела, пела, плясала.

— Теперь я вижу, что ты мудр, а мудрых не любить нельзя! — говорила она, ласкаясь к мужу.

Хан был рад веселью Баир.

Но никто из его подданных теперь уже не мог видеть его. За стенами дворца держава приходила в полный упадок. Опустели базары, иноземные купцы перестали привозить товары. Люди покидали свои селения и кочевали из края в край в поисках лучшей доли. Но жизнь всюду была одинаково безрадостна.

Через некоторое время Баир снова загрустила.

— Отчего ты стала печальной, радость моя? — встревоженно спросил ее хан.

— Я уделяюсь неблагодарности твоих подданных. Особенно тех, кого ты пригрел около себя. Они начинают завидовать тебе. Вот твой Менке...

— Менке! — закричал в гнев Бамба. — В подземелье его!

И бросили старца Менке в подземелье. Спустилась к нему ночью торжествующая Баир и прошипела со злорадством:

— Ну, не хочешь ли хана повидать? Не хочешь ли ты его показать народу?

Увидев перед собой шулмуску, Менке испуганно вскрикнул, метнулся к дверям, но Баир вонзила в него свой стальной клюв.

Наутро следующего дня Баир была особенно весела и нежна с ханом.

Однако радость ее была омрачена в эту ночь.

Возвращаясь после охоты, Баир заметила на улице молодого человека. Шулмуска ринулась к нему, но тот быстро вошел в дом, захлопнув перед нею двери.

— За мною гналась шулмуска, — услышала она за дверью.

— В ханстве, где золотая курица, шулмусов не бывает, — ответил ему другой голос.

— Надо посоветовать хану, пусть он поговорит с золотой курицей, — не унимался первый голос.

— А как ты ему посоветуешь? Ведь к нему нельзя подойти, — грустно сказал второй голос.

Баир решила убить золотую курицу. Утром она притворилась больной и не поднялась с постели.

— Что с тобой, радость моя? — взволнованно спросил ее хан.

— Тяжело мне, болею! — со стоном отвечала ему жена.

Бамба вызвал во дворец всех знаменитых лекарей державы. Все они по-разному определяли болезнь ханши. Одни говорили, что печень у нее разбухла, другие уверяли, что кто-то отравил ее. Никакое лекарство не помогало. Хан Бамба приказал своим лекарям и ученым в три дня вылечить Баир и пригрозил им жестокой казнью.

Прошло три дня. Баир по-прежнему ничего не ела. Ее тяжелые вздохи и стоны неумолчным звоном висели над ухом повелителя, раздирая его душу. Все ученые были наказаны и брошены в подземелье.

— Скажи, радость моя, может быть, ты сама знаешь, чем можно вылечить тебя? — плача, шептал измученный Бамба.

Она молчала.

— Скажи, или же я умру, — умолял он супругу.

— Не умирай, — тихо ответила Баир. — Есть одно средство, но оно чересчур дорого тебе.

— Дороже тебя нет ничего на свете! — воскликнул обрадованный Бамба.

— Мне может помочь бульон из золотой курицы, — будто страдая, прошептала шулмуска.

Бамба вызвал к себе главного повара и велел ему сварить золотую курицу. Повар не посмел перечить хану, унес курицу на кухню и опустил в котел с кипящей водой.

В это время на улице Белек и Чидел услышали зов:

— Быстрее ко мне на кухню!

Когда они прибежали на кухню, повар сказал им:

— Вот хан повелел сварить золотую курицу на бульон для ханши.

— Скорее съеште меня, — услышали братья печальный голос золотой курицы, донесшийся из котла. — Пусть Белек проглотит голову, а Чидел — лапки. Сердце мое спрячьте так, чтобы никто не видел.

Белек и Чидел сделали все, как просила золотая курица. Сердце ее спрятали в серебряную шкатулку и зарыли под деревом.

Повар принес в покои ханши светящийся бульон. Сам хан, улыбаясь, приподнес ей целебную чашу.

— А где же та паршивая курица! — гневно воскликнула шулмуска, вскакивая с постели.

— Где? — громовым голосом повторил хан Бамба.

Повар чуть не умер со страха, но, собравшись с духом, сказал:

— Когда бульон был уже готов, я вышел за солью. В это время с улицы вбежали голодные Белек и Чидел и съели курицу. Они не знали, что курица была целебной.

Ханша улыбнулась в ответ и сказала:

— Впрочем, нам важен бульон.

Баир сделала вид, что выздоровела, и, на радость Бамбе, снова пела, плясала, рассказывала сказки. Но спустя несколько дней она опять притворилась больной.

Всех лекарей своих казнил хан, однако помочь ей ничем не смог. Посылал послов в другие державы, да никто не пожелал приехать.

— Я умираю, — сказала ему на десятый день болезни Баир, — прощай.

— Нет, нет, — закричал хан Бамба, — ты живи, живи! Все ханство отдам, себя отдам, лишь бы ты жила!

— Есть одно средство, которое поможет, — тихо простонала в ответ ханша.

— Какое? — с нетерпением воскликнул хан.

— Оно дороже, чем золотая курица.

— Какое? — повторил хан.

— Я бы не хотела выздороветь такою ценою, но только ради тебя! Если ты умрешь, погибнет твоя цветущая держава. Если я умру, умрешь и ты с тоски. Ради тебя и державы! Слушай, — зашептала Бамбе шулмусна, — мне поможет только бульон из сердец Белека и Чидела.

— Ради державы, — промолвил Бамба и, вызвав палача Цустин Галзана, велел ему убить Белека и Чидела, а их сердца доставить во дворец.

— Сделаю, — отвечал ему Цустин Галзан.

— Слушай, дурень, — тихо, но внятно сказала ханша Цустин Галзану, — собери народ и объяви, что Белек и Чидел замыслили убить своего отца и занять его место, что они во всем сознались и сами просили хана казнить их. Скажи, у нашего хана мягкое сердце и он не смог отказать в просьбе своих сыновей.

— Понял вашу мудрость, — ответил Цустин Галзан.

В тот же день весь народ, по повелению хана Бамбы, был собран на площади. Каждый хотел протиснуться вперед. Все говорили меж собой: «Наконец-то, наконец-то хан пожелал поговорить с народом!» Но вот вышел Цустин Галзан и объявил о вине Белека и Чидела и воле хана. Никто не поверил словам палача, но все молчали.

Прежде чем приступить к исполнению воли хана, главный палач Цустин Галзан трижды в смятении опустил на колени, трижды сотворил молитву: он просил о ниспослании прощения за нарушение клятвы, которую он давал мудрей Булгун, — быть верным ее сыновьям. Рядом с ним лежала огромная секира.

В это время на ясном светло-синем небе, справа от сверкающего купола дворца, вдруг появилась маленькая черная тучка, и люди удивились этому странному, небывалому явлению.

Палач Цустин Галзан, именем которого матери пугали своих детей, всегда с каким-то торжеством и злым удовольствием выполнял свое дело. Он легко рубил головы тех, кто был беззащитен. Но, как обыкновенно бывает с такими людьми, в душе Цустин Галзан был жалкий и подлый трус.

Вот и сейчас, получив жестокое повеление хана, он не нашел силы отказаться от его выполнения, ибо дорожил своей презренной жизнью, но в то же время страшился умертвить Белека и Чидела — Цустин Галзан целовал священное знамя, присягая в верности Белеку и Чиделу перед смертью их матери.

— Арзы! — закричал палач, засучивая по локоть рукава красного бешмета.

Семьдесят один человек, еле поднимая, поднесли ему огромную желтую чашу, до краев наполненную влагой, горящей кровью.

Цустин Галзан единым духом опорожнил чашу. Толстые прожилки его воловьих глаз налились кровью.

Он поднял с земли секиру и стал разглядывать ее лезвие.

Маленькая черная тучка, показавшаяся справа от сверкающего купола дворца, разрослась и обложила полнеба.

— Ведите мальчиков! — крикнул Цустин Галзан.

Слуги хана Бамбы привели мальчиков.

— Пусть первым убивают меня! — сказал Чидел, бесстрашно вырываясь вперед.

— Я старше тебя, пусть убивают меня! — храбро воскликнул Белек, закрываясь с собою Чидела.

Обоим братьям не хотелось умирать, но ноли не было спасения, они решили смерть принять, как подобает настоящим мужчинам, — гордо, не унижая себя.

— Пусть подойдет старший, — прохрипел Цустин Галзан, глядя на братьев.

Белек поцеловал Чидела, поклонился во все-все стороны народу и подошел к палачу.

— Не смей! — закричали люди Цустин Галзану, когда тот стал подходить к Белеку.

А в это время черная туча обложила все небо. Стало тихо и темно, как бывает перед восходом луны.

И, только Цустин Галзан обхватил дубовую рукоять секиры и поднял ее вверх, в небе сверкнула молния, грянул оглушительный гром, разверзлись тучи, и в узком просвете, освещенном лучами далекого солнца, люди увидели огненный шар.

Все пали ниц.

А когда люди подняли голову, небо было по-прежнему чисто, сияло солнце. На том же место стоял бледный Цустин Галзан, но рук у него уже не было. Они лежали у его ног, сжимая ладонями тяжелую секиру.

Чудо, которое произошло на глазах у всех, поразило Цустин Галзана. Увидев перед собой свои руки, он наклонился, чтобы взять их, и только тут понял, что взять-то нечем.

Белек и Чидел, как и весь народ на площади, смотрели в небо, откуда появился огненный шар.

Из толпы вышел древний старик, борода которого волочилась по земле, подошел к братьям и сказал:

— Идите прямо по дороге, в сторону заката. Много ли, мало ли пройдете — дорога будет расходиться на две стороны. Пусть старший пойдет вправо, младший — влево.

Сказав это, старик положил на землю большой мешок, вытащил из мешка кусок сушеного сыра — хурсум, полоски сушеного мяса — борцог, одну бортоху кислого молона и отдал все это братьям на дорогу.

Прощавшись с народом, Белек и Чидел ушли в указанную сторону.

— А вы, — сказал старик, обращаясь к слугам хана, — зарежьте двух щенят, вытащите их сердца и отнесите во дворец.

Так и сделали. Увидев два трепещущих сердца, Баир весело вскочила с постели, и будто сразу прошла ее болезнь. Теперь, решила она, все ханство ее: золотой курицы нет.

Целую неделю она пела и плясала. Хан Бамба забыл и о золотой курице, и о своих родных сыновьях, и о своем народе, который избрал его повелителем страны.

Но однажды, засыпая, он увидел такой блеск в глазах жены, что у него волосы стали дыбом.

Баир заскрежетала зубами, изо рта ее посыпались искры.

— Что с тобой? — спросил у нее, поднимаясь, Бамба. Со страха у него зуб на зуб не попадал.

— Ничего, — с улыбкой отвечала Баир.

Шулмуска Баир в этот вечер услышала дух золотой курицы. Она тут же вызвала Цустин Галзана. Дрожь от страха, главный палач явился к ней.

— А ну, признавайся: выполнил ли ты повеление хана? — спросила она и увидела обрубки вместо рук.

Цустин Галзан рассказал ей обо всем, что произошло на площади.

Не теряя времени, шулмуска пустилась в погоню за беглецами, да не тут-то было: их и след простыл....

А с братьями случилось вот что.

После того как древний старик проводил их в путь, Белек и Чидел шли, шли, устали и на закате солнца сели отдохнуть. Вдруг перед ними появился человек из снега, на лошади из бумаги и сказал голосом ветра:

— Не время, дети мои, отдыхать. Садитесь, подвезу.

Белек сел спереди, Чидел — сзади. Быстрес ветра полетела лошадь. Летели они над долинами и горами, над реками и морями. Неизвестно, сколько дней они летели, человек из снега остановил лошадь и сказал им:

— Ну, теперь идите сами, — и исчез.

Пошли братья дальше. Шли, шли и видят: дорога расходится на две стороны.

— Вот и настало время нам расстаться, — печально произнес Белек.

Обнялись братья, поцеловались и пошли в разные стороны.

Белек пошел вправо. Идет он и вспоминает свою родную страну элютов. Идет и думает, что же ждет его впереди. Навстречу дует прохладный востер, колышутся высокие травы, птицы песни поют. А степь ровная-ровная. Выскакивают суслики из-за бугорков, становятся на задние лапки и удивленно смотрят на Белека: что, дескать, за иноземец появился в наших краях?

Вдруг мальчик увидел облачко пыли. Оно стало приближаться к нему. И вот мимо него вихрем промчался каурый конь, да так быстро, что трава под ним не успевала пригнуться. Белек как зачарованный глядел ему вслед. А за конем бежали два скорохода.

— Что вы за люди и что это за конь? — спросил у них Белек.

— Мы люди мудрого восьмисотлетнего хана Шомпо, — сказал один из скороходов. — Наш хан целый год находится на волосок от смерти, ожидая того, кто должен его сменить. Он так мудр, что, глядя на яйцо, может определить, какая курица его снесла: белая или черная. Вглядываясь в яйцо, может сказать, кто в нем: курица или петух и какое у них будет оперение.

Пока скороход говорил это, каурый конь без всадника повернул обратно и промчался мимо.

— Это мудрый конь Ухан,¹ который ищет того, кто должен сменить восьмисотлетнего хана Шомпо, — добавил скороход, когда конь уже стоял возле них, бил копытами землю, высекая искры, и радостно ржал, глядя на Белека.

— Да не ты ли этот человек? — обрадованно обратился к Белеку второй скороход.

Белек подошел к коню, схватился за длинную шелковистую гриву и вскочил на него. Конь помчал его, а следом за ним, не отставая, бежали два скорохода.

Белек увидел впереди удивительной красоты город. Посреди города возвышался дворец с золотым куполом. Конь примчал его прямо к площади перед дворцом. Здесь его ожидало множество народа. Увидев коня и всадника, все закричали:

— Да здравствует наш новый хан!

Два скорохода ввели Белека во дворец.

На троне полудремал восьмисотлетний старец хан Шомпо.

¹ У х а н — ум, мысль.

Язык у хана был пришит к губам, потому что он очень много говорил, а каждое слово лишало его сил. Два скорохода подошли к нему, подняли веки и закрепили их изящными золотыми векодержателями, затем осторожно разрезали шелковую нитку, которой был пришит язык мудреца.

— В мире должно совершаться все, что совершается, иначе не может быть, — проговорил старец Шомпо, увидев перед собой людей.

— Ваша правда, — отвечал первый скороход в серзбряную трубку, воткнутую в ухо хана, — но вот перед вами человек, которого выбрал мудрый конь Ухан.

— О, да ведь это сын дочери хана Шарка и избранного народом хана Бамба! Передо мной Белек, проглотивший головку золотой курицы. В его ханстве владевает шулмуска Баир. Это он, он! — проговорил, торопясь, восьмисотлетний старец. Он боялся, что его перебьют и не дадут договорить.

Белек был удивлен и восхищен пронизательностью старца.

— Да, теперь я могу спокойно умереть. В мире совершается все, что должно совершиться, ибо оно совершается. Если мы посмотрим на то, что было сто лет назад и что будет через сто лет... — начал хан Шомпо.

Но ему не дали договорить, ибо он, как и все мудрецы преклонного возраста, любил много говорить. Два скорохода сняли векодержатели, пришили шелковой ниткой язык к губам, и хан погрузился в думы.

Прожив у хана Шомпо семью семь — сорок девять дней, Белек стал так же пронизателен и ясновидящ, как старец. Дождавшись того, кто должен был его сменить, Шомпо спокойно почил навеки, ибо это должно было свершиться, как не раз мудро говорил умерший.

Оставим Белека ханствовать, расскажем о судьбе Чидела.

Расставшись с братом Белеком, Чидел пошел по дороге влево. Через семью семь — сорок девять дней на берегу океана Дала, среди густых широколиственных деревьев, он увидел дворец какого-то неизвестного хана.

— Чей это дворец перед нами! — спросил Чидел у мальчика, гнавшего навстречу ему отару длинношерстных овец.

— Дворец хана Дамдина, — ответил мальчик, с любопытством разглядывая чужестранца.

Чидел решил войти во дворец в надежде, что его там покормят, ибо вот уже несколько дней, как он ничего не ел.

У входа во дворец его встретила восемнадцатилетняя дочь хана. Она чуть не упала от изумления, увидев столь красивого

юношу. Даже не сумела внятно произнести обычное «менде»,¹ лишь пошевелила губами.

Слуги хана попросили Чидела пройти в комнаты и поставили перед ним обильное, жирное угощение.

Дочь хана Дамдина, ее звали Тостой, тотчас же позвала к себе служанку, умевшую видеть человека насивозь.

— Узнай, отчего этот юноша так красив, — повелела ей госпожа.

Служанка внимательно посмотрела на гостя и определила, что внутри у него лапки золотой курицы, которая излучает такую красоту.

Вернувшись, она доложила своей госпоже об увиденном.

— Нужно в честь гостя устроить пир, напоить его арзой. Когда он опьянеет, мы обкурим его едким дымом горькой полыни. Он выплюнет лапки золотой курицы, а вы проглотите и станете красавицей, — посоветовала служанка.

Так все и сделали. А беспамятного Чидела вывезли далеко от дворца и оставили на безлюдном берегу океана Дала. Очнувшись, Чидел никак не мог понять, где он находится. Погоревал он, печалился, да делать нечего, нужно куда-то идти.

Через несколько дней пути около невысокого кургана он увидел трех человек, которые о чем-то жарко спорили.

Спорщики очень обрадовались Чиделу. Они рассказали, что похитили у одного юноши шапку, трость, ковер и поделили эти вещи между собой.

— Вот моя шапка, — сказал один из них, указывая на шапку, лежавшую рядом с ним.

— Вот моя трость, — сказал второй, указывая на трость.

— Вот мой ковер, — сказал третий, указывая на ковер.

— Если надеть мою шапку... — сказал первый.

— Если ударить моей тростью... — сказал второй.

— По моему коврику... — сказал третий,

— ...то мигом мы перенесемся туда, куда пожелаем, — сказали втроем.

— Рассуди нас, — сказал первый. — Я здесь самый старший, и мне они должны отдать трость и ковер.

— Чтобы не было обидно старшему и младшему, — сказал второй, — шапку и ковер должны отдать мне, среднему по возрасту.

— Но летает-то ковер, поэтому шапку и трость должны отдать мне, — сказал третий.

¹ Менде — здравствуйте.

Послушав их, Чидел предложил:

— Трудно решить ваш спор. Давайте сделаем так: пробежитесь вокруг этого кургана. Кто прибежит первым, тот возьмет все три вещи.

— Подумаем,— ответили спорщики.

Первый подумал: «Я старше их и потому прибегу первым».

Второй подумал: «Этот отстанет потому, что он стар, тот — потому, что молод. Первым буду я».

Третий подумал: «Я моложе всех, и у меня резвее ноги. Первым буду я».

— Согласны! — ответили все три спорщика и побежали что есть мочи вокруг кургана.

А Чидел надел шапку, взял трость, стал на ковер и, проговори: «Отвези меня в покои дочери хана Дамдина», ударил тростью.

Не успел он подумать: «Повезет ли?», как оказался перед спящей Тостой.

Перенес он Тосту на ковер, ударил тростью и прошептал:

— Отвези меня, ковер, на тот берег океана.

Ковер опустился на противоположном берегу океана Дала. Громадные серые волны глухо разбивались о каменные утесы. Таинственно и грозно шумели высокие ветвистые деревья.

Чидел собрал в кучу сухие, желтые листья, положил на них все еще не проснувшуюся Тосту. В дупле большого дуба он спрятал ковер, трость и шапку, затем наломал ветвей, сделал шалаш и разбудил Тосту. Открыв глаза, Тоста была изумлена тем, что видит перед собой юношу, у которого отняла лапки золотой курицы.

— Если откажешься от своего коварства и согласишься быть моей женой, отвезу тебя к родителям, нет — будешь жить тут. Собери сухие дрова, разожги огонь, чтобы не попали на нас дикие звери, — сказал Чидел.

Так они стали жить на необитаемом берегу океана. Чидел сделал себе лук, стрелы и копье. На другой же день недалеко от своего шалаша он убил кабана. Тоста сварила мясо и спросила за ужином:

— Как ты меня сюда привез?

Чидел молчал.

Через несколько дней он притащил из лесу убитого молодого оленя. После ужина Тоста еще раз спросила:

— Как ты меня сюда привез?

Чидел не ответил.

— Ты хочешь, чтобы я была твоей женой, — со слезами на глазах начала Тоста, — но не доверяешь мне! Чем так жить, лучше утоплюсь! — воскликнула она и побежала к океану.

После этого Чидел рассказал, как привез ее, куда спрятал три волшебные вещи.

Проснулся утром Чидел и увидел, что Тосты нет в шалаше, а его лук и копье сломаны. Он побежал к дубу, в котором спрятал ковер, шапку и трость,— их тоже не было. Чидел сразу понял обман Тосты. Он побежал к берегу океана, горько заплакал, глядя на тс, как большие волны бьются о прибрежные камни, и упал за-мертво.

В это время над ним пролетали ворон и вороненок.

— Так долго мы летели, что я проголодался. Вон лежит мертвец, опустимся,— сказал вороненок.

Ворон взгляделся в землю, посмотрел на лежащего человека и сказал:

— Э-э, да если бы он был мертвцом, мы бы с тобой полетели бы к ущелью живой воды Хад-Чолун, набрали бы исцеляющей благи и, окропив, оживили бы его.

— За что? — удивленно спросил вороненок.

— Когда ты еще не умел летать и свалился с дерева,— отвечал ему ворон,— он спас тебя.

— А что с ним сейчас случилось?

— Сейчас он потерял три заветные вещи и печалится, не знает, как перебраться через океан. Не догадается он сорвать с соседней яблони черное яблоко, съесть, превратиться в осла и переплыть океан. Сорвать красное яблоко, съесть и снова превратиться в человека.

Услышав этот разговор между вороном и вороненком, Чидел поднялся, подбежал к яблоне и нарвал черных и красных яблок.

Съел он черное яблоко, превратился в осла и поплыл через океан. Когда достиг берега, съел красное яблоко и обрел свой прежний вид.

На берегу океана, у колодца, Чидел увидел девушку, набирающую воду. Перебрасывая с руки на руку сочное, красное яблоко, он подошел к ней.

— Красавец, угости яблочком,— попросила девушка.

— Это не простое яблоко. Это яблоко красоты,— сказал в ответ Чидел.— Кто откусит яблоко, тот сразу станет красивым. Ийди во дворец и приведи сюда знатных девушек. Я вас всех сделаю красавицами,— пообещал он.

Девушка забыла о воде и побежала что было сил во дворец. Там она рассказала всем подружкам о том, что слышала у колодца.

Сто сорок девушек пожелали быть красавицами. Но дочь хана Дамдина, Тоста, сказала:

— Красивыми должны быть только дочери знатных, — и отобрала тридцать девять своих подружек. Сама она была сороковой.

Девушки вышли к колодцу.

— Если кто желает стать красавицей, пусть закроет глаза и откусит яблоко, которое я буду подносить ко рту.

Весело смеясь, все девушки закрыли глаза.

Чидел дал всем откусить черного яблока, и все девушки превратились в ослиц. После этого юноша ушел в сторону владений своего брата Белека.

К вечеру всполошилось все ханство Дамдина. Знатнейшие во главе с самым ханом стали искать своих дочерей. Люди говорили, что видели, как сорок девушек подошли к колодцу. Но около колодца жалобно кричало лишь сорок ослиц.

Хан и его приближенные сели верхом на ослиц и отправились на поиски пропавших дочерей. Три дня искали. Усталые ослицы не могли уже дальше идти, но плетки заставляли их пускаться рысцой.

Все поиски были бесплодны.

Хан Дамдин решил послать посольство к соседнему хану, к знаменитому ясновидцу Белеку, с просьбой помочь в беде, отыскать сорок пропавших девушек, в том числе его дочь.

В то время, когда посольство хана Дамдина с богатыми подарками подъезжало ко дворцу Белека, в гостях у него сидел родной брат Чидел и рассказывал ему о своих горестных скитаниях.

— Помогите беде нашего хана, — просил посол, рассказав о случившемся.

— Во дворце вашего хана есть три чужие вещи. Пока вы их не привезете мне, девушки не отыщутся.

Посол вернулся домой и передал слова Белека хану. Хан Дамдин сразу догадался, что поискам девушек мешают ковер, трость и шапка. Он отослал Белеку эти три вещи.

— Около вашего колодца, который на берегу океана, пасется сорок ослиц. Пусть их пригонят сюда и тогда найдутся сорок девушек, — сказал ясновидящий Белек.

Вскоре пригнали сорок ослиц. Чидел прошел между ними, нашел Тосту, привязал ее к столбу и стал обкуривать одним дымом горькой полыни. Ослица выплюнула лапки золотой курицы. Чидел взял лапки, обмыл и проглотил сам. Затем всем ослицам он дал по кусочку красного яблока, и они превратились в девушек.

После этого их увезли домой, в ханство Дамдина.

Долго разговаривали два брата о своей жизни и об отце.

— В книге будущего, — сказал Белек Чиделу, — записано, что

наш отец, опьяненный величием, много лет будет находиться под властью шулмуски Банр. Но она будет побеждена.

Страшный сон приснился в эту ночь Чиделу. Он увидел во сне свою родную страну элютов и дворец отца хана Бамбы, обнесенный высокой каменной стеной. Из-за стен, как со дна моря, вытянув руки вперед, стала подниматься огромная фигура хана Бамбы. Чидел рассказал о своем сне брату Белеку.

— Твой сон говорит о том, что наша родина в беде и зовет нас с тобой. Теперь мы не мальчики, мы сильны, — сказал ясновидящий Белек.

Белек и Чидел сели на волшебный ковер. Белек взял с собой обоюдоострый меч, приносящий смерть шулмусам.

— Отвези нас к ущелью Хад-Чолун, — прошептал Чидел и ударил тростью.

Меж мшистых голубоватых скал журчала светлая зеркальная лента живой воды. Белек и Чидел набрали столько бортох живой воды, сколько можно было поместить на ковре, и полетели в сторону родной страны элютов.

Они спустились рядом с дворцом хана Бамбы, который трудно было теперь узнать. Вместо золотого купола желтело изъеденное ржавчиной железо; краска дворца, игравшая всеми цветами радуги, сошла.

Белые нарядные дома, окружавшие дворец, превратились в груды камней, обросшие горькой полынью и густой лебедой.

Горько заплакали Белек и Чидел при виде своей разрушенной отчины. Но груды родных камней, и терпкий запах серой полыни, и сама земля, ожидающая их, были до боли дороги стосковавшимся сердцам братьев.

Белек и Чидел поклонились во все стороны и долго стояли молча, вглядываясь в знакомые дали.

— Нам надо найти сердце золотой курицы, — тихо сказал Белек, нарушив тишину.

— Я его сейчас принесу, — ответил Чидел и побежал к развалинам домов.

Но все развалины были похожи друг на друга: вместо зеленых деревьев, украшавших улицы города, торчали полусгнившие пни. Вдруг среди груды камней и ссохшихся стеблей лебеды Чидел увидел огромный яркий тюльпан, который будто только что раскрыл бутон и раскинул, словно руки, навстречу солнцу упругие лепестки. Чидел никогда не видел подобного цветка. Подойдя поближе, он услышал тихую мелодию, исходившую от чудесного тюльпана. Она была чуть печальна и радостно светла, как мечта человека, и звала к себе.

— Здесь! Здесь! — закричал Чидел, подбегая к цветку.

Он осторожно с корнем пересадил тюльпан на другое место, а под ним увидел знакомую серебряную шкатулку с сердцем золотой курицы, обвитую, как показалось ему, отростком корня дуба, росшего рядом. Но то был не отросток корня, а то была волшебная труба-бюшкюр из рога трехлетнего марала, которая тихо напевала песни радостной жизни.

Открыв серебряную шкатулку, Белек и Чидел увидели золотое трепещущее сердечко. Они извлекли из себя головку и лапки курицы, положили в шкатулку и брызнули живой водой. На их глазах из серебряной шкатулки выскочила золотая курица, хлопнула огненными крыльями и тоненьким голоском запела:

— Здравствуйте, славные братья!

— Здравствуй, наше счастье! — ответили ей Белек и Чидел. — Мудрая золотая курица, посоветуй, что нам делать? — тут же попросили они совета.

— У вас обоюдоострый волшебный меч, приносящий смерть шулмусам, — коротко молвила золотая курица.

Белек и Чидел поняли совет, как зов, и направились ко дворцу своего отца, хана Бамбы. Они подошли к дверям покоев ханши, которая только что проснулась и собиралась вылететь на охоту.

— Что за странный запах! Что за странный запах! — заворчала она, учуяв дух братьев.

— Я ничего не слышу, — прохрипел хан Бамба.

— А ты спи! — прикрикнула на него ханша.

Как только Чидел открыл двери и Белек переступил порог, шулмуска Баир, вытянув вперед стальной клюв, бросилась на них. Белек взмахнул мечом и отсек ей клюв. Сама она тут же исчезла, а клюв превратился в мышь и попытался юркнуть в дверь. Но Белек пригвоздил ее к полу острием меча и стал вертеть им, будто буравом. Послышался треск, и посыпались синие искры. Мышь стала разбухать в огромное чудовище с человеческим лицом, стальным клювом, серыми перепончатыми крыльями. Оно ворочалось, пронзенное острием волшебного меча, а потом перестало двигаться.

А хан Бамба с удивлением глядел на все происходящее. За время, прошедшее после второй женитьбы, он растолстел. Живот его свисал до колен. Теперь он не ходил, а семенял, ибо ноги его стали короткими, будто обрубленными. Глаза и нос тонули на жирном лице. Если бы он как-нибудь выбрался за стены своего дворца, никто бы его не узнал. Он забыл почти все человеческие слова, кроме: «Я повелеваю», «Радость моя Баир!» Но глаза его видели, и он теперь пытался понять, сон или не сон то, что происходит.

Белек и Чидел брезгливо смотрели на отца и на безобразную девушку, которая со стоном поднялась с пола и с недоумением озиралась вокруг.

— Ох, как же долго я спала!.. Ой, а где мои коровы? — воскликнула она и попыталась бежать к дверям, но тут же споткнулась и упала, так как одна нога у нее была короче.

— Сгинь! Сгинь! Сгинь! — испуганно шептал хан Бамба, глядя на нее. — Кто ты? Как звать? Как попала во дворец? — то-ропливо сыпал он вопросы девушке.

— Я пастушка Баир, — ответила сиплым голосом девушка, — мне снилось, будто я жена хана Бамбы и долгие годы жила с ним во дворце. Только вот никак не могу проснуться!

— А вы кто? — обратился хан к Белеку и Чиделу.

— Твои сыновья, — грустно ответили они.

— Значит, она моя жена Баир, — указал хан в сторону уродливой девушки, — а вы мои сыновья? А что лежит перед вами? — спросил хан, остановив свой взор на чудовище, пронзенном мечом.

— Это то, что было вашей женой. Это шулмус, — сказали братья.

Голова хана Бамбы стала постепенно проясняться. А когда он понял все, крупные слезы покатались из глаз, и хан стал громко рыдать, сотрясая стены старого дворца.

Белек и Чидел изрубили чудовище на мелкие куски и решили сжечь, чтобы оно никогда не ожило.

Хан Бамба, опустив голову, стоял рядом с ними. От стыда он не смел взглянуть в лицо сыновьям.

Когда сгорела последняя, пятисотая, часть шулмуса, Белек и Чидел слышали великий вздох облегчения, весенним ветром прокатившийся над землей. То вздохнула сама земля. Затем до слуха братьев донеслись мелодичные звуки трубы-бюшкюры из рога трех-летнего марала.

— Ты слышишь? — улыбаясь, спросил Чидела Белек.

— Да, — взволнованно ответил Чидел.

Звуки трубы-бюшкюры с каждым мгновением становились все сильнее и сильнее. Светлые лавины мелодий, словно могучие переливающиеся потоки горной реки, шумя и торжествуя, бурля и захлебываясь, неслись над освобожденной от шулмусов державой элютов. Эти звуки незримой силой коснулись рук братьев Белека и Чидела и увлекли туда, где они на гребне невысокого холма оставили золотую курицу.

Подойдя к холму, Белек и Чидел были поражены тем, что они увидели. На вершине холма стояла девушка неописуемой красоты. Ее светлое платье из тончайшего шелка, расшитое золотыми нитя-

ми, казалось сшитым из прозрачно-голубого неба. Ее губы прильнули к янтарному мундштуку волшебной трубы-бюшкюры, а тонкие белые пальцы перебирали ряды перламутровых ладов. Рядом с ней стояли два отважных витязя в серебряных и золотых доспехах, держа под уздцы коней, которые нетерпеливо били о землю передними ногами. Увидев Белека и Чидела, девушка передала трубу-бюшкюру одному из витязей, а сама стала спускаться навстречу им.

Песня продолжала литься и неслась над страной элютов, рассказывая о счастливой поре и обещая еще большее счастье в грядущем. Она говорила о том, что жива держава элютов, жив народ — и не победить его шулмусам!

Незнакомая девушка, прекрасная, как сама весна, с ясными глазами, в которых отражалась чистота ее юной души, с радостной улыбкой повела смущенных братьев на вершину холма и сказала:

— Это мои старшие братья.

— Мы рады видеть ваших братьев, — сказали Белек и Чидел и, озираясь, стали искать золотую курицу.

— А где же золотая курица? — спросили братья, — мы ее оставили здесь.

— Я перед вами, — отвечала девушка-красавица и рассказала вот что: — Много тысяч лет тому назад, когда люди жили, ничего не деля на «твое» и «мое», на нашу землю спустились шулмусы. Они принесли с собой смерть и зло. Шулмусы пытались покорить людей, сделать их коварными, злыми. Тогда я и два моих старших брата дали себе обет бороться с шулмусами и уничтожить их. Я стала золотой курицей, излучающей яркий свет. Всякое зло боится света. Мой старший брат принял облик старика с длинной бородой, средний брат принял облик человека из снега. И вот последние пятьсот шулмусов уничтожены вами, а мы приняли свой прежний облик, — закончила девушка. — А теперь ложитесь отдохнуть, — предложила девушка братьям.

Белек и Чидел, подложив под голову руки, легли спать. Над ними мигали далекие таинственные звезды. Волшебная труба-бюшкюра продолжала трубить свою великую песню.

Наутро следующего дня братья с удивлением проснулись в роскошном дворце.

— Где мы? — спрашивали они друг друга.

Когда Белек и Чидел вышли на улицу, солнце сияло в небе, а перед дворцом, откуда они вышли, собралось много тысяч элютов со всех концов державы. Люди вылезали из щелей земли и нор, из оврагов и пещер и по зову трубы-бюшкюры нескончаемой вереницей потянулись ко дворцу, неожиданно возникшему за одну ночь.

Прекрасная девушка уже ожидала братьев.

— Возьмите по одной бортохе живой воды,— сказала она Белеку и Чиделу,— и пусть один из вас выплеснет воду в сторону заката, другой — в сторону восхода. Потом еще по бортохе — в сторону юга и севера.

Белек и Чидел сделали это. И со всех четырех сторон стали подходить новые тысячи оживших людей, когда-то умерщвленных злой шулмусной Баир. Среди них шел мудрый столетний старец Менке.

— Еще плесните во все стороны по бортохе живой воды,— попросила девушка.

Белек и Чидел еще раз плеснули во все стороны живой воды.

И сразу стали зелеными луга, мгновенно выросли деревья, заблеяли овцы, замычали коровы, заржали лошади, покачиваясь, потянулись на пастбища всрблюды.

С изумлением и радостным восхищением смотрел на это чудо возрожденный народ.

— Согласны ли вы жить в дружбе, ничего не делить на «твое» и «мое»? — спросила девушка, обращаясь ко всем.

— Согласны! — отвечали все.

И над землей прокатилось эхо дружного возгласа.

Вдруг народ пошатнулся и стал отходить назад.

Белек и Чидел увидели хана Бамбу, который подходил к ним со стороны старого дворца.

— Не надо нам хана! — кричали люди.

— Простите меня! — плакал хан Бамба, опустившись на колени. — Простите! Я уйду в пустыню. Простите!

Но все молчали.

Хан Бамба поднялся, поклонился на все четыре стороны и засеменял короткими ногами прочь. Удаляясь, он становился все меньше и меньше, наконец стал величиною с маленького черного жука, затем превратился в ничто. Так исчез хан Бамба, когда-то возвышенный людьми за доблести, но в гордыне забывший о народе, возвысившем его.

А страна Элютия стала жить счастливее прежнего.

О дружбе, преодолевшей смерть

Давно это было. В стране хана Алтын Оркчи жил старик Менген Оркча. Прожил он на белом свете восемь тысяч лет, а старуха его — семь тысяч лет. Однако не было у них детей, которые бы плачем своим радовали бы сердца.

Богат был Менген Оркча. Табуны его лошадей занимали пространства в месяц езды на хорошем коне, а среди них был табун отменных одномастных пего-гнедых лошадей. Круторогие, короткохвостые, желто-пестрые коровы его, выходя на пастбища, заполняли все долины и выпивали близлежащий океан воды. Овцы же его, коричнево-красной масти, с курдюками, которые не поднять взрослому мужчине, не знали, куда ступить ногой. Было у него бесчисленное множество белшерстных верблюдов. Когда ведущий верблюд наедался на пастбище, последний только поднимался с места. Вот сколько было у него верблюдов!

Однажды старик решил осмотреть свое хозяйство. Прибыл он к табунам и видит: счастливый жеребец весело забавляется с жеребенком. Прибыл он к гуртам и видит: счастливый бык весело забавляется с теленком. Прибыл он к стадам и видит: счастливый верблюд весело забавляется с верблюжонком. С завистью смотрел он на это и вернулся домой опечаленный. Говорит, вздыхая, своей старушке:

— Видел я, как счастливые отцы с детьми играли. С кем же нам с тобой, бедным, позабавиться?

И горько заплакал старик. Плачет, падая на спину, — сбивает кожу затылка. Плачет, падая лицом, — сбивает кожу лба. Думал, думал старик и решил уйти в дальние страны. Сделал он себе башмаки для долгого пути: отлил девятислойную железную подошву. Отковал девятисаженный стальной посох и пошел искать свое счастье.

Семью семь — сорок девять дней он шел и еле выбрался за границы своей страны, вступив наконец в пределы соседней державы. Еще много дней он прошел и увидел дым кибиток. Вошел он в крайнюю кибитку с северной стороны. Видит — у треножника сидит пожилая хозяйка. Поздоровался, попросил чем-либо жажду утолить. Быстро он выпил кумыс, вытащил трубку, набил табак, подал женщине прикурить и стал не торопясь выпускать клубы дыма. В это время вбежал в кибитку семилетний мальчик. Пока говорил старик с хозяйкой о том о сем, мальчик стал кувырнаться, прыгать, играть. Но вдруг, перебив беседу, он спросил:

— Дедушка, откуда вы прибыли?

— Я из страны хана Алтын Оркчи. Заблудилась где-то моя корова, вот и ищу ее, — отвечает старик.

— Есть в стране хана Алтын Оркчи богатый старик Менген Оркча, — говорит мальчик.

— Да, слышал, есть, — отвечает старик.

— Возвратившись домой, передайте ему мои слова, — говорит мальчик, — что у него несметные богатства, а детей нет. Зачем

сму все это добро? Пусть соберет всех бедных своей страны и разделит между ними свое добро. Тогда у него родится сын.

— Не болтай зря! — сердито говорит сыну мать.

— Нет, так должно случиться! — упрямо сказал мальчик. — Пусть старик сообщит добрую весть и получит за это награду, — повторил он.

Обрадованный старик тут же пустился в обратный путь. Не считая день за день, ночь за ночь, не зная отдыха и покоя, торопится он домой. Возвратившись домой, старик Менген Орча собрал всех бедных, поровну разделил между ними свое богатство. И даже после этого на его долю досталось еще много добра.

Прошел год.

Как-то старик возвращался из степи. Видит — на его кибитке выставлен знак, гласящий: «Старик на потной лошади, как бы ты не стал помехой нашему сыну». Обрадовался Менген Орча, свернул в сторону, вошел в крайнюю кибитку, дал обсохнуть коню и подъехал к своему дому. Встречает его сияющая, счастливая старуха, держа на руках громоподобно кричащего сына. Снова Менген Орча созвал всех жителей страны, особо убогих и сирых, и сделал пир, который продолжался семью семь — сорок девять дней.

Народ пожелал назвать новорожденного Изреченным, так как его рождение было предсказано ясновидящим мальчиком.

Проходит время. Сын Менген Орчи растет на славу.

Вот он однажды говорит:

— Батюшка, дайте мне денег, съезжу на базар, торговлей займусь.

— Ах, зачем тебе торговать, сынок? Ведь и так нам добра хватает, — отвечает старик.

Тут вмешалась старушка:

— Пусть, если так хочется мальчику, съездит он. Дайте ему немного денег.

Подав старик кошелек золота, и отправился Изреченный на базар. Шел он, шел и вдруг на середине пути видит нечто необыкновенное: какой-то человек сидит у могилы, плачет, рвет на себе одежду и бранится. Возмущился Изреченный и говорит человеку:

— Что ты делаешь? На кого ругаешься?

— Ругаю покойника, потому что он заслужил, — последовал ответ: — он мне должен был три рубля и, не отдав долга, в прошлом году умер. Как он смел? — сказал человек и снова принял за свое дело.

Изреченный отдал ему кошелек с золотом и попросил, чтобы тот перестал плакать и браниться.

Возвратился юноша домой ни с чем. Никто у него не спраши-

вает, куда дел кошелек. Через несколько дней Изреченный снова попросил:

— Матушка, дайте немного денег, хочу торговлей заняться.

Ни слова не говоря, старушка подала сыну кошелек с золотом. Опять Изреченный пошел на базар. Купил себе запряженные арбы, нагрузил всяким добром.

— Кто со мной желает поехать торговать? — объявил он на весь базар, подыскивая помощника.

Является к нему один молодой человек, говорит:

— Я желаю с тобой поехать!

— Ну, давай садись со мной, поешь, — приглашает Изреченный.

Сел тот молодой человек рядом; не успел Изреченный и дотронуться до мяса, а тот уже все съел.

— Нет, — говорит Изреченный, — такой попутчик мне не нужен.

И прогнал его прочь.

— Кто со мной желает поехать торговать? — еще раз объявил на весь базар Изреченный.

Является к нему худощавый, среднего роста, бледнолицый человек и говорит:

— Я желаю с тобой поехать.

— Ну, давай садись, поешь со мной, — приглашает его Изреченный.

Тот отвечает:

— Спасибо, я успею поесть.

Взял его Изреченный с собой, и отправились они в путь. Когда они стали проезжать мимо дома Изреченного, мать увидела сына и говорит старику:

— Вон наш сын проезжает! Благословите его в далекий путь.

Взял старик свой короткий булатный меч, свою черную мохнатую собаку и пошел навстречу сыну.

— Поезжай отсюда в царство хана Бурула. Поторгуй там. Через семь дней пути вы увидите большой черный курган. Постарайтесь его днем миновать. Потом, после семи дней пути, встретится вам большое черное озеро. Постарайтесь днем его миновать. Через последние семь дней пути вам встретятся большие белые пески. Постарайтесь днем их миновать. Теперь счастливого пути! — сказал старик, передавая сыну свой меч и мохнатую черную собаку.

После семи дней, когда солнце катилось к закату, путники увидели большой черный курган.

— Минуси этот курган до заката или, не доезжая, здесь переночуем? — спрашивает слуга Изреченного.

— Минуем его. Ведь еще рано, — говорит Изреченный.

Только они доехали до кургана — лошади стали как вкопанные: из ушей и ноздрей их стала алая кровь струиться. Пришлось распрячь лошадей и стать на ночлег. Поужинав, оба путника уснули. Примерно в полночь заскулила черная собака. Поднялся слуга Изреченного лошадей посмотреть. Видит — со стороны черного кургана подходит к ним какой-то старик.

— Дети мои, что же это вы кибитку видите, а в степи ночуете? Переночуйте у нас, не обижайте! — говорит старик.

— Мы никакой кибитки не видели. Где же она? — спрашивает слуга Изреченного.

— А вон огонек светится, — показал старик в сторону большого черного кургана.

— Спасибо. Вы идите, а я разбужу своего хозяина, и мы вместе придем, — говорит слуга Изреченного.

Отправив старика, слуга Изреченного незаметно взял меч хозяина и подошел к указанной кибитке. Посмотрел в щель и увидел семь бритых стариков, которые точили огромные кинжалы, приговаривая: — Вот уж не ждали добычи, вот попируем!

— Что же так долго не идут? Пойди посмотри, — посылают они одного старика.

Только тот вышел из двери — слуга Изреченного ударил его коротким булатным мечом своего хозяина. Так, по одному, он свалил всех остальных стариков. «Что же в доме этих злодеев может быть?» — подумал слуга Изреченного и вошел в кибитку. Добра всякого там было битком набито. Самое ценное слуга закопал, а остальное сжег. Возвратился к хозяину, положил на место меч и уснул.

Утром они встали, молча попили чай и двинулись дальше в путь.

Проехали еще семь дней — перед ними раскинулось большое черное озеро.

— Это то самое озеро, о котором говорил ваш отец. Едва ли мы до захода солнца успеем проехать его. Лучше здесь переночуем, — говорит слуга Изреченного.

— Может, успеем до захода солнца проехать. Ночевали же мы у черного кургана — ничего ведь не случилось, — сказал Изреченный.

— Пусть будет по-вашему, — ответил ему слуга.

Только они подъехали к большому черному озеру — лошади стали как вкопанные: из ушей и ноздрей их стала струиться алая

кровь. Пришлось заночевать. В полночь заскулила черная собака. Поднялся слуга Изреченного на лошадей посмотреть. Видит — подходит к ним каная-то старушка, говорит:

— Что же это вы, видите кибитку, а в степи ночуете? Переночуйте у нас, не обижайте.

— А где же ваша кибитка? — спрашивает слуга Изреченного.

— А вон огонек светится, — показывает старушка в сторону большого черного озера.

— Спасибо. Вы идите, а я разбужу хозяина и вместе придем, — говорит слуга Изреченного.

Отправив старушку, слуга Изреченного взял короткий булатный меч хозяина, подошел к кибитке у черного озера и посмотрел, прислушиваясь, в щель — семь старух точат кинжалы, приговаривают:

— Вот добыча, вот попируем!

— Как же они от стариков наших ускользнули? — говорит одна из них.

— Может днем проехали мимо. Может, дома их не было, — отвечает другая.

— Однако что-то долго их нет, пойди посмотри, — посылают они третью.

Только та за порог — ударил ее булатным мечом слуга Изреченного. Так он свалил и остальных. Самое ценное добро, которое было в их доме, слуга закопал, а остальное снег.

Молча он возвратился к хозяину, незаметно положил меч на место и уснул.

Поднялись они с рассветом, развели костер, сварили чай, попили и дальше продолжали свой путь. Еще через семь дней показались белые пески. И тут слуга Изреченного предупреждает:

— Вон показались белые пески, о которых говорил ваш отец. Может, заночуем здесь? Поздно уже.

— Ничего страшного нет. Миновали два опасных места — ничего не случилось, — отвечает Изреченный.

Только они сразнялись с белыми песками — из ушей и ноздрей лошадей стала струиться алая кровь. Пришлось остановиться. В полночь опять заскулила черная собака. Поднялся слуга Изреченного лошадей посмотреть. Видит — подходит к ним восемнадцатилетняя красавица и говорит, будто песню поет:

— Ах, братья наши, что же это вы кибитку видите, а в степи ночуете? Приходите к нам. Вон огонек светится, — показывает она в сторону белых песков.

— Спасибо, сестрица. Вы идите, а я разбужу хозяина и вместе придем, — ответил слуга Изреченного.

Взял он незаметно булатный меч хозяина и пошел вслед за девушкой. Посмотрел он в щель кибитки — семь красавиц точат кинжалы.

— Вот добыча, вот попируем! — приговаривают они.

— Как же их наши отцы упустили? Как же их наши матери упустили? — говорит одна из них.

— Может, днем они миновали. Может, дома их не было, — отвечает другая.

— Что же их так долго нет? Пойди посмотри, — посылают они третью.

Только та за порог — слуга Изреченного ударил ее мечом. Так он расправился и с остальными. Самое ценное, что было в их доме, слуга закопал, а остальное сжег. Молча вернулся он к хозяину.

Утром продолжали они свой путь дальше. Проехали еще семь дней, оказались в царстве хана Бурула.

На окраине столицы распрягли своих лошадей, раскинули шатер, начали бойко торговать.

У хана Бурула были сын и дочь. Дочь его три года болела и не поднималась с постели.

Подружил Изреченный с сыном хана и целыми днями пропадал во дворце. Делами занимался слуга.

Однажды вечером слуга Изреченного развел огонь и начал готовить ужин. Откуда ни возьмись, появился поджарый, с горящими глазами огромный кот. Увидев его, черная мохнатая собака Изреченного сердито говорит:

— Что, мало стало отбросов из кухни хана Бурула и ты пришел поживиться на остатках со стола моих хозяев?

— Хо! Большую же ценность ты пожалел! — отвечал кот. — Знаешь ли ты, — продолжал он бахвалясь, — что я, превратившись в желто-пеструю змею, должен лишить твоего хозяина жизни?

— А знаешь ли ты, что твоей желчью излечится твоя хозяйка, пролежавшая три года в постели? — зло сказала на это собака.

Услышав эту перебранку, слуга Изреченного схватил лежавшую рядом лопату, бросил в кота, убил его и вынул желчь.

Вечером пришел Изреченный, сел ужинать.

— Есть ли дети у хана Бурула? — спросил его слуга.

— Есть у него сын, ровесник мне, да дочь, которая три года уже больна и лежит в постели. Очень плохо. Хан дал клятву выдать ее за того, кто излечит от болезни. Но где же найдешь такого жениха? — ответил Изреченный.

Через два-три дня слуга ему говорит:

— Я бы попробовал излечить дочь хана.

Изреченный передал эти слова хану.

— Ну что ж, убытка от того, что попытаем счастья, не будет. Авось да поможет, — говорит хан.

Вызвали слугу Изреченного. Он отвел дочь хана в отдельную комнату, сделал вид, что заговаривает, колдует. Попоил ее с неделью желчью kota. С каждым днем ханской дочери становилось лучше, а через неделю она совсем поправилась. Жаль хану отдавать дочь за безродного слугу, но слово хана должно быть исполнено.

Хан сказал слуге Изреченного:

— Вылечил мою дочь — бери ее теперь в жены.

— Нет, не я, а хозяин мой будет ей женихом, — говорит слуга.

И выдал хан свою дочь за Изреченного.

Созвали всех жителей страны и задали невиданный пир. Семью семь — сорок девять дней справляли свадьбу, потом отправились в путь. Девяносто девять воинов сопровождали свадебную процессию.

Через семь дней пути процессия заночевала у больших белых песков. Когда все уснули, слуга Изреченного тихо поднимает своего хозяина и зовет с собой.

— Куда? — спрашивает Изреченный.

— Идите за мной! — отвечает слуга.

Пришли они туда, где было закопано добро семи девиц-злодеек. Удивляется Изреченный такому несметному количеству золота, серебра, драгоценных камней.

— Откуда это? — спрашивает он слугу.

— Потом расскажу, — отвечает слуга.

Так же они забрали добро семи старух и семи стариков.

Великой радостью встретили возвращение сына старик Менген Орнча и его старуха. Пир продолжался семью-семь — сорок девять дней. За это время соткали из шерсти верблюдов-однолеток кошму и поставили для молодых белоснежную кибитку. В последний день пира ввели молодых в их дом, чтобы они начали новую, еще более счастливую жизнь.

Слуга Изреченного незаметно взял булатный меч хозяина, вырыл у порога яму и лег, охраняя Изреченного. Примерно в полночь что-то зашуршало, зашумело. И слуга видит, как в кибитку вползает огромная желто-пестрая змея. Вихрем поднялся со своего места слуга Изреченного и снес шипящую голову змеи. Разрубив змею на мелкие части, он закопал ее в той яме, где сам подстергал оборотня. «Может, от ядовитой твари яд куда брызнул?» — подумал слуга Изреченного, зажег свечу, приподнял полог и по-

смотрел на спящих молодых. На щеке у жены Изреченного дымилась капля яда. Чистым платком он быстро снял эту каплю, опустил полог, незаметно положил меч на место и пошел к себе спать.

Утром жена Изреченного говорит своему мужу:

— Ваш слуга ночью погладил меня по щеке.

— Едва ли он это сделает, не такой он человек, — отвечает Изреченный и вызывает слугу.

— Жена говорит, что ты ночью погладил ее по щеке. Правда ли это? — спрашивает он.

— Нет, — отвечает слуга, — но основание так говорить есть. Помните, — продолжал он, — как вы первый раз попросили у отца кошелек золота и пошли торговать? Как вы отдали это золото, чтобы злой человек не кричал на могиле умершего? Я брат того мертвеца и пришел отблагодарить вас за вашу доброту.

И дальше слуга Изреченного рассказал ему обо всем, что он сделал ради Изреченного, и исчез в струйке легкого ветра.

— Не покидай меня, я тоже пойду с тобой! — крикнул Изреченный и побежал вслед за ветром.

Семью семь — сорок девять дней он бежал и наконец упал без чувств. Когда он очнулся и открыл глаза, перед ним снова появился слуга. Изреченный сказал:

— Я знал, что ты не покинешь меня.

— Но ведь я иду в далекое царство, туда тебе не дойти, — отвечает слуга.

А потом он подумал, подумал и говорит:

— Ну что ж, пойдём. Посмотрим, что скажет владыка того царства.

И вот они оказались в другом царстве.

— Почему ты пришел с этим человеком? — грозно спрашивает владыка царства.

Слуга рассказал о том, как он отблагодарил Изреченного за доброе дело, как они подружились и как Изреченный готов умереть, но только бы не расставаться с другом.

Расхохотался жестокий хан и сказал:

— Дружба? Разве эта вещь так сильна, как ты говоришь? А ну-ка, испытаем ее! — И хан захлопал в ладоши.

Появилось двое слуг.

— Испытать то, что они называют дружбой! — приказал он.

Бросили обоих друзей в холодную долину. На льду стоят раздетые люди. Со всех сторон свищет пронизывающий ветер. И нет спасения от лютого мороза. Слезы, наворачиваясь на глаза, превращаются в сосульки. Стоны, проклятия, мольбы слышатся со всех сторон.

Семью семь — сорок девять дней продержали двух друзей в холоде. Появляется слуга хана и спрашивает:

— Ну, каково, Изреченный? Не желаешь ли в тепло?

— Со мной мой друг, и, пока он здесь, я никуда не уйду, — отвечает Изреченный.

Удивленный этим ответом, слуга идет к хану.

— Бросить их в жаркую долину! — приказывает хан.

Все кипит, все горит в той долине. Кругом слышны проклятия и стоны.

Семью семь — сорок девять дней продержали друзей в жаркой долине. Появляется слуга хана и спрашивает:

— Ну, каково, Изреченный? Не желаешь ли в холод?

— Со мной мой друг, и, пока он здесь, я никуда не уйду, — отвечает Изреченный.

Удивленный этим ответом, слуга идет к хану.

Хан приказал привести друзей к себе.

— Ни один из моих слуг не выдерживает и семи дней этой пытки. Значит, я не властен над тем, что вы называете дружбой. Уходите в свой край и живите там.

Растянули слуги хана мост из конского волоса через пропасть, которая бесследно проглатывала все, что попадет в нее. Только через этот мост можно было выбраться из царства жестокого хана.

Когда начинал падать в левую сторону Изреченный, друг наклонялся вправо. Когда он сам начинал падать в правую сторону, Изреченный наклонялся влево. И перешли они волосяной мост, помогая друг другу.

Вернулись они в свой край и стали братьями. Бывший слуга — старшим, Изреченный — младшим. И жили они счастливо много лет, а дружбу, рожденную добром, передали людям, ибо смерть, говорят, не властна над ней.

Сиротка Ользете

Когда-то, давным-давно, счастливо жили старик Эренцен, его старуха Киште да их дочь Ользете. Жили небогато, но в достатке. Три коровы давали вдоволь молока на сыр и масло. Но вот пришел черный день, и умерла старуха Киште. Осиротели Эренцен и Ользете, дом словно опустел. Повдovel Эренцен год-другой и решил жениться. Взял женщину по имени Догшон. Родилась у них Ярка. Переменился старик. Хотя он и не лишился глаз, но ничего ими не видел, кроме того, что показывала ему

Догшон, хотя и остались при нем его уши, но он ими ничего не слышал, кроме того, что говорила ему Догшон. Так случается с людьми, у которых слабы слух и зрение сердца. Всем хозяйством правила Догшон, а старик Эренцен ни во что не вмешивался. Знакомые перестали бывать у них в гостях, ибо им было стыдно за Эренцена.

Особенно плохо пришлось маленькой Ользете.

Мачеха заставляла падчерицу пасти коров, но есть не давала. Маленькая Ользете любила своих коров. Она выбирала им самые сочные пастбища и находила в степи самую чистую родниковую воду. За это любили ее коровы, никуда в сторону не уходили, не заставляли бегать за собой. Ользете часто разговаривала с ними, будто они понимали ее язык.

— Ах, милые мои коровушки, — говорила она им, жалуясь на свою судьбу, — если бы вы знали, какая у меня злая мачеха, как она меня голодом морит и бьет ни за что, ни про что.

Часто плакала голодная девочка. Так хотелось есть, что у нее кружилась голова, и она чуть не падала. Однажды подошла к ней пестрая корова, у которой недавно зарезали теленка, сказала человеческим голосом:

— Пойди, девочка, вон на тот курган. Там тебе приготовлен обед.

Ользете не поверила своим ушам, но все-таки взобралась на курган. Видит: на коврике расстравлены молоко, сметана, пряники. Обрадовалась девочка: впервые, после смерти матери, досыта наелась.

Много лет, зимой и летом, пасла она коров, выросла и стала красивой девушкой. Она была такой чудесной, что при сиянии ее лица мужчины могли ночью стеречь табуны лошадей, а женщины заниматься рукоделием. Удивляется злая мачеха, думает: я не кормлю падчерицу, а она с каждым днем хорошеет — в чем дело?

Вот как-то она спросила Ользете:

— Отчего ты стала такой красивой? Кто тебя кормит?

Падчерица молчала, и мачеха избилла ее до полусмерти.

Не выдержав мучений, Ользете созналась:

— Меня кормит пестрая корова.

На другой день мачеха послала пасти коров свою родную дочь. Ярка, которая всю жизнь просидела дома, ничего не умела делать. Она не знала, где сочные пастбища, где хорошая вода. Целый день продержала коров непоеными и голодными. Во второй и в третий раз вышла со стадом в степь, однако пестрая корова ее не кормила. Ярка подурнела, стала хуже, чем прежде. Рассердилась Догшон, велела зарезать пеструю корову.

Горько заплакала сиротка Ользете, прибежала к стаду и сказала пестрой корове:

— Тебя хотят сегодня зарезать, — а у самой слезы льются ручьем.

— Ты не печалься, — отвечает ей пестрая корова, — после того, как меня зарежут, ты возьми мои рога и зарой на том кургане, где обедаешь.

Не стало доброй пестрой коровы. Погнала Ользете оставшуюся пару в степь. Видит диво: на том кургане, где она закопала рога пестрой коровы, вырос белый дворец. Подошла она к дворцу и услышала голос:

— Заходите, пожалуйста, Ользете, мы давно вас ждем.

Вошла Ользете во дворец и онемела от изумления. Все было так красиво, так богато! Эдакое и во сне не снилось. Тот же голос говорит ей:

— Садитесь, пожалуйста, Ользете, отведайте нашего кушанья.

На ковре были расставлены всякие яства. Ользете пообедала здесь и стала лучше прежней. Радостная пошла она в степь.

В это время, неподалеку, охотился молодой богатырь Очир-Дордже. Увидев красавицу-пастушку, он позабыл об оленье, за которым гнался, и остановился, заглядевшись на девушку.

— Чья ты? — спросил он Ользете. — Скажи, где ты живешь?

Очир-Дордже очень понравился девушке. Она назвалась и сказала, где живет. Очир-Дордже направился к ее родителям.

— Ваша дочь рождена быть моей женой. Я пришлю сватов, — сказал он родителям Ользете.

Когда Ользете пригнала коров, он уже уехал.

Мачеха зло сказала ей:

— Радуйся, дура, богатырь тебя сватает, — а сама думает: «Почему он посватал девушку, которая всю жизнь пасла коров, но не ту, которая росла в доме, в неге и ласках?»

Утром Догшон сказала падчерице:

— Сегодня приедут сваты. Пойдем на озеро Коке-нур. Я тебя как следует обмою.

Хотя Ользете и догадывалась о злых намерениях мачехи, но ничего не могла поделать. Пришлось пойти с ней. По пути к Коке-нuru мачеха столкнула падчерицу в воду. Ользете утонула. Обрадовалась мачеха. Ну, думает, теперь я выдам за богатыря родную дочь Ярку.

А воин Очир-Дордже уже ждал ее с людьми и богатыми подарками. Он говорит:

— Я приехал за вышей дочерью, как обещал.

Догшон вывела свою родную дочь. Видит Очир-Дордже на правой щеке Ярки черную родинку величиной со шмеля, на левой щеке родинку величиной с суслика. Но раз мужчина дал слово, он обязан его выполнить. Пришлось, волей-неволей, увезти с собой эту уродливую девушку.

Пожил некоторое время Очир-Дордже с молодой женой. Вдруг высохло озеро Коке-нур. Высохли пастбища вокруг озера, нечем стало питаться скоту. Поднялось все кочевье, погрузило кибитки на верблюдов и ушло на новое место. Вслед за караванами с берегов Коке-нура побегал маленький белый верблюжонок. Никто не знал, откуда он вдруг появился.

После того, как стали люди кочевьем на новом месте, молодая жена Ярка заболела. Очир-Дордже спрашивает:

— Чем тебе можно помочь?

— Когда мы откочевали с берегов Коке-нура, — отвечала больная, — за нами бежал белый верблюжонок. Я вылечусь, если буду пить бульон из мяса этого верблюжонка.

Не теряя времени, пригнали белого верблюжонка и тут же хотели зарезать. Но больная приказала завести верблюжонка в кибитку и резать так, чтобы ни одна капля кровинки не упала в сторону.

Постарались в точности выполнить приказание Ярки, но одну каплю все же потеряли: вылетев через дымоход, она упала направо от кибитки. На другой день на том месте выросло развесистое сандаловое дерево. Такого никто и никогда не видел, и о таком чуде никто и никогда не слышал. Люди решили, что это диво — предостережение от бед, и собрались уходить отсюда. Ни один ясновидец, мудрец, прорицатель не смог разгадать тайны: почему на ровном месте ни с того ни с сего выросло громадное дерево. Молодая жена Очир-Дордже приказала всем оставаться здесь. Тайну дерева она разъяснила так:

— Сандаловое дерево испослано судьбой для колыбели будущему сыну богатыря Очир-Дордже.

Она вызвала лучшего в крае мастера-плотника и повелела:

— Сруби то сандаловое дерево и смастери колыбель для будущего нашего сына. Да смотри при этом, чтобы ни одна щепка не отскочила в сторону.

Мастер срубил дерево, смастерил колыбель для будущего сына богатыря. Но маленькая щепочка все же отскочила и попала за пазуху плотника. Вечером старик-плотник пришел домой и у треножника стал раздеваться. Вдруг из-за пазухи выпала трубка, отделанная белым серебром и украшенная чернью: к мундштуну трубки прикреплена золотая цепочка. Испугался мастер, подумав,

что случайно захватил трубку Ярки. Он трижды помолился богу и лег спать. Трубку решил отнести утром. Проснулся плотник с мыслью отнести во дворец трубку. Но трубки на месте не оказалось, а перед ним сидела молодая красивая девушка. Поднялся старик с постели и спрашивает удивленно:

— Девушка, девушка, чья ты, откуда?

— Я хотела бы быть дочерью тех, у кого нет детей. Родственницей тех, у кого нет родственников, — отвечала девушка.

Старик-плотник и его старуха, у которых не было детей, так обрадовались, что вырывали друг у друга девушку и, сажая на правое колено, целовали в правую щеку, сажая на левое колено, целовали в левую щеку. Стала эта девушка дочерью плотника. Так они прожили некоторое время.

Однажды Ярка решила собрать во дворец двести девушек — шить богатырю соболиную шубу. Две ее служанки обходили кибитки всех, у кого были дочери. Когда они дошли до кибитки плотника-мастера, — одна из служанок говорит:

— Не будем сюда заходить. У них нет дочери.

— А я слышала, что есть, — настояла другая, и они зашли.

Увидев девушку, служанки сказали хозяйне:

— Хозяйка, посылайте свою дочь во дворец шить шубу богатырю.

Жена плотника стала говорить, что дочь еще молода для такой важной работы.

— Отпустите меня, познакомлюсь с девушками, подруг заведу, — стала просить дочь.

— Ну, иди, — отпустила мать.

Двести девушек собралось во дворец. Сама Ярка раскрыла соболиную шубу и всем раздала доли. Дочери плотника достался рукав. Когда шуба была почти готова — не хватало только рукава — и Ярка набросилась на дочку плотника с бранью:

— Ах ты, лентяйка! Ты пришла только за тем, чтобы поесть с нашего стола!

Девушка в сердцах отбросила рукав — он упал на свое место и сросся с шубой. Шуба вышла такая ладная, нарядная, что сам Очир-Дордже не мог наглядеться. На радостях он решил угостить девушек за хорошую работу. Созвал множество народа. Семью семь — сорок девять дней пировали. И как-то сказал молодой богатырь Очир-Дордже:

— Кто из вас может рассказать сказку с несбываемыми чудесами?

Все молчали. Поднялась дочь плотника.

— Батюшка рассказывал мне сказки, когда я была малень-

ной, — начала дочь плотника, — одну из тех сказок я вам расскажу.

Рассказала она вот эту сказку, которую я вам рассказываю. Молодой богатырь Очир-Дордже узнал в дочери плотника свою первую невесту, несравненную Ользете, которую за трудолюбие и доброе сердце до сих пор охранял дух пестрой коровы. Обрадовался Очир-Дордже и воскликнул:

— Ользете!

А в это время раздался свист летящей стрелы. Стрела, выпущенная злою Ярною, долетела до груди Ользете, но тут во дворец ворвался вихрь, и стрела ушла в сторону. Ярнка, боясь кары за свои злые поступки, тут же убила себя.

Стали сиротка Ользете и богатырь Очир-Дордже жить в счастье и благоденствии, всем людям на радость, ибо они делали только добрые дела.

Хан и Собсид

Давно это случилось. Вдали от людских кочевий, среди белой, новыльной степи, жил богатый человек по имени Собсид. Когда он смеялся — изо рта его сыпались жемчуга и бриллианты. Была у него жена-красавица. Собсид любовался ею целыми днями и был счастлив.

Услышав об удивительном подданном, хан решил вызвать его к себе и, рассмеши, пополнить казну драгоценностями.

Не хотелось ехать Собсиду, но жена сказала:

— Орел не хватает добычу дважды, а хан подданным дважды не приказывает. Как бы не навлечь на свою голову гнева повелителя.

— Ты права, — ответил Собсид и стал собираться в путь-дорогу.

— Только вы долго не гостите у хана, — попросила его жена, — путь ваш далек и тревожно будет моему сердцу. Нарисуй-то мне перед отъездом свое изображение. Взглянув на ваш образ, моя душа наберется сил, чтобы пережить тяжкую разлуку.

Послушался Собсид, нарисовал свой портрет, словно живого себя изобразил. Распростился с женой и поехал. Когда кибитка скрылась из глаз, он принял облик другого человека и стал продолжать свой путь. На полдороге встретился ему мужчина средних лет на хорошем гнедом коне. Поздоровался с ним Собсид, спросил, далеко ли едет.

— Слухи до меня дошли, — ответил ему мужчина, — будто

Собсида хан к себе вызвал. А когда-то я любил его жену, и она меня любила. Вот и еду теперь к ней.

Больно стало Собсиду от таких слов, но он не подал виду и пожелал путнику счастливого пути. Когда тот отъехал, Собсид коня и себя превратил в шелковую нитку, прилип к плечу мужчины и вместе с ним возвратился домой.

Завидев путника, выскочила из кибитки жена Собсида, бросилась к нему навстречу, стала обнимать, целовать.

— Милый ты мой, единственный, любимый! Я уж думала помру и тебя не увижу! — говорила жена Собсида.

Быстро она зарезала барана, приготовила горячий дотур,¹ поставила перед гостем еду и налила ему чашку крепчайшей арзы,² которую сам Собсид пил только по большим праздникам. Смеется жена, радуется, обняв голову чужого мужчины, тербит его волосы и такие песни поет, какие Собсид никогда от нее не слышал, такие ласковые слова говорит, какие Собсид и от матери не слышал.

— Вот он шулмус³, враг моего счастья, — сказал захмелевший мужчина, глядя на портрет Собсида, — встретился бы он мне, так я бы его вот как, вот как! — и, взяв острый нож, выколол на портрете глаза.

— Ах, а мне-то какво с ним жить каждый день, за нелюбимым ухаживать, — сказала жена Собсида, — была бы я в силах, так я бы его вот как! — и, схватив портрет, разорвала его, кинула в огонь, под радостный смех любимого мужчины.

Свет померк в глазах Собсида от обиды: тихо выскользнул он из кибитки и поехал к хану, не зная, что предпринять, как скинуть с плеч такое горе. Любил он свою жену-красавицу, верил ей и потому решил сделать вид, будто ничего не знает, чтобы лучше обдумать, как быть дальше.

Хан, к приезду Собсида, созвал всех шутов своей державы, всех, кто умел веселить сердце человека острым словом, пригласил множество гостей. Невиданное веселье — надан было объявлено во дворце хана. Арза и арака текли рекой, Гремели застольные песни. Шуты грозного хана так уморительно плясали, так острили, рассказывали такие смешные истории, что от хохота стекла выпадали из окон дворца, а стены шатались. Только один Собсид ни разу не улыбнулся, только он один грустно смотрел на все это веселье. Сердце его обливалось кровью при мысли о том, что никогда он не был любим, и не знать ему теперь счастья.

¹ Дотур — национальное блюдо, приготовленное из ливера.

² Арза — дважды перегнанная водка из кислого молока.

³ Шу л м у с — нечистая сила, черт.

Хан, видя Собсида таким, решил, что не умеют шуты рассмешить человека. Сам пошел плясать с ханшей. Так неуклюже он плясал, что у людей, глядевших на него, животы разболелись от смеха. При этом хан случайно задел голову своей жены рукавом своего халата. Горькими слезами залилась ханша, будто ее сильно побили. Пуще прежнего хохотали гости. Не улыбнулся только Собсид.

Рассердился хан, прекратил веселье и велел на ночь привязать Собсида к столбу во дворе, чтобы почувствовал он, какое наказание ждет его за неуважение к ханской милости. Время было уже осеннее, ночи стояли холодные, и скоро Собсид так продрог, что зуб на зуб не попадал. К тому же мысли о жене не давали покоя. Даже заплакал от обиды. Вдруг услышал он, как скрипнула дверь в ханских покоях. Крадучись и оглядываясь, вышла откуда жена хана и побежала куда-то мимо Собсида. Навстречу ей, из-за кучи собранных кизяков, вышел конюх повелителя.

— Ах ты негодная, заставила меня столько прождать на холоде! — закричал он ханше и стал нещадно бить ее толстой палкой по чем попало.

— Не моя вина, мой милый, едва усыпила своего глупца и к тебе, — ответила ханша, — бей меня, все равно только одного тебя люблю, — говорила она, целуя и обнимая конюха в ответ на его побои.

Вспомнил Собсид, как ханша расплакалась, когда муж ее случайно задел рукавом халата по голове, и так ему смешно стало, что не сумел он сдержаться и расхохотался. Посыпались на землю жсмчуга и бриллианты. Потом он с горечью подумал, что все женщины одинаково лживы, и снова овладела им печаль.

Утром хану доложили, что Собсид, видимо, много смеялся, поэтому, что высыпал целые пригоршни изумительных камней прямо на землю.

Сначала хан обрадовался, но потом грозно нахмурился:

— Как! — закричал он в гневе, — на увеселении не улыбался, а привязанный к столбу расхохотался! Я ему покажу, как надо мной смеяться! Палача! — и велел он отрубить голову Собсиду, чтобы не смел впредь глумиться над своим владыкой.

Когда Собсиду сообщили о приказе хана, он стал умолять, чтобы выслушал хан причину того, почему он не смеялся на увеселении и почему рассмеялся, будучи привязанным к столбу. Хан согласился, и тогда Собсид рассказал о том, как провожала его в дорогу любимая жена и как в тот же день приняла своего дружка. Рассказал и о том, что он видел ночью, привязанный к столбу.

— Теперь мне понятно, почему так скупа на ласки моя су-

пруга, — сказал хан, выслушав Собсида, и велел его отвязать.

— Милостивый хан, — молвил в ответ Собсид, — видно, все женщины на свете лживы и коварны. Будь это в моей власти, я бы приказал их всех истребить.

Гневный хан решил, что Собсид прав и слова его полны мудрости. Первой лишили жизни ханшу, а потом поехали к Собсиду и так же наказали его жену за неверность.

После этого они пустились в путь по свету с твердым намерением уничтожить весь женский род. Встретился им на пути семидесятилетний старик, который пас отару овец. Он сгибался под тяжестью железного сундука, лежавшего на спине, и ронял из воспаленных красных глаз мутные слезы. Поздоровались они со стариком и спросили с удивлением:

— Что заставляет тебя нести на спине такой тяжелый сундук?

— Слышал я, — отвечал старческим голосом пастух, — что наш хан и Собсид сошли с ума и решили весь женский род уничтожить. Так я спрятал в сундук свою старуху, чтобы не убили ее эти безумцы.

Рассердились хан и Собсид и повелели старику открыть сундук. Подчинился он силе. Открыл сундук, но старуха в нем умерла уже своей смертью. Горько заплакал тогда старик, стал свою длинную бороду рвать и причитать:

— Ах ты, радость моя единственная, любовь моя ненаглядная! Сколько счастья ты в жизни мне принесла! И все теперь унесла с собой!

Подивились хан и Собсид таким словам, не поняли они горя старика и поехали дальше.

Встретился им на пути другой странный старик: белая борода по земле волочится, в глазах огонь сверкает.

— По каким делам и далеко ли направились? — спросил старик путников. Хан рассказал, по какой причине решили они и начали уже истреблять женский род.

Посмотрел на них старик так, будто огненными стрелами пронзил, и спросил:

— Который из шестидесяти шести перевалов-эргеней вы миновали, глупцы?

Никого не боялся хан в своем обширном владении, ибо он обладал властью казнить и миловать любого из своих подданных. В мире нет силы выше, чем власть, думал он. Никого не боялся и Собсид, ибо у него было столько сокровищ, что мог любую власть подкупить. В мире нет силы выше, чем богатства, думал он. Но страшно стало вдруг обоим от пронзительного взгляда странного старика. Собсид посмотрел на хана, как бы говоря: «И ты испу-

гался?» Спыхватился тут хан, вспомнил свою власть и привскочил на стременах:

— Это мы глупцы? Да кто ты таков? — визгливо вскрикнул, подняв плеть, чтобы ударить дерзкого старика.

Старик в ответ лишь усмехнулся и махнул правой рукой. Плеть с поднятой рукой хана застыла наверху и не опускается. Хан и так и эдак, а плеть висит над его головой, не шевелится. Увидев это, Собсид в ужас пришел, пришпорил коня, решив бежать. Но старик снова взмахнул рукой — конь Собсида застыл в воздухе, на землю не опускается и с места не двигается, словно каменный повис.

— Какой из шестидесяти шести перевалов-эргеней вы миновали, глупцы? — еще раз спросил белобородый старик-чародей, грозно насупив густые брови.

— Тридцать третий! — сказали хан и Собсид, трясаясь от страха.

— Сколько женщин вы успели убить? — спросил он еще грознее.

— Только своих жен, — отвечали хан и Собсид, еле ворочая языками.

— Так слушайте, безумцы, что я буду говорить, смотрите на то, что буду показывать, — приказал странный старик.

Хан и Собсид безмолвно повиновались ему.

— Людям и всему сущему вечно добро несущее, над миром плывущее, летучими тучами время могучее, сделай благо степи, на тысячу лет отступи! — воскликнул белобородый чародей, широкой грудью молитвенно припав к степи.

И случилось чудо. Среди ясного неба сверкнула молния, грянул гром, закружился желтый огненный вихрь, черная тьма обволокла землю. Хан и Собсид зажмурили глаза, прикрыв лица руками. Все это свершилось в мгновение ока, и тут же наступила немая тишина.

— Опустите руки, поднимите вски, глядите и слушайте! — сказал им старик, стоявший рядом с ними.

Опустив руки и взглянув вокруг, хан и Собсид изумились тому, что открылось их взору. Степь простиралась вроде знакомая и незнакомая. Только три гряды из шестидесяти перевалов-эргеней, словно крестцы жирных коров, пролегали вдаль. Паслись овцы и верблюды. Снакали какие-то всадники в одеждах чужих племен. Летали в небе орлы. Рядом, молодая женщина невиданной красоты, с печальными глазами, сидя на коленях, небольшим ножичком копала землю — возле нее образовался маленький холмик.

— Ты думаешь, хан, что, обладая властью казнить и милловать, ты превыше всего на земле. Но подумай, что такое власть в твоих руках, если сам ты подвластен крохотному наконецнику стрелы, лезвию ничтожного ножа, каре малой болезни, разрушениям мгновенных десятилетий? Ты думаешь, Собсид, что, обладая богатствами, ты превыше всего на земле. Но знаешь ли ты истинную цену своим богатствам и сокровищам? За миску собачьей хлебки с радостью ты, если умен, их отдашь в день голода, а если глуп, померешь вместе с ними, — начал свой сказ белобородый старик-чародей. — Вы, обиженные женами, в гордыне своей решили истребить весь женский род, будто все женщины виновны в том, что ваши жены не любили вас, ибо вас не за что любить. Вместо добродетелей, украшающих человека, вы выпячивали свою презренную власть или презренные богатства.

— Верно, верно, — робко подтвердили хан и Собсид.

— Сейчас вы находитесь в своей степи, но время отступило на тысячу лет назад. Тогда и я был моложе. Вы видите юную женщину, которая копает ножичком землю, видите возле нее маленький холмик. Но она не женщина, а девушка из нашего хотона и зовут ее Лоллой. У нее был добрый нрав. Она лечила травами больных зверей и птиц, и те любили ее. Лолла полюбила юношу по имени Наран, и он ее полюбил. Оба они были так хороши, что от ста держав приезжали к нам послы. Те ханы, у кого были дочери, зятем хотели иметь нашего юношу, те ханы, у кого были сыновья, в невестки хотели взять нашу девушку. Но ни он, ни она не давали своего согласия.

Возмущались ханы ста держав, пошли на нас войной, разорили наш цветущий край, убили юношу Нарана, любимого прекрасной Лоллы. Долго она тосковала, горевала. Звери, к которым она была так добра, сказали ей, где находится земля с живой водой, а птицы по капле принесли ей в клювах живую воду и наполнили заветный пузырек. С тех пор Лолла неустанно копает ножичком землю. Три перевала-эргеней возвышенностей успела она сделать, пока вы ее не увидели, еще шестьдесят три сделает, лишь бы найти тело любимого, окропить его живой водой и вернуть к жизни. Но жестоки были злобные ханы — прах Нарана они развеяли по белу свету. Вот какова любовь женщины, хан и Собсид, любовь, которая дается человеку во имя жизни, во имя ее продолжения на земле. Но Лолла любовь любила больше жизни, и вот что с ней случилось...

— Людям и всему сущему вечно добро несущее, над миром плывущее: летучими тучами, время могучее, к законному ходу вернись! — снова припав к земле, воскликнул старик.

Снова сверкнула молния, среди ясного неба грянул гром, закружился желтый огненный вихрь, черная тьма обволокла землю. Хан и Собсид снова зажмурили глаза, прикрыв лица руками.

— Опустите руки, поднимите веки, глядите и слушайте! — сказал им старик те же слова, что и раньше.

Опустив руки и взглянув, хан и Собсид увидели, что они стоят там же, где встретились со странным стариком-чародеем. Однако сейчас мимо них туда и обратно проносился со стоном и визгом желтый вихрь и в нем был ясно виден темный силуэт сморщенной старухи, рвущей костлявыми руками космы жестких седых волос на голове, раздирающей сухую коричневую кожу, обтянувшую кости лица.

— Это она, Лолла, — грустно прошептал старик, — любя свою любовь в себе превыше всего, она отказалась выйти замуж, дала обет безбрачия и за это жизнь, которую Лолла не продолжила, отказала ей в смерти. Вот и мучается, бедная! — воскликнул он, махнув правой рукой. Желтый вихрь умчался вдаль.

— Вы видели, как может любить женщина и какую кару способна нести во имя своей любви. А вы говорите, что какой-то палкой били влюбленную, и она не плакала. Нет на свете силы, которая была бы сильнее любви. Ни закон, ни богатство, — ничто не властно над любовью. Женщина велика в любви и перед нею ваша сила — пыль и суета. Вы подняли руку на женский род, дарующий жизнь человеку. В наказание отлучаю вас от власти, богатства и любви! — громовым голосом произнес белобородый старик-чародей.

Трепещущие от страха хан и Собсид упали ниц и просили прощения. Но старика уже не было — он исчез.

Поднявшись на ноги, хан и Собсид увидели, что они вдвоем в степи и никого больше нет. Глянули друг на друга — радостно стало им.

— Что же с нами случилось! — расхохотался Собсид. Но жемчуга и бриллианты уже не сыпались.

— Ты мне дал неразумный совет уничтожить женский род! — в гневе воскликнул хан. Но Собсид смеялся над ним — он понял: хан уже не был ханом.

Бывший хан и бывший богач продолжали жить на земле. Но они были очень несчастны. Мужчины презирали их, ибо они ничего не умели делать. Женщины брезгливо кормили хлебом и солью, ибо, глядя на них, мужья сильнее любили жен. Но в смерти бывшему хану и бывшему богачу не было отказано, ибо они все-таки приносили каную-то пользу своим существованием.

Говорят, очень давно жил в калмыцких степях хан, который любил слушать всякие небылицы. У него были на выданье три дочери. Но никто их не сватал. Для ханских сыновей они были не так хороши, а за простолюдинов не хотел отдавать их сам хан. Так прошло много лет, и его дочери стали стариться. Тогда хан объявил по всем державам, что в приданое каждой дочери выделяет треть своих владений. Однако и на этот раз ни один ханский сын не пожелал прислать сватов. Испугался хан за своих дочерей и снова объявил, что каждой дочери в приданое он отдает треть своих владений и что выдаст за любого человека, который расскажет 72 небылицы. Много сыновей знатных людей приходило рассказывать небылицы, но никто не мог состязаться с сыном ханского пастуха. Вот что он рассказал:

— Я родился на девяносто девять лет раньше отца и пас табун своего деда. Однажды, в ясный летний день, когда на небе сияла полная луна, мой табун куда-то исчез. Как, думаю, быть? Я сделал длинный шест из тонкой березы, которая никогда не поднималась с земли, прикрепил к его концу аркан из неосвитой веревки в палец толщиной, когда на лету замерзали птицы, оседлав неродившегося солового коня, отправился на поиски потерявшегося табуна. Много дней я проехал, пересек неизмеримые пространства. Мок под дождем, который не шел, мерз в такую пургу, что все кругом корчило от жары. Так я изнемог в пути, что почувствовал свою близкую, неминуемую смерть. Как-то раз я оглянулся во все стороны, в надежде где-нибудь увидеть колодец, и смотрю: на крутом склоне высокой горы плещется круглое, синее озеро. Ударил я плеткой своего солового коня и галопом пустился к озеру. Странная вещь: прибрежная вода кипит, пар поднимается, дотронуться невозможно, а середина охвачена толстым слоем льда. Отъехал я немного назад, разогнал солового и — прыг! Оказался прямо на середине озера, на синем сверкающем льду. Ударил плеткой об лед — лед не разбивается. Топнул ногой об лед — лед не разбивается. Тогда я, долго думая, снял голову и — бац! Из круглой дыры, образовавшейся во льду, выступила холодная прозрачная вода. Наклонился я и с удовольствием напился холодной воды. Сразу стало легче. Перепрыгнул обратно на берег, отъехал на некоторое расстояние, верст так на тысячу, и решил закурить. Вытащил я свою кленовую трубку, величиной с голову верблюда-самца, прикрепил к ней мундштук, величиной с берцовую кость быка, положил в трубку несколько охапок табану и только поднес ко рту, а рта не оказалось на месте. Что, думаю, за оказия? Ах, вспомнил тут я, ведь

голову-то я забыл там, где пил воду. Хочешь не хочешь, а пришлось возвращаться. Моя голова заметила меня еще издали и расплылась в довольной улыбке:

— Что, дружище!— кричала она мне,— и не закуришь без меня! А я-то нарочно смолчала, когда ты отъехал. Пусть, решила в шутку, проедется немного без меня! Теперь ты в другой раз не забудешь меня.

— Батюшки!— испуганно закричал я в ответ,— что с тобой случилось?

На макушке моей головы, вонзив жала, сидели тысячи мух, а шея примерзла ко льду. Тянул я, тянул свою глупую голову, а оторвать не смог. Тогда я, рассердившись, со всей силы пнул ее ногой. Она отскочила в сторону и покатилась к прибрежной кипящей воде. Еле догнал ее, стряхнул с макушки мух, дважды ударил по левой щеке, трижды ударил по правой щеке, чтобы впредь не смела так шутить со своим хозяином, и водворил на место, где ей следует быть всегда. Немного успокоившись, вложил в рот кленовую трубку, взял кусочек льда вместо огня, горсточку воды вместо трута, высек искру, добыл огонь, затянулся сладким дымом и выпускал его, смешивая с облаками. Так, роняя на землю столько серого пепла, что за мной вырастали холмы, продолжал свой путь дальше. Что ни шаг — пятнадцать верст оставалось позади.

Проехал я еще много дней и однажды, спускаясь с невысокого пригорка, увидел внизу зеленую долину, услышал страшный шум и гвалт, чьи-то крики, перебранку. Спустившись вниз, я разглядел тысячи мух, которые подняли этот шум. Они то расходились группами, то снова сходились, суетились, поднимая невообразимую суматоху и пыль.

— Что у вас тут происходит?— спросил я у первой встречной мухи.

— Да вот делимся и никак не можем разделиться,— отвечала мне молодая муха, у которой под правым глазом чернел огромный синяк, видимо, от крепкого кулана.

Заметив меня, все мухи ринулись ко мне.

— Ты человек посторонний,— обратилась ко мне муха-старик, поглаживая следы бороды, оторванной в драке,— рассуди нас, раздели, никого не обидев. Ты должен быть справедливым.

Сосчитал я их хозяйство и, никого не обидев, не обделив, помог им мирно разойтись в разные стороны. Поехал дальше. Отъехал некоторое расстояние и слышу сзади крик:

— Погодите, остановитесь, почтенный муж!

Оказывается, предварительно поспорив меж собой, выделили

мне четырехгодовалую молодую муху, в знак благодарности за мою справедливость. Три года она ходила яловой и на крестце накопила жира в четыре пальца, а под передними лопатками — в три пальца. Принял я заслуженную мною муху, заарканил ее, конец аркана привязал к задней луке седла и продолжал свой путь. К вечеру решил переночевать, предварительно выбрав место в низине, где меньше дул ветер. Развел костер. Еще не зарезав, я снял с мухи шкуру, не сняв шкуру — распотрошил, не распотрошив — опустил в котел, не опустив в котел — вскипятил, не вскипятив — вытащил из котла, не вытащив — съел, не съев — наелся и, вытерев руки о правый сапог, лег спать.

Еще не уснув, я проснулся от страшного шума. Какие-то двое барахтались в темноте, задевая мои руки и ноги. Пригляделся: то дрались меж собой два моих сапога.

— Разве не мы с тобой, одинаково высыхали от знойного ветра, задыхаясь горячей пылью дорог, страдали столько лет? Однако почему-то хозяин накормил тебя, а не меня. Ябедничаешь? Так вот тебе! — кричал левый сапог, нанося каблуком удар в носок правого сапога. Правый сапог норовил нанести удар в переносицу левого.

— Замолчите! — сердито приказал я, поднимаясь с места, — иначе я вас так накажу, что не увидите завтрашнего дня!

Испугались сапоги, притихли. Перед рассветом снова меня разбудил такой же шум. На этот раз дрались меж собой мои ножны и нож.

— Не я ли, оберегая тебя от дождя и ветра, от зноя и холода, несу все тяжести нашей совместной жизни? Не от меня ли зависит гордость твоя — острота нежного лезвия? А жирным мясом хозяин накормил тебя! Наушничаешь! — закричали ножны, замахиваясь ребром на лезвие ножа.

— Замолчите! Иначе я вас... снова пригрозил я им.

Ножны и нож притихли, испугались.

Так и не выпавшись как следует, я поднялся вместе с солнцем. Поднявшись, обнаружил пропажу: исчезли нож и сапог. «Куда они могли пропасть?» — подумал я и вспомнил старую калмыцкую поговорку: «Где свадьба — туда катится и кость, десять лет пролежавшая на ветру». Вспомнил, что в соседнем селении сегодня играют свадьбу. Направился к дому, где шел пир горой, заглянул в окно. Мой нож был старшим над расставленными на ковре яствами и важно расхаживал меж рядами жирных туш баранины и говядины, то и дело отваливая громадные куски мяса, а мой сапог бегал по кругу гостей, весь блестел от жира, препод-

носил чаши хмельной араки¹ и, прежде чем подать полную чашу, взявшись за правое ухо, пел благопожелание. Заметив меня, нож и сапог подмигнули мне. Поняв их намеки, я незаметно вошел в дом и тихо присел у дверей. Не успел я еще как следует устроиться, мой нож и сапог, проскакивая меж ногами стоящих, проскальзывая под мышками сидящих, подбежали ко мне, прихватив с собою целую бортоху¹ араки и ляжку коровы. Выпил я араку, съел мясо и приказал беглецам идти за мной. Отправился я искать свой пропавший табун. Повстречал сусликов, которые собирались на торжества около церкви. В открытые двери церкви я заметил горящую лампаду из сухого стебля травы.

— Не встречали ли вы мой пропавший табун из пегих коней? — спросил я их.

— Видели, видели, — запищали в ответ мне суслики, — твой табун пробежал в сторону севера.

Поехал я в сторону севера, поднялся на вершину одной горы и увидел тьму-тьмущую зайцев. Каждый из них держал в лапах большие ножницы и стриг другого.

— Не видели ли вы мой табун пегих коней? — спросил я у них.

— Твой табун побегал в сторону юга, — отвечали мне зайцы, указывая направление длинными ушами.

Выпросил я у них немного шерсти на чулки и поехал в сторону юга. Встречается мне в пути один муравей-работяга, взваливший на спину два мешка пшеницы.

— Муравей, муравей, — обратился я к нему с вопросом, — далеко ли идешь?

— Иду на базар, — весело отвечал мне муравей.

Направился и я на базар, вслед за муравьем. До вечера бродил я по базару, разглядывая разные диковинные вещи. Ведь очень интересно на базаре. Вдруг вижу: около мешка пшеницы валяется пьяный муравей.

— Что с тобой, приятель? — с укоризной спросил я у муравья.

— А твое какое дело! — куражился муравей, — продал мешок пшеницы, встретил друзей-приятелей и вот, как видишь, веселюсь. Пшеницу-то я сам наживал, собственным горбом! — закричал он, наскакивая на меня.

Грустно мне стало от этого зрелища, и я решил продолжать поиски своего пропавшего табуна. Проехал до полуночи, доехал до какого-то полусгнившего деревца, привязал коня и лег спать.

¹ А р а к а — водка, сваренная из кислого молока.

² Б о р т о х а — сосуд для жидкостей из кожи.

Просыпаюсь утром — беда! Полусгнившее деревцо село верхом на мосго еще не родившегося солового коня и уже скрылось за горизонтом. Не догнать его. Погоревал-погоревал, — делать нечего, пришлось идти пешком. Прошел я пешком полдня и вижу: пастется в степи стадо дудаков с обледеневшими крыльями, хотя и жара стояла несносная. Поднял я с земли палку и одним ударом повалил штук шесть огромных дудаков. Привязал их к своему поясу, думаю, пригодятся в пути, и продолжаю идти дальше. Вдруг я почувствовал, что начинаю подниматься в воздух. То ожили оглушенные дудаки и подняли меня высоко в небо. Обрадовался я. С высоты всю землю видно. Всматриваюсь вниз — ищу табун. Только мы стали достигать облаков, тут не выдержал тяжести мой пояс, лопнул, и я камнем полетел вниз. Ну, — мелькнула мысль, — вот и конец мой пришел! Да на мое счастье внизу бежал огромный серый волк, и я, не коснувшись земли, оказался на нем верхом. Прижал я его бока коленями, схватился за холку и ну поддавать духу! Испуганный волк не бежит, а летит. Мне это не страшно — я почти до облаков долетал! Вдруг я заметил на высохшем стебле прошлогодней полыни уздечку, которую потерял три года тому назад. Ловко пригнувшись, я схватил свою потерю и положил за пазуху. Еду дальше. Думаю, авось встречу свой табун, тогда и сосночу с волка. Все-таки лучше, чем пешком идти. Тут я заметил — что-то зацепилось за ногу. Наклонился — то, оказывается, ремешок с рукоятки плетки, которую я потерял два года тому назад. Только я нагнулся взять плетку, да хватил мимо и слетел с волка. Попечалился-попечалился, да делать нечего, пришлось пешком идти. Время клонилося к вечеру, захотелось есть, и я с грустью вспомнил прибитых мною дудаков. Тут мне подвалило счастье. Между двумя небольшими никогда не росшими кустарниками я заметил спящего зайца, прикрывшего себя листом прошлогодней травы. Поднял я его криком, пустил вдогонку своего свирепого, борзого пса черно-серой масти, который подох десять лет назад. Мой черно-серый свирепый пес нагнал зайца, схватил его за спину. Но еще не родившийся заяц так брыкнул задними ногами, что прочь полетели коренные зубы моего свирепого пса, подохшего десять лет тому назад, и он пустился наутек от зайца, десять дней боясь оглянуться назад. Пришлось самому гнаться за зайцем. Не догнав, я его ударил, не ударив — убил, не убив — коснулся, не коснувшись — схватил, не схватив — положил в карман. Пошел я мимо большой глубокой реки, которую воробьи вброд переходили. Впереди меня показалась маленькая черная точка, которая, приподнимаясь и приседая, пружинистыми шагами двигалась мне навстречу. Когда я подошел ближе — узнал в ней по-

жилого серого паука, давно жившего в этих местах, до некоторой степени моего приятеля. Как-то, лет десять тому назад, укрываясь у него от метели, разыгравшейся в степи, за чашкой чая мы проговорили до утра. В это время его сыновья присматривали за моим табуном. Сейчас паук в передних лохматых лапах держал концы паутины-невода и на моих глазах, без особого труда, вытащил ведра три разной рыбы. Мелочь он выбросил обратно в реку, которую воробьи переходили вброд, а покрупнее — отложил в кучу, что лежала рядом. На глаз я прикинул — тут было везов десять сазанов, окуней, осетра и другой всякой рыбы.

— Менде!¹— приветствовал я его,— бог помочь, удачной вам путины!

— И вам удачи, добрый путник!— ответил мне мой старый знакомый паук и кивнул в сторону кучи.— Возьми на дорогу одну рыбину помельче, пуда в два.

И в самом деле, думаю, лишняя толика пищи в пути не помешает. Взял осетра пуда четыре весом, положил в карман, поблагодарил гостеприимного паука и пошел дальше. Тут я услышал страшной силы грохот. Оглянулся — забавляясь, боролись две горы. «Вот я тебя!»— грохотала, смеясь, одна из гор. «Только без подножки!»— гремела хохоча вторая. Решил подальше отойти от такой забавы. Незаметно я пришел к берегу моря и отпрянул назад, так, примерно, верст на тысячу. Меня опалило огнем пылающего моря: горела вода. Только и успел заметить, как на языках пламени плясали обрадованные рыбы, восклицая: «Хоть раз в жизни погреемся как следует!» Потеряв всякую надежду найти свой табун, я возвратился домой. Развел огонь и думаю: вот уж наемся! Полез в правый карман — зайца нет. Полез в левый карман — осетра нет. Тут я заметил на кромке правого кармана комара, со рта которого торчали ноги зайца, а на кромке левого кармана заметил блоху, со рта которой торчал хвост четырехпудового осетра. Взял я за правое ухо комара, за левое ухо блоху и поднял вверх. Взмолились они, запищали: «Никогда больше не будем так делать!» В это время раздался шум у дверей моей кибитки: кто-то кричал: «Я пройду первым!», другой перебивал его: «Нет, я пройду!» Выглянув, я увидел бок полусгнившего деревца, которое увело моего солового коня. Его отталкивала в сторону голова моего солового коня.

— В чем дело?— спросил я у них сурово.

— Давно мы нашли табун!— радостно закричали оба.

— А кто ты есть?— спросил я у деревца.

¹ М е н д е — (по-калм.) здравствуйте.

— Меня триста лет тому назад, еще до рожденья твоего деда, посадил твой отец. Все искало повода отблагодарить ваш род и вот он выпал, — сказала деревцо и скрылось с глаз. Так, после трудных поисков, нашел я свой пропавший табун. И если во всем, что я рассказал, есть хоть одна неправда, небылица, да утонуть мне в пламени пылающего моря, да посадят на моей могиле лозу неросшего сандала, да отслужит молебен во успокоение моей души неродившийся гелюн-священник!

Так закончил свой рассказ сын пастуха хана, у которого было на выданы три дочери. И что же вы думаете, отдал за него свою дочь хан? Нет, не отдал. Он сказал:

— Я велел рассказать семьдесят две небылицы, а ты рассказал семьдесят три.

Не отдал хан свою дочь за сына пастуха, потому что сын пастуха был самым правдивым человеком на свете — сказочником, а самым лживым человеком на свете был сам хан.

Как надо плясать

С утра в степном колхозе имени Ленина узнали, что из Элисты приезжают настоящие артисты, и в течение дня эта весть будоражила людей, облетела и тех, кто убирал хлеб, и тех, кто пас овец, и тех, кто в поселке строил дома.

— Сегодня отпустите нас чуть пораньше,— просила Надя Дорджинова бригадира Хабура.

Тон у нее был просительный, но Хабур не обманывался: эта невысокая, семнадцатилетняя девушка умела настоять на своем, тем более она говорила от имени молодежи. Хабур слушал нетерпеливо, сбивая палкой верхушки трав. Его полное лицо отражало явное неодобрение, рыжеватые волосы взбились хохолком. Право, его трудно было принять за калмыка; о том напоминали лишь широкие скулы да узкая прорезь глаз. Резкий, несдержанный, он мог кого угодно оборвать в разговоре. Впрочем, Надю это нисколько не пугало: такой человек Хабур — как ни груб, а первым придет на помощь, когда трудно, и ни в коем случае не даст в обиду члена своей бригады.

— Отпустите,— тверже повторила Надя.— Ребята ждут...

Хабур, наконец, отбросил надоевшую ему палку.

— Артистов к нам присылают не для того, чтобы вы раньше времени убегали с поля,— грубовато произнес он.— Видишь небо: нынче оно ясное, а кто скажет, каким будет завтра?— и вскинул руку к солнечному синему небу.

Определенного ответа он не дал, ибо рядом стоял парторг колхоза Наймин Бадмаев. «С этой девушкой лучше бы тебе поговорить»,— блеснул в его сторону глазами Хабур.

Но Наймин Бадмаев, чуть приметно улыбаясь, молча и с интересом прислушивался к словесной перепалке.

— По-вашему, мы работаем плохо? — Надя гневно прищурила глаза. — Или прикажете отпрашиваться в Бюро погоды?

Вот и поговори с ней! Хабур, нетерпеливо крутнул головой. Не будь здесь Наймина Бадмаева, он бы сразу отрезал: да или нет.

— Я не сказал, что вы работаете плохо. Но не было бы убытка, если бы работали еще лучше.

— Ваш совет мудр!— Надя окинула бригадира с ног до головы сердитым взглядом.— Такой совет и вам на пользу.

— Надя, со старшими так не разговаривают,— нравоучительно заметил Наймин Бадмаев. Улыбка не сходила с его лица.

Надя вспыхнула.

— Кино мы не видим, никаких развлечений нет... а теперь вам не нравится, что приезжают артисты...— девушка чуть не плача выпалила в глаза начальству все, что накопилось в душе.

«А я-то причем?» — пожал плечами Хабур. И парторг не чувствовал своей вины: кто, как ни он, несколько раз выезжал в районный центр и добивался, чтобы дважды в месяц всем бригадам колхоза показывали новую кинокартину. Он-то полагал, колхозники будут благодарны ему, а они стали требовать еще больше, хотят смотреть кино чуть ли не каждый день. Как же найти такие возможности в глубине степи?! «Вот сдадим государству хлеб и тонкорунную шерсть,— обдумывал Наймин Бадмаев,— тогда приобретем себе кинопередвижку. А пока...»

Между тем Хабур подобрал свою палку и внушительно сказал:

— В это горячее время нужно думать о работе, а не о концертах! Вас ведь учили: труд создал человека. Значит, человек живет ради труда!

— По-вашему, человек рождается для труда, подобно машине или волу! Работа должна давать радость. Не человек существует ради труда, а труд во имя человека! — горячо произнесла Надя фразу, запомнившуюся со слов учителя.

— Надя говорит правильно. Труд должен доставлять радость,—

авторитетно подтвердил парторг. Он ласково взглянул на Надю, посерьезневшую, переживающую столкновение с бригадиром. Но тут его внимание привлекло пыльное облако, мчавшееся по дороге. Со стороны хотона приближалась колхозная «Победа».

— Сам председатель едет, вот и говори с ним,— сказал Наде Хабур и с облегчением улыбнулся: «Ух, гора свалилась с плеч!»

Председатель колхоза Сидоренко, крупный, дородный, легко высочил из машины.

— Как дела?— быстро проговорил он, сразу обращаясь к Наймину и бригадиру.

— Все хорошо... только не хватает машин вывозить зерно,— Наймин стал рассказывать где и что делается.

— А ты что приуныла?— спросил Сидоренко, смеясь одними глазами. Надя молча растирала на ладони пшеничный колос.

— Молодежь просит отпустить на час раньше... хотят успеть в хотон на концерт,— ответил за Надю Наймин.

— Концерт состоится в поле, на стане бригады. А ты, Надя, оповести-ка всех. Недаром тебя зовут колокольчиком!

— Оповещу, оповещу!— обрадованно воскликнула Надя и побежала к гудящим вдалеке комбайнам.

Хабур и Наймин только весело переглянулись.

— Кстати,— Сидоренко внушительно подтянул широкий армейский пояс на темной гимнастерке.— Артистов надо встретить, как дорогих гостей.

Наймин согласно кивнул.

— Прирежем барана, приготовим настоящий горячий дотур с кровью и угостим по нашему калмыцкому обычаю.

— А районное начальство не поругает за барана?— осторожно спросил Хабур.

— Какой же мы колхоз с десятиллионным доходом, если не можем решить вопрос об одном баране?— распалился Сидоренко.— Пусть поругают, если плохо встретим гостей!

— Да, только так!— подтвердил Наймин.

Издавна доносился звонкий голос Нади.

Старый чабан Харченко, услышав, что приезжают артисты, залез под двухколесную арбу, груженую бочкой с водой, расстелил поношенную шинель и улегся поудобнее, прячась от палящих лучей полуденного солнца. Подпасок, юноша калмык Йисен, старательно укрывал арбу попой.

— Вы отдохните, отдохните,— почтительно говорил Йисен.

— Что это ты, парень, нынче так заботишься обо мне? — удивился Харченко.

— Вы отдохните до вечера, а вечером смените меня. Хорошо?

— Тебе только девятнадцать лет. Еще слушаешься концертов,— Харченко перевалился на другой бок, выражая нежелание продолжать разговор.

Йисен недоумевал: «Что с ним случилось? Такой уважительный человек!»

— Я сам хочу посмотреть артистов. А ты подежурь! — чабан решительно сдвинул шапку с головы на лицо, сделав вид, что он дремлет.

Йисен не отходил... Много раз он слышал о том, что артисты калмыцкого национального ансамбля увлекательно поют и танцуют, а когда заслуженная артистка Улан Лиджиева запоет старинную песню «Тегряш», то всех прошибает слеза. «Когда же мне доведется их увидеть?»— думал Йисен, выхаживая в степи овец. Артисты ему вообще-то представлялись людьми необыкновенными. Он рос и учился в одном из отдаленных краев Сибири, артистов видел только в кино. Со слов матери он знал о привольной степи в Приволжье, о степном городе Элисте, где ей до войны довелось бывать в калмыцком театре, любоваться национальной пляской и слушать родные песни. Мать жила воспоминаниями, и они увлекали Йисена, как большая красивая сказка. Бушевала ночная метель, а сказка рисовала иной край, наполненный солнцем, близкими сердцу красками и звуками. «Ты подрастешь, сынок, и все это увидишь»,— говорила мать и вытирала рукавом слезы, почему-то натившиеся по щекам...

— Завтра я целый день буду пасти за вас, а сегодня отпустите,— неотступно упрашивал пастушок Харченко. Ну, как объяснить старику, что ему нельзя пропустить такой концерт! И так давно он не видел Надю. Йисен даже не мог признаться себе, что более манило его на полевой стан: артисты или Надя...

— Я за тебя пасти овец не буду,— недовольно сказал Харченко. Чабан выбрался из-под арбы, поднялся и взял в руки гирлыгу.

Ах, этот Йисен! От его просящих глаз просто некуда деваться. Сердце у Харченко растаяло, стало жаль любимца, и чабан нарочито строго приказал:

— Беги к моей старухе и позови ее сюда.

— В момент доставлю!— воскликнул Йисен и побежал в сторону кошары.

Харченко пошел к овцам, что паслись неподалеку, за ним следовал волкодав с годовалого теленка. «Старуха съест меня живьем», — сказал Харченко волкодаву и добродушно засмеялся.

Он родился в этой степи, пас скот степных богачей вместе с детьми калмыцких бедняков и с ними делил все пастушьи невзгоды. Гражданскую войну он прошел в красном калмыцком кавалерийском полку. Он не только постиг народный характер калмыков, их привычки, повадки, но и как бы вобрал их в себя. Подобно старику калмыку, если не попьет день-другой крепкого кирпичного чая с молоком, маслом, и солью, то бывал не в духе, без причины раздражался и допекал старуху, обматывал голову мокрым полотенцем, жалуясь на головную боль.

Чаще и чаще вспоминались ему молодые годы, калмыцкие празднества и свадьбы, где он бывал желанным гостем, где с каждым говорил на его родном языке, и, вспоминая, он насвистывал мелодии протяжных степных песен, пытался представить лица друзей юности. Многие из них погибли в боях за родину или пропали без вести, многие стали такими же стариками, как он сам. «Время, время!» — вздохнул он, обозревая разбредшихся по степи овец. И, приложив к глазам руку козырьком, привычно защищал еще зоркие глаза от острых лучей солнца.

К закату солнца колхозники из полевой бригады собрались на ужин. Расселись вокруг стола, сделанного из обструганных досок, прибитых к глубоко вкопанным столбам.

Все торопливо ели горячий — только из котла — шулюн с мясом. Над столом густо клубился обжигающий вкусный пар.

Надя встревоженно поглядывала на дорогу: что-то долго не едут артисты! Может, в пути поломалась автомашина? Степные дороги — дальние, трудные...

— Раз выехали, значит, приедут, — говорил Хабур, неотрывно обглядывая баранью лодыжку. — Куда они денутся? Ты, Надя, сама не ешь и меня только всполошила...

Глядя на его невозмутимое лицо, никак нельзя было подумать, что он всполошился. Хабур все делал основательно: ужин так ужин, концерт, так концерт!

— Едут! — воскликнула Надя и захлопала в ладоши. В медленно наплывающих сумерках показались две грузовых автомашины. Издали слышалась дружная хоровая песня.

Все повскакивали со своих мест. Но, оказалось, приехали жители своего хотона. Ради торжественного случая Сидоренко предоставил им машины. Хозяйский голос председателя уже гремел на стане:

— Почему не подготовили площадку? Где Хабур?

— А где ваши артисты?— Хабур выступил вперед.— Площадка — вот она, подавай нам хоть Большой театр — места хватит!

Сидоренко нечего было и сказать.

Автомашины поставили одну против другой. Ровное поле у стана осветилось лучами фар. Стало светло. Пока парни натаскали сюда ящики из-под инструментов и стали настилать на них доски, готовя места для зрителей, с той стороны, откуда совсем и не ждали, мягко шелестя по песку, подкатил запыленный голубой автобус.

Его встретили аплодисментами. Вместе со всеми восторженно хлопал в ладоши Йисен, широко раскрытыми глазами смотрел на выходящих из автобуса артистов. «Так вот они какие! — размышлял пастушок.— Совсем простые. Есть даже не старше меня». ...После долгого пастушьего одиночества среди безмолвия степи он чувствовал необычайный душевный подъем.

Да, было во всем этом много необычного! В глубину степи, за две сотни километров, приехали люди удивительно красивой профессии — мастера народной песни, пляски.

— Если бы не огни ваших машин, мы бы еще долго плутали, — смеясь говорил высокий худощавый человек с резко зачесанными блестящими черными волосами. Он возглавлял группу артистов. Сидоренко и Наймин Бадмаев сочувственно слушали его.

Тем временем молодежь расположилась в одной стороне круга, пожилые люди — в другой.

Харченко стоял, опершись о крыло грузовика, со своей всегдашней почерневшей трубкой. У его ног лег волкодав, по собачьему веку, пожалуй, ровесник хозяина. Он положил на толстые лапы свою большую голову со свисающими до земли ушами и тут же задремал.

Йисен и Надя незаметно оказались вместе. Увидев, что Сидоренко и Наймин, устраивая других, совсем забыли о себе, они уступили им свои места.

Однако, глядя на их лица, никто бы не подумал, что они слишком тужат по этому поводу. Напротив, казалось, пастушонок и девушка были довольны тем, что вдвоем отделились от общей массы.

В круг вошли артисты в старинном калмыцком наряде, который в наши дни не часто увидишь и в музее. Они встали в два ряда. В первом ряду, положив руки на плечи друг друга, стояли девушки в голубых, зеленых и желтых шелковых бешметах. Этот ряд напоминал цветы калмыцкой степи в середине апреля, когда еще зной не выжигает растения, и они красуются, наполняя воздух

волнующими ароматами. Позади девушек стояли юноши в высоких каракулевых шапках.

Высокий человек с блестящими черными волосами звучно передал колхозникам привет, красиво раскланялся и открыл концерт.

Пели любимую калмыцкую песню «Страна Бумбы». Низкие, сильные, упругие голоса молодых мужчин, заставляющие дрожать воздух, и звонкие, переливчатые голоса девушек сливались, лились полноводной рекою звуков. Заслушалась звездная тишина вечерней степи... Песня! С древних времен калмык доверял ей свои сокровенные мечты, скорбь и страдания, надежды. И, утешая души, летела она над степью, такая же беспредельная, как степь. Когда бывала радость — песня ликовала в мелодиях степняка, когда приходило горе — песня скупой слезой катилась по обветренным смуглым щекам. Но так случалось, что калмык в своей жизни видел больше горя, нежели радости, ибо недаром говорится в старинной песне: «Есть на свете шестьдесят восемь мелодий радости и сто восемь мелодий печали»...

Торжествующая песня победителей, достигших желанной «Страны Бумбы», в этот вечер захватывала души слушателей, волнуя, заставляя ощутить свою силу и радость жизни. Бредя вслед за овцами навстречу ледящему ветру, сначала за табунами неукротенных коней в дикой песчаной пустыне, или захлестываемый волнами штормового моря — Каспия, многие века калмык мечтал о стране вечного счастья. И вот она, эта страна, вы ее строители, вы — ее сыны и дочери! — так говорилось в песне.

— Повторите, повторите! — с восторгом восклицали степняки.

Затем пели старинные и современные песни. Иисен снова подумал: «Все-таки артисты не похожи на обычных людей. — Как жаль, я совсем не умею петь». А Надя шепотом говорила ему: «Я и не знала, что у нас есть такие чудесные песни!» Хотя известная артистка Улан Лиджиева и не приехала, зато другая артистка трогательно спела старинную песню о юной Тегряш, которую насильно выдали замуж за богатого старика.

От грустных, тягучих, как летние степные дали, слов сжималось сердце. И когда артистка на высокой ноте тоскливо выкрикнула Тегряшину песенную боль: «Для чего родила ты меня, мама!» — Надя невольно всхлипнула.

— Что с тобой? — спросил Иисен.

— Сама не знаю, — улыбаясь и вытирая слезы, ответила Надя.

— Ты подумала о Тегряш... Так ведь это было давно-давно!

— Да... Но это было!

— У тебя иная судьба. Ты вольна в своем выборе.

— Услышал бы тебя наш Хабур! Он всегда против, когда девушки уходят из его бригады.

От ее слез и следа не осталось. Иссен любовался ею.

Недалеке от них стоял Харченко и, молча, не вынимая из рта трубку, пожелтевшим от табака указательным пальцем тушил в трубке огонь.

Слушая песни степного народа, старый чабан припоминал знакомых ему Тегряш, изливавших в песне свое невыносимое горе. Слов нет, красиво спела артистка, но мелодия той же песни у тех, настоящих Тегряш, была куда трогательней. Они пели не ради искусства, а в одиночестве, на родном просторе, обращаясь к глухой и безответной судьбе. И эти песни с невыразимой силой брали за душу, рвали сердце. Можно ли было их забыть! Калмыцкие песенные мотивы, подобные степным ветрам, часто возникали в памяти чабана. «Услышу ли я их еще? — не раз спрашивал он себя. — Неужто они пропадут, забудутся, а со мною исчезнут последние люди, знающие их?»

И вот сильные молодые голоса горячо отвечали ему: «Не пропадут, не забудутся!»

А песни уже сменялись пляской. Под гармонию и домбру девушки скользили плавно, подобно перистым облакам, движимым легким, ласковым ветром; юноши кружились неистово, подобно вихрю, стремглав налетевшему в тихий знойный день. И пляска калмыка, как и песня, хранит отпечаток того затерянного в истории времени, когда народ кочевников вышел из-за предгорий Алтая, долго кочевал со своими кибитками и стадами, прошел тысячи километров пути, пока достиг полноводной Волги. Сюда принес калмык свою древнюю культуру танца, в нее впиталось лучшее, что видели степняки у других народов.

— Ишкимдык! — с особенным ударением объявил черноволосый руководитель певцов и танцоров. Иссиня-черные волосы у него блестели и казались назлектризованными.

В публике произошло быстрое движение, как всегда бывает перед исполнением популярной вещи.

В круг вошел невысокий худощавый молодой калмык с продолговатым светлым лицом. На нем были черный бешмет из тонкого сукна и начищенные до блеска хромовые сапоги. Одной рукой он придерживал каракулеву шапку, другой опирался о бок; чуть наклонив торс, подобно человеку, идущему навстречу ветру, он прислушивался к скупым, все усиливающимся звукам домбры, покачивая в такт головой. Фигура его напряглась до отказа, готовая сорваться с места, весь он был в нетерпении и как бы пронизан током, но еще не наступил тот единственный момент, когда музыка

позволяла начать танец. Но вот домбра на мгновение замерла на высокой ноте, и танцор мелькнул, словно стрела, выпущенная из лука, подпрыгнул — и оказался посредине круга, и стал быстро перебирать ногами, не сходя с одной точки. Левая рука у него была согнута в локте и прижата к груди, правая резко вытянута в сторону, плечи ходили ходуном. С блестящими глазами, пружинясь, танцор то стремительно пробежал на каблуках, то плавно скользил на носках или неистово кружился. Это был танец молодости, силы, ловкости...

Зрители, затаив дыхание, неотрывно наблюдали за каждым движением танцора и лишь изредка шепотом восторгались: — О дарке, дарке! (О боже, боже!) Есть же на свете люди, которые умеют так плясать!

Йисен восхищался молча, пожимая локоть Нади и обращая ее внимание на виртуозные движения артиста. Надя и сама с упоением наблюдала пляску. Йисен увидел ее блестящие, возбужденные глаза, лицо, как бы озаренное изнутри, с грустью и завистью подумал: «Мне не сравниться с этим танцором! И Надя никогда не взглянет на меня такими глазами»...

А увлеченные зрители дружно хлопали в ладоши и, подбадривая танцора, восклицали: «Хадрис! Хадрис!»

Артист вошел в азарт, движения его стали еще стремительней. Пыль взвивалась из-под его ног, как из-под копыт коня. Освещенный желтоватыми лучами машинных фар, он был неукротим и, казалось, вот-вот оторвется от земли и улетит к звездам, таинственно мерцающим миллионами огненных глаз.

— Повторите, повторите! — кричали зрители.

— Повторите! — звонкий голос Нади сильно звучал в ушах Йисена.

— Почему не аплодируешь? Разве не понравилось? — продолжая хлопать в ладоши, спросила Надя.

— Твоего усердия хватит за двоих, — сдержанно улыбнулся Йисен.

— Погодите, погодите! — подняв руку, вдруг громко сказал Харченко и пошел в центр круга. Волкодав побежал за ним. — Прочь, — сердито замахнулся Харченко, и волкодав, ворча, поплелся назад и улегся у грузовика.

А Харченко уже стоял рядом с удивленным артистом и, оглядывая знакомые лица колхозников, настойчиво говорил:

— Послушайте, что я скажу...

Все недоуменно переглядывались.

— Наймин, что же это получается? — возмутился Сидоренно. — Хабур! Я предупредил...

— Он был совершенно трезв,— ответил, пожимая плечами, Наймин.— Совсем недавно, перед концертом, я разговаривал с ним.

Хабур не знал куда и деваться под гневным взором Сидоренко: кто мог ожидать, что старый чабан, человек уважаемый и достойный, выкинет такую штуку?! А Хабур должен отвечать!

Притихшие зрители переглядывались, предвнушая нечто веселое.

Артист хотел было незаметно уйти, но Харченко его остановил:

— Вы, пожалуйста, погодите. Я хочу задать вам один вопрос...

— Спрашивайте, спрашивайте,— вежливо ответил артист.

Харченко снова оглядел лица односельчан, встретился со взглядом Сидоренко и взглядом же ему сказал: «Чего беспокоитесь? Понапрасну себя расстраиваете».

— Понравилась вам эта пляска?— обратился к зрителям Харченко.

— Понравилась, понравилась! — дружно кричали ему.

— И мне понравилась. Но, по-моему, это не калмыцкая пляска,— Харченко прямо посмотрел в лицо танцору.— Разве это Ишкимдык?

— Танец обновлен и улучшен,— пояснил артист.

— Вот оно что! Отчего же песню о Тегряш не улучшили?

Артист не нашелся, что ответить, и Харченко глянул победоносно:

— А ну-ка сыграй!— нивнул чабан гармонисту.— Попробую я, старый глупец, сплясать...— и он в такт мелодии повел плечами.

— Харченко, что вы делаете!— не выдержав, поднялся Хабур.— Эх, весь концерт испортит...

— Я думаю, не испортит,— успокоил его Наймин.

И Сидоренко уже с любопытством поглядывал на импровизированную сцену.

А в стороне от них переживал Йисен: и чего надумал старший чабан! Как бы не осрамился...

Гармонист все более убыстрял темп.

— Не торопись... мне шестьдесят шесть лет,— тихо сказал Харченко и взмахом руки остановил его.— А ты, парень, послушай меня,— подозвал он смущенного артиста.— Я еще до революции видел, как пляшут Ишкимдык. Если бы вы видели, как красива эта пляска! Ай-яй-яй!— чабан даже зажмурил глаза и причмокнул языком.— Кому бы пришло в голову ее улучшать! А ну...— Харченко требовательным взмахом руки оживил замершего было гармониста.— Играй!

Медленно зазвучала гармонь.

Чабан будто бы повторял те же фигуры танца, что и артист, но вот он плавно повернулся, медленно и величаво вскинул руки.

— Видите?— обратился Харченко к артисту, который не сводил с него глаз.— Руки вздымаются, как крылья. Танцующий как бы говорит: «Я степной орел!» Показывает свое мужество. В девятнадцатом году...— спохватившись, чабан остановился.

— Говорите, дедушка, говорите!— стали просить его все.

— В девятнадцатом году я служил в калмыцком полку и видел, как пляшет наш командир Ока Иванович Городовиков. Его пляска открыла мне, какой он богатырский человек, герой! Пляска как песня — свой смысл имеет, свою душу, мотив. Калмыцкая пляска отличается от пляски русских или горцев. Она — от простора степей, от топота табунов, от долгой мечты о счастье... Я так понимаю, хочешь улучшить танец — улучшай, но корень его не подрезай, душу из него не вынимай... Вы, люди добрые, не сердчайте на меня, старика: говорю, что думаю...— и Харченко, растеряв свою решительность, смущенно попятился. Подойдя к своему волкодаву, он вытер рукавом пот со лба, словно после тяжелой работы, вынул трубку и задымил.

— Я же говорил, не может он испортить концерт,— удовлетворенно сказал Наймин председателю.

И Хабур довольный.

— Ну и правильно!— отозвался Сидоренко.— А как же иначе?

— Товарищ Харченко, артисты передают вам большое сердечное спасибо!— торжественно провозгласил руководитель концертной группы.

Артисты вышли на площадку и аплодировали зрителям, а зрители — артистам.

На стане бригады для гостей было приготовлено угощение, и, разумеется, — дотур из баранины.

— Надо и Харченко пригласить, — сказал Сидоренко.— Он у нас нынче тоже вроде артиста.

Но Хабур, как ни искал чабана, не нашел. Кто-то видел, что он со своим волкодавом ушел в степь.

Молодежь не расходилась: под гармонь и домбру затеяли танцы. А пожилые колхозники степенно беседовали.

— Я долго жил на Алтае, — говорил Хабур.— На счет еды и одежды там очень богато. А как появилась возможность уехать в родной край, все продал и уехал. А в чем причина? Да вот в этих песнях, танцах... в земле, где лежат кости отцов... А что касается еды и прочего на Алтае было очень богато, — в задумчивости добавил он.

— Свои пляски и песни очень милы сердцу,— сказал стоявший рядом Йисен, повторяя слова матери.

Тут подбежала Надя и увлекла Йисена за собой.

Оглянувшись, они услышали как заурчал голубой автобус, готовясь в обратный путь.

«Инхар»

В начале августа, в разгар уборки урожая, меня командировали из Элисты в степной колхоз имени XX съезда.

Автобус выходил в рейс на рассвете. Еще до восхода солнца явился я на автобусную станцию, но мне уже досталось место в заднем ряду — единственное свободное место.

Впереди меня сидела калмычка лет шестидесяти, на вид еще крепкая. Она держала на коленях удобный чемоданчик, была увлечена своими мыслями и, я заметил, про себя улыбалась. Не отрывая глаз, она глядела на мелькавшую за окном выбитую пыльную дорогу, изредка приподнималась и через головы пассажиров всматривалась в голубеющий мираж. По всему было видно, ей не терпелось доехать домой.

Едва мы миновали ветряные мельницы, что на бугре в окрестности Элисты, недоспавшие ночь пассажиры стали дремать, подскакивая на ухабах и каждый раз удивленно поглядывая вокруг: мол, что случилось? И тут же опять погружались в дремоту. Только сидящий рядом со старой калмычкой парень спал, положив руки на переднее кресло, и не просыпаясь, как бы ни подскакивал автобус.

В первом же селе, что было на нашем пути, шофер раскатисто подогнал машину к столовой и крикнул голосом армейского служаки — сержанта, весело, четко и приказывающе: «Чаевать!»

Пассажиры оживились: кто пошел в столовую, кто разворачивал свертки с приготовленной дома пищей. Только старая калмычка не тронулась с места и спросила шофера:

— Долго ли еще будем стоять?

— Двадцать минут, бабушка, — на ходу ответил шофер.

— Только выехали из дома и уже проголодались, — сказала старушка и тронула за плечо парня:

— Проснись! Солнце уже высоко поднялось, не хочешь ли пойти в столовую?

— А? Спасибо, — пробормотал парень, приподняв голову и тут же опустив ее на руки, снова захрапел.

— Этот парень наверняка всю ночь прогулял с друзьями, —

засмеялась старушка.— Или же у него болезнь, которую называют... не помню как: «инхар», что ли...

О такой странной болезни я сроду не слыхивал. Может, путает что-то бабка? Все-таки я спросил ее:

— Бабушка, что это за болезнь—«инхар»? Разве есть такая?

— Да, сынок, ты молод, а я на своем веку повидала свет, видела то, чего и не думала увидеть, и то лишь совсем недавно, в конце своей жизни услышала о проклятом «инхаре». Чего только не увидит и не услышит живой человек!— философски рассуждала она.

— Однако почему эта болезнь совсем неизвестна?— не унимаясь, допытывался я.

— А ты, сынок, откуда родом? Может, знаешь моего сына?— отсетила она вопросом.

— Назовите его, возможно и знаю. А сам я из Ики-Чоноса.

— Тогда, пожалуй, и неоткуда знать. В Элисте разве встретишь! Он в строительном тресте работает 'Мукебен Болдырев. Не слышал о нем?

Старой калмычке Элиста представлялась столь крупным городом, что где там ики-чоносовцу встретить ики-бурульца! И все-таки я встречал Мукубена Болдырева. Он был среди участников шахматного турнира. Свое имя он сам переделал на русское «Михаил», так как «Мукубен» по-калмыцки означает «Плохой парень». Когда кто-то на многолюдье нарочно звал его: «Мукубен!», то светлолицый, худощавый мужчина краснел и делал вид, что не слышит, сидел молча, не поднимая головы от шахматной доски. Еще приобрел он нелестную известность тем, что написал в газету статью о турнире и в ней упомянул о себе: «М. Болдырев чуть-чуть не выиграл (выигрывая, проиграл)»... Над ним тогда долго насмехались. Я спросил старушку:

— Ваш сын высокий, худощавый, светлолицый... играет в шахматы?

— Ах, ты, оказывается, знаешь его,— обрадовалась моя спутница.— Или ты работаешь с сыном моим?

— Нет, я агроном. Потому и еду на уборку хлебов.

— Вот не думала, что и в городе живут агрономы!— просто-душно заметила она.— Все-таки вас посылают к нам в колхоз.

«Однако у этой бабушки язычок острый»,— подумал я, впрочем более недовольный тем, что она отвлеклась от своего рассказа.

В этот момент прогудел сигнал автобуса, собирая пассажиров. Пока все рассаживались, наша беседа прервалась. И когда автобус тронулся, я вновь обратился к старушке:

— Теперь-то вы расскажите об «ихнаре»!

— Расскажите, расскажите!— энергично вмешался в разговор пожилой калмык, мой сосед. До сего момента он с интересом прислушивался.— Я сам врач, но... о такой болезни даже не имею представления.

— Услышала я, «инхаром» заболела моя сватья. Забеспокоилась, отпросилась я у председателя колхоза и поехала в Элисту. Мукубен у меня единственный сын. Старший на войне погиб. Мукубену продолжать свой род... И такое горе в семье! К тому же, по слухам, и болезнь какая-то чудная. Говорят: «Пока весть долетит издалека, к ней многое приплетается», потому я решила все сама разузнать. Правду говоря, я не шибко тревожилась о своей сватье, есть на то причина. А боялась другого: если она больна, то, может, и ее дочь, моя невестка, тоже больна? И какъв тогда будет мой внук? Как раздумалась, места себе не находила. Потому и поехала доподлинно все узнать и решить: то или другое. Семья без детей подобна дереву, гниющему с корня... О дярке, дярке!¹ — тут автобус рывком подскочил и пока не выровнял свой бег, старушка в задумчивости примолкла.

Судя по ее словам, была она женщина властная, все вожжи в доме держала в своих руках крепко. Когда она сказала: «Узнать и решить: то или другое»,— слушающие ее переглянулись: одни с укоризной, а иные восхищенно.

— Бабушка, кажется вы руководите жизнью своего сына и невестки?— насмешливо спросил парень; тряская дорога отогнала от него сон.— Может, вы по старым обычаям и сына сами женили?

— Старый обычай?— встрепенулась она и глянула сердито.— А что ты знаешь о старых обычаях? Видел их?

— Когда бы я видел. Мне двадцать лет. Однако правда не такая вещь, что надо видеть и в руках держать. Книги читал, от людей слышал...

— А я те старые обычаи не по книгам и не с чужих слов испытывала! «Уши врут, глаза правду говорят»... Вот этими руками,— она протянула к нему иссохшие, натруженные руки,— держала, вот этими глазами видела, с грудью своей боролась,² а прочь прогнала! Еще до революции было это: праздновали «Геген»³ и я пошла в большой хурул⁴ села Абганеры. Там женщины очередью стояли, чтобы коснуться губами руки русской нойон-

¹ О боже мой!

² Калмыцкое народное выражение, равнозначное: «Со своими мыслями боролась».

³ Буддийский религиозный праздник.

⁴ Буддийский храм.

ши, жены Гахаева. И я коснулась, благословилась... Старушка брезгливо вытерла губы, будто на них сохранялся след руки нойонши.

— Маныч! Голубой Маныч! — прервала ее удивленно-восхищенным голосом круглолицая, смуглая, подстриженная под мальчишку, девушка-калмычка, приподнимаясь и подаваясь корпусом вперед.

Автобус с остановленным мотором катился под горку, как бы сдерживая свой бег перед широким деревянным мостом на земляной насыпи. Хотя день был безветренный, голубоватые воды Маныча бились о берег. Птицы, похожие на морских чаек, острые и белогрудые, кричали вдалеке, шаловливо и, чуть касаясь воды, взмывали над рекой.

Люди молчали, пока степная река осталась позади. Молодые пассажиры, как та круглолицая девушка, безмолвно восхищались приманчивым полноводьем, столь редким в сухой степи. А на лицах пожилых были написаны думы о своем, что связано с Манычем — некогда пересыхающей, исчезающей водной жилкой, заросшей камышом, ныне же — сильной рекой, принявшей в себя воды далекой Кубани. И, хотя взоры пассажиров были устремлены вдаль, они обращались не в глубину дороги, а в глубину минувшего времени.

— Ну, бабушка, продолжайте ваш рассказ, — почтительно обратился я к спутнице. — Дорога далека...

Сидящие вокруг — парень с насмешливыми глазами, степенный и тяжеловесный врач да девушка с мальчишеской прической поддерживали меня:

— Говорите, бабушка, говорите!

— Так вот, услышав, что сватья заболела, я выехала в Элисту, — заговорила старушка, довольная общим вниманием. — Ты-то, наверное, не знаешь мою сватью, — кивнула она в мою сторону, — а вы, может быть, и слышаны, — эти слова была сказаны врачу. — В молодости, по слухам, многим калмыкам, что учились в Астрахани, голову кружила: такая красивая была, говорят. Потому, может, и знаете ее, — снова она повернулась к врачу с насмешливой улыбкой. — Ведь до войны калмыки обычно получали образование в Астрахани.

— Красота человека, а особенно красота женская, взор ласкает и сердце радует. Только вот хозяйину своему красота вред приносит. Красивая женщина еще в юном возрасте знает, что всем нра-

¹ Нойонша — княгиня. Гахаев — известный до революции калмыцкий князь.

вится. И думает: я, мол, одна такая на свете, и весь мир создан, чтобы мне служить. Вот так думать в наше время, когда каждый человек хорош мнением общества, разве правильно? К примеру скажу: если какой-либо колхозник возомнит, что он лучше всех в колхозе, да и колхоз должен все делать ради него,— кому это будет полезно?.. Даже и вообразить нельзя! Конечно, не все красоты схожи, но среди них попадаются, кто умом не силен. Разве только прямой тонкий нос, черные глаза с поволокой, кудрявые елосы с колечками выведут человека далеко? Вы все скажете: нет. Не хочу грешить на свою сватью: умом она не слаба. Но вот своим «я» — она вся полна. Ей уже сорок восемь лет. У нее сын и дочь. У сына ребенок. Однако, она живет не у сына, а при дочери находится. Какая калмычка не желает нянчиться с первенцом-внуком? А она стыдится, когда внук называет ее «бабушкой», ругает его, велит себя «мамой» звать. Да куда она подевала человеческий стыд!

Я семь дней у сына прожила. Нагляделась на свою сватью! Пока готовят завтрак, она нежится в постели. Потом накидывает на плечи пестрый шелковый халат и, как утка к озеру, важно подходит, переваливаясь, к большому зеркалу. Целый час таращит на себя глаза и, когда дочь позовет: «Мама, идите кушать», она, будто делая одолжение, садится на стул, слегка хлебнет чаю и говорит: «Сильно крепкий, вреден моему сердцу» и отталкивает чашку. Жареную картошку берет на кончик вилки осторожно, понюхает и скажет: «Подгорела»...

Помните, я упомянула о нойонше Гахаевой? У нее повадки были такие же, как у моей сватьи. Как сейчас вижу ту нойоншу. Был жаркий летний день, люди, приехав издалека на праздник, толпились, чтобы хоть одним глазом увидеть знатную нойоншу — белую кость. А она сидела в богато украшенном кресле, с обеих сторон двое мужчин обмахивали ее веерами и держали над нею зонты. Мы же, темные люди, за счастье считали коснуться губами ее руки. Тьфу! — отплюнулась старушка. — Как вспомню, даже сейчас стыдно: неужто мы были такими глупыми, темными?! Ты вот с насмешкой сказал: «Старые обычаи», — она глазами, словно шилом, проколола парня, сидящего рядом. — Да, сынок, в то старое время калмычка не имела права называть имен родственников мужа. Но случилось и посмешнее: когда надо было снять крышку с котла, где варилась самогонка, и поблизости не оказывалось никого из мужского пола, то крышку снимали рукавом мужской рубашки, пропитанной запахом мужчины... То время никогда не вернется. Но вот беда: от того времени остаточки-то остались... Опять скажу о своей сватье. Позавтракает, прополочет рот, чашку-ложку

за собой не уберет, и—ну разгуливать по соседям! Со мной и побеседовать толком не хотела: смотрела свысока. Меня считает «темной колхозницей».

А сын мой поднимался на рассвете: и воду носил, и печь топил,— мало ли домашних дел,— а потом жену будил...

Смотрела-смотрела я, не выдержала. Говорю ей:

— А, сватья! Хочу вас спросить...

— Зовут меня Дулмой Бадмаевой,— побагровела она.

— Сын мой вашу дочь держит, потому вы, по-нашему, мне сватьей доводитесь. Да дело ваше,— будьте Дулмой Бадмаевой. Только вот есть у меня к вам один вопрос: может вы из породы «белой кости?» — с подковыркой спрашиваю ее.

Она чуть языка не лишилась. А потом стала выкрикивать:

— Я с двадцать шестого года в комсомоле была! Камзолы сжигала, в культштурме участвовала! Сама ликвидировала корни этих белокостных!

А я ей в ответ:

— Верю, верю! Значит, вы ликвидировали белокостных, чтобы самой их место занять?

— Что-о? Что-о? Ты... Вы... Забыли поговорку: «Если в дом заползет змея, то и хозяина выгоняет». Вы приехали к нам в гости? Так не очень на меня нападайте!

Тут и у меня терпения не стало:

— Кто я здесь — гостья или хозяйка — пусть люди скажут! Другая на твоём месте за счастье считала, что в рот ей попадает все даровое, с чужого стола. И лучше бы ты помолчала.

У нее даже пена изо рта пошла. Ахнула, сползла со стула и плюхнулась на пол, да осторожно, чтобы не ушибиться. Невестка моя в плачь ударилась, а сын мой побледнел и никак не мог поспасть в рукав пиджана. А я преспокойно взяла ведро с холодной водой и предупреждаю: «Поднимайтесь-ка, а то освежу!»

Тут сватья приоткрыла один глаз, потом второй, и с видом человека, который приходит в сознание, простонала: «Что случилось? Что со мной?» Хитрая притворщица! Невестка и сын мой легонько подняли ее и положили на кровать. А она слабым голосом просит: «Балерьяна, балерьяна!» Это такое лекарство, его коты любят.

Наутро я послала сына за билетом на машину, а сама подошла к сватье: «Ну, как здоровье?» Она, будто черта завидела, замахала руками и еле-еле молвит: «Прочь идите, прочь идите!» Я за словом в карман не лезу: «Прочь ли идти, ближе ли подойти — это я без тебя знаю. В этой комнате ты да я, третьего нет. Так что притворяться нечего — я тебя насвездь вижу. От того,

что только ты не считаешь меня за человека, я хуже не стану. За работу меня страна ценит. Хотелось мне пожить у сына еще денёка два-три, да некогда: не страдаю от безделья, подобно вам. Меня в колхозе ждёт работа. Иначе бы я научила вас, как полагается в наше время жить». — Повернулась и ушла.

— Теперь-то вы, наверное, поняли, почему я не очень жалею сватью, — сказала старушка и засмеялась.

— Ну, а ваша невестка... Понравилась вам? — спросила внимательно слушающая смуглая девушка.

Изучающе взглянув на нее, старушка проговорила:

— Ты думаешь, она похожа на мать? Невесткой я не обижена. Была бы ты такая, свекровь была бы довольна. Да и откуда ей приучаться к барству! Жила среди хороших людей, характер ее лепила наша жизнь. Сына моего любит, меня уважает... Только вот эта сватья!.. — и старушка с недовольством повернулась в сторону Элисты.

— Значит, вы живете совсем одиноко? — поинтересовался пожилой врач.

— Старший сын, погибший на войне, оставил двух ребят. Старшая невестка моя из-за них замуж не вышла. Ну, как я могла бросить своих внучат! Живу с ними. Колхоз нам новый дом построил. Зарботки мои приличные, да и старшая невестка счетоводом служит. Не только у себя в колхозе, а по всей Калмыцкой республике я не из последних доярок. Почетный орден дали в награду.

Старая калмычка помолчала, лицо ее было задумчиво.

— Люди радуются: строят коммунизм. А среди нас есть еще похожие на мою сватью. И у нее слово «коммунизм» всегда на кончике языка... Вот и рассудите сами...

Сначала пассажиры автобуса слушали ее немножко свысока, снисходительно улыбаясь ее простонародной речи. Но когда она закончила свой рассказ, все поглядывали на нее уважительно.

Приближалось большое село — цель нашего пути. По сторонам дороги виднелись скирды соломы. Лучи палящего солнца пронизывали окна автобуса. Жестяная крыша машины нагрелась, и стало душно. Те, кто сидел вдали от нас, изнывали от утомительной дороги. Но люди, слушавшие рассказ старушки, невольно задумывались. А мне эта простая, любящая свой труд, калмычка пришлась по нраву. Хотя иногда и огрубленно звучала ее речь, но сама она светилась добротой и чувствовалось — всей натурой привержена к справедливости. Такой человек не пройдет мимо зла и неправды с видом невидящего, постороннего.

Присматриваясь к дороге, я вдруг вспомнил, что старушка все

же не сказала о загадочном недуге «инхаре». Я поспешил напомнить ей.

— Не стоит и говорить,— нехотя проговорила доселе разговорчивая спутница.— Оказывается, сватья заставила моего сына купить ей путевку в санаторий и, чтобы придать больше веса своему желанию, раза два плюхнулась на пол, как она умеет делать. Пошли к врачам. Те послушали ее, насквозь просмотрели и объявили, что болезни нет никакой. Вот тогда, слышно, Дулма Бадмаевна устроила им такой концерт, что они дали бы любую путевку, да слово то было сказано: «Здорова». А она во весь голос свое твердила: «У меня инхар»... По-моему, эту болезнь легко угадать: она у того бывает, кто днем и ночью спит, бездельно живет и не прочь еще на курорте побывать. Болезнь дармоедов.

Пожилой врач, слушая старушку, тихо проговорил: «Инхар... инхар...» И вдруг громко расхохотался:

— Может, инфаркт?

— Да, да, наверно так она и придумала. А лекарство от ее болезни — работа. И доктора — мы, все люди,— старушка поглядела на хохочущего врача, на улыбающихся соседей и тоже повеселела.

Сказка

Огромный шар—солнце—быстро скатывался к горизонту, предвещая скорый вечер. Косые лучи, скользя по травам, позолотили худощавое лицо Пюрве Шовгорова, задержались на тонкой светловолосой девушке — она сидела в кузове грузовика рядом с инструктором обкома Пюрве, ехавшим в совхоз «Победа Октября», где прошло его детство. В свои сорок лет он выглядел молодым, ловким.

Лето — самая горячая пора для обкомовцев. Вчера только Пюрве вернулся из командировки, а сегодня утром секретарь обкома, как бы извиняясь, предложил ему:

— На три дня нужно съездить в «Победу Октября»...

Когда Пюрве, радостно улыбаясь, заявил: «Сегодня же выеду», — явно удивленный секретарь пристально всмотрелся в него.

— Я много раз хотел попросить вас послать меня в этот совхоз. В нем я жил до четырнадцати лет.

Русская девушка окончила в этом году зоотехнический институт и направлялась в совхоз на работу. Она была молчалива, нехотя буркнула раза два: «да», «нет», и попытка Пюрве затеять

разговор кончилась ничем. Он умолк, отдавшись своим размышлениям, и тихо напевал под нос какую-то давнишнюю песенку, соображая: «Интересно, встречу ли кого-нибудь из друзей детства?»

Машина проскочила мост через Маныч, подпрыгивая на выбоинах и кочках. Эта река всегда остается родной для калмыка. Сколько бы раз он ни проезжал мимо, душа его радуется. Пюрве казалось, что воды Маныча стали больше, шире. Они шумели, как волжские волны, ударяя в устои моста.

Машина, оставляя за собой желтые тучи мелкой пыли, поднимающейся до неба, гудя, неслась к совхозу. Все ближе цель, ближе родные места!

Пюрве все удивляло, все трогало. Желто-пестрые орлы сидели по обочинам дороги. Они совсем перестали пугаться машин и спокойно, не поднимаясь с места, чистили перья крепкими крючковатыми клювами. А вон, положив гирлыги на плечи, высвистывают длинные, тягучие песни чабаны, важно шагая за овцами рядом с огромными волкодавами, своими верными друзьями. Вот большая пестрая корова подошла к дороге и остановилась на самой ее середине. Она всматривается в машину, будто ищет знакомых, а шофер разъяренно сигналил, пытаясь напугать ее. Но корова, будто нарочно, медленно отходит в сторону.

«Хотя корова и упрямая скотина, но молоком возмещает свой порок», — с улыбкой вспомнил Пюрве старинную пословицу.

Прибыли в Дивное, где находилась база совхоза. Пюрве взял чемодан спутницы. Навстречу шел «ЗИЛ». Девушка подняла руку. Шофер затормозил:

— Куда вам?

— В «Победу Октября».

— Ну ладно. Подвезу.

Девушка отняла у Пюрве чемодан, забралась в кузов. За ней поднялся Пюрве.

— Человеку в наших степях лучше ехать в открытой машине. Просторнее. Легче дышать.

— Не знаю! — недружелюбно ответила девушка.

Снова в путь.

Заходящее солнце походило на медный казан над раскаленным треножником. На фоне заката темным силуэтом вырисовывался верблюд. Солнце, быстро опускаясь, застряло ненадолго между его горбами, не удержалось, скользнуло вниз и провалилось между задними и передними ногами верблюда. Минуту верблюд как бы висел в воздухе над расплавленным кругом, и, хотя он стоял почти за километр от машины, казалось, шерсть на его животе загорев-

лась и распушилась огненным веером. А солнце проваливалось все ниже, вот осталась подрезанная, совсем ровная, опрокинутая чаша, и наконец исчезло за краем степи. Верблюд стоял как изваяние: происходящее не касалось его...

Пюрве восхитила эта редкая картина. Можно прожить сто лет и никогда не увидеть такой.

Сразу наступили сумерки, а до совхоза еще далеко.

Внезапно одна за другой во многих местах словно бы вспыхнули лампочки — это над головами путников зажглись звезды. Посветлело. Стало прохладно. Девушка накинула плащ. Надел пиджак и Пюрве.

Странное явление. С разных мест Пюрве видел это же небо, эти же звезды... Видел с берегов порожистого Днепра во время войны; видел над снегами Заполярья и совсем недавно — с высоты тридцатизэтажного дома в Москве. И всегда оно казалось новым. А сегодня небо переливалось, как в далеком детстве. Оно словно вбирало красоту земли, над которой раскинулось. И Пюрве замечтался. Вот оно, его детское небо, его звезды. Их и время не тронуло. Они такие же над любимой степью, над родной землей.

И, наконец, опять луна. Откуда она взялась? Ведь только что ее не было!

Пюрве оглянулся на девушку. Та печально опустила голову и не смотрела на небо. На густых темных ресницах дрожали слезинки. Спутница смахнула их маленьким платочком с узорами на уголках.

— Смотрю я на вас и думаю. Вы чем-то похожи на луну! — рассмеялся Пюрве, желая развеселить соседку.

— Поэты всех народов настолько давно и часто это повторяют, что сравнение стало пошлостью, — раздраженно заметила девушка.

— А ведь вы говорите правду! Не только древние — мои знакомые калмыцкие поэты и сейчас не могут расстаться с небесной иллюминацией. Но я знаю старую хорошую сказку о луне и солнце. Хотите, расскажу? — Пюрве так хотелось рассеять ее печаль. Он понимал грусть девушки, впервые едущей на работу в чужие для нее места.

— Говорите. — Голос девушки прозвучал равнодушно.

«Она едет в далекие незнакомые края из шумного, большого города. Впервые рассталась с друзьями, с матерью, отцом. Она, вероятно, думает с испугом: «Как же я буду жить в маленьком совхозе, затерявшемся в просторах Калмыкии? Зачем я жертвую своими лучшими годами? Здесь так одиноко, тоскливо».

Пюрве понимал грусть девушки, жалел ее.

«Милая, милая! Ты не знаешь, что ждет тебя здесь! Недаром калмыки говорят: «Что неисполнимо даже в мыслях у богатого, может оказаться в котомке бедняка». И он повторил эту калмыцкую поговорку вслух.

Девушка невесело улыбнулась:

— Котомкой бедняка, наверное, будет совхоз «Победа Октября»?

— Да. А незадачливым богатым станет большой город.

— Пословица мне нравится.

— А не странно ли? Едем вместе почти целый день и даже не знаем имени друг друга?— усмехнулся Пюрве.

— Зоя Иваненко.— Девушка протянула руку.

Пюрве весело рассмеялся и добавил:

— Не к лицу мне занимать вас сказками, но ваше печальное лицо, луна в небе — все это мне напомнило народную сказку. Я слышал ее от бабушки. Правда, это только сказка, но в ней поэзия народа,— мудрость самой жизни.

— Вы здесь родились?

— Нет, я родился в Ульдучинах, но рос в совхозе.

— Я не похожа на луну и далеко от нее, но сказку слушаю,— повеселев, сказала Зоя, и Пюрве понял, что ее грустное настроение рассеивается.

На мгновение перед его глазами замаячили крутящееся веретено и быстрые ловкие пальцы бабушки, растягивающие нити руна. А около бабушки — черноволосый малыш. Он дергает платье бабушки и клянчит: «Бабушка! Расскажи сказку...»

«Сколько же мне было? Пожалуй, двенадцать! Мы тогда посадили лозинки. Каковы-то они сейчас? Может быть, уже стали деревьями?»— пронесли мысли.

— Попробую с жизнью Калмыкии знакомиться по сказкам,— мягко улыбнулась Зоя. Ей нравился быстрый говорок соседа.

«Сколько русских девушек приезжали к нам с печальными мыслями, а потом не только душой, но и кровью, детьми своими роднились со степью, сживались с ней»,— думал он, глядя на Зою.

— А вы знаете, что академик Владимирцов назвал Калмыкию второй родиной сказок после Индии? Нет? Ну, слушайте...

Много тысяч лет прошло с тех пор, как это случилось. В степи жила девушка. Она была на удивление красива. Стройная, гибкая, как лоза, с большими глазами, сияющими из-под пушистых ресниц, как звезды, с алым маленьким ртом и волной густых кос, спускающихся до земли; она ходила по траве, едва касаясь ее. Легкая, всегда веселая, Кермен, конечно, была самой красивой, самой луч-

шей из всех. Так говорится в сказке. И жил юноша Цевек. Он тоже был необычайно хорош. Сильный, умный... Девушка и юноша, конечно, встретились. Познакомились. С каждым днем они больше понимали друг друга и полюбили сильнее, чем Ромео и Джульетта, чем Аксинья и Григорий.

Однажды Солнце, обозревая Вселенную, бросило взгляд на нашу степь. И Солнце увидело девушку. Пораженное красотой Кермен, оно спустилось с неба и встало перед нею.

Долго вглядывалось Солнце в лицо девушки и все больше поражалось ее красотой. Наконец оно сказала:

«Полюбило я тебя, как только увидело. Будь моей женой».

«Солнце! — ответила девушка. — Вы очень хорошее, но я земная и люблю земного юношу Цевека. Кроме него, ни за кого не пойду замуж».

Солнце заплакало золотистыми слезами, прожигаящими землю, и просило Кермен подумать.

Но девушка очень любила своего Цевека и не хотела слышать о другом муже.

«Тогда я угасну!» — крикнуло Солнце, быстро поднялось на небо, понатилось на запад и скрылось за горизонтом.

Не взошло Солнце на следующий день. Прошло еще два дня. Солнце не показывалось. Наступила на земле тьма, хоть глаза выколи. Похолодало. Покрылось снегом, а потом и льдом все пространство, где жили люди. Наступила гололедица. Начал гибнуть скот. Всему живому угрожала близкая смерть. Стало людям страшно. Собрались тогда все люди земли, пришли к девушке:

«Кермен, мы погибнем все без Солнца! Только ты можешь спасти жизнь на земле. Дай согласие Солнцу, иначе оно совсем угаснет от тоски. И погибнет все живое...»

Запечалились юноша и девушка. Что делать? Ведь их любовь так сильна! Долго они, уйдя от людей, говорили друг с другом. И сказал Цевек:

«Как я тебя люблю, милая! Мне без тебя жизнь не нужна. Но мы должны спасти всех. Счастье всех — сильнее нашей любви. Как мы можем быть счастливы, если все погибнут?»

Заплакала девушка. Превратилась она в серебряную Луну, поднялась высоко в небо. Она плакала, вспоминая свою земную любовь, и слезы ее, скатываясь со щек, превращались в звезды.

Солнце увидело ее в небе, обрадовалось, бросилось к девушке. Но не могла Кермен, любящая Цевека, стать женой Солнца. Она побежала от Солнца.

Так и пошло в мире. Когда появляется солнце, скрывается луна, а солнце все время пытается догнать луну и не может. Они

иногда видят друга друга близко, но луна убегает, бледнеет, и солнце не может догнать ее. Вот и вся сказка...

— Если судить по вашей сказке, академик Владимирцов прав. Очень хорошая сказка, красивая!— сказала Зоя.

Помолчав минуту, она прошептала:

— За счастье всех! Как хорошо! Так и надо жить!

Машина поднималась на пригорок. Казалось, она устала, как живое существо, и торопится к дому из последних сил. Под горой в свете луны виднелись аккуратные маленькие домики, сияли огоньки в их окнах. Вдоль улиц совхоза темнели огромные деревья, кроны которых нависали над крышами домов. Сверкнуло серебром озеро. Из камышей его еще мальчишкой Пюрве таскал гусиные яйца.

— Видите эти деревья?— спросил он.— Мы их сажали детьми, чтобы вы могли сидеть в их тени и радоваться!

— За счастье всех!— еще раз задумчиво повторила девушка.

На спуске шофер выключил мотор, и слова ее были ясно слышны. Если бы кто-нибудь посмотрел со стороны, он решил бы, что инструктор обкома вводит молодого зоотехника Зою в многошумную жизнь, со всеми ее заботами и радостями.

Утоление жажды

Дружба—высшая степень проявления общности интересов людей, что делает ее бескорыстной и потому — прекрасной. О дружбе создано тысячи легенд, философских трактатов, вдохновенных поэм, романов и повестей, гениями всех времен. Это она делает людей сильными, мудрыми, красивыми. Но сила, проявленная в насилии, по отношению к слабому, теряет свое благородство; мудрость, направленная на обман созревающего ума, теряет свою добродетель; красота — мертва, если она не радует людей. Дружба оберегает эти лучшие качества, которые делают человека венцом природы. Гении потому и были гениями, что желали людям добра, а высшим пожеланием добра, во все века и у всех народов, было пожелание дружбы.

Единство множества — необоримая сила, но без дружбы нет единства — это аксиома. Призыв к единству, во имя общих целей, быть может, составляет суть всех гуманистических учений великих мыслителей человечества. Маркс создал учение о диктатуре пролетариата, ведущей к уничтожению всех классов и к обществу без классов, т. е. к всеобщему содружеству людей на земле. Ленин создал Коммунистическую партию и практически осуществил тео-

рию Маркса на одной шестой части планеты. Советская власть декретом провозгласила и закрепила равноправие народов.

Дружба народов так же, как и дружба отдельных людей между собой, предполагает равноправие и необходимость друг другу сторон, взаимное уважение и любовь. Друзья делятся меж собой всем, что у них есть. Так же поступают и народы. Великий и великодушный русский народ показал себя бескорыстным, чистым и честнейшим рыцарем Дружбы по отношению ко всем братским народам, входящим в состав России. До революции нужно дорасти. Русский народ, исторически созрев для свершения социалистической революции, объединил вокруг себя все народы России, свергнул царизм и отстоял завоевания Октября.

Русский народ щедр в своих дарах.

Самое величественное, что возвышает любой народ,—достижения его мысли, его познания. Энергия мысли двигает мир. Грандиозные успехи науки и техники — плоды мыслей, направленных на улучшение жизни человека. Всякое новое явление, новое открытие в любой области знаний становится достоянием людей после того, как оно названо словом. Дары русского народа своим братьям — другим народам России, проявляются во всех сферах жизни и, прежде всего, в языке этих народов.

Как-то, перечитывая «Русско-калмыцкий словарь», составленный известным писателем и лексикографом Баатром Басанговым, я обратил внимание на огромный поток новых слов, хлынувший весенним паводком в наш древний калмыцкий язык за последние полвека. И каждое слово этого потока имело такое предметно-вещественное наполнение, что, попробуй, изыми одно из них и рухнет жизнь, лишенная языка, неспособная высказать главное, как здание, из-под которого вытащили основание.

Возьмем первое слово, вошедшее в наш язык, которое, будто могучая стихия, ворвавшись в жизнь темного калмыка, перевернуло вековые устои небольшого кочевого народа, обреченного на вымирание, озарило минувшее и грядущее ясным, неистребимым светом правды — это слово «революция». Оно навеки вошло из русского языка в калмыцкий, ибо другого слова, равнозначного ему, несущего в самих звуках рокот очистительного грома и волны воли, низвержение и строительство,—у нас не было и нет. Есть слова «бунт», «восстание», но они не несут качественного наполнения понятия «революция» и конкретно — «Октябрьская революция».

А далее следуют такие активные в нашей жизни слова, как «совет», «коммунист», «колхоз», «промышленность», «электричество», «спутник», «коммунизм».

В своих знаменитых «Философских тетрадах» В. И. Ленин говорил, что «всякое слово (речь) уже обобщает». В словарный фонд калмыцкого языка вошли тысячи слов, обобщающих факты и явления действительности последней половины нашего столетия и, если, через много лет, будущий историк-лингвист, с помощью словарного фонда языка попытается разглядеть жизнь калмыков наших дней — он получит убедительное доказательство того, что этот народ стоял на уровне современной цивилизации, за короткий срок сделав стремительный рывок в своем историческом развитии. Он увидит, какие блага принесла всем народам, входящим в состав России, великая дружба народов, рожденная Октябрьской социалистической революцией.

Но тому, что увидит дальний историк через призму научных поисков, свидетелями являемся мы, кто живет сегодня, кто пользуется этими благами. Факты и явления действительности, которые выражают тысячи слов, вошедших в наш язык, поистине удивительны и прекрасны!

Что же стоит за этими словами — плодами невиданной в истории благодатной дружбы народов нашей страны?

Я приведу лишь один пример из множества фактов, чтобы показать, что стоит за этими словами.

Тот, кто бросит взгляд на карту нашей Родины, увидит территорию Калмыцкой АССР, простирающуюся между устьем Волги и Дона. Он увидит обширные равнинные степи, где солнце палит нещадно и всегда нехватало воды.

Воды! Воды! Где ты, вода живая?!
Глотая соль и пыльный суховея,
Из века в век от жажды изнывая,
Стонала степь Калмыкии моей.
Она металась, как больной в горячке,
От зноя, от давящей духоты,
И умоляла небо о подачке,
И разевала трещины, как рты.

И та живая вода, о которой веками мечтал калмыцкий народ, как о невероятном чуде, сегодня со всех сторон приходит в наши степи, и не как чудо, а как торжествующая явь, сотворенная руками советских людей.

Первая очередь оросительной системы Сарпинской низменности, которая простирается почти на миллион гектаров на северо-востоке республики, уже закончена. Это огромная равнина, как бы самой природой заготовленная для орошения, требующая лишь небольших планировочных работ. Воды благословенной Волги потекли сюда, утоляя вековую жажду степи. И здесь, в краю издревле из-

вестном жгучими суховеями, в колхозах «Гигант», «Путь к коммунизму», в совхозе «Красновельский», за последние годы снимают устойчивый урожай риса в 45—50 центнеров с гектара! Не какой-нибудь культуры, а влаголюбивого риса! Таким образом, когда будет завершена вторая очередь строительства оросительной системы — Калмыцкая республика может стать одним из основных районов рисосеяния страны. Солнца у нас хватает и земли богаты, дайте только воды!

С юга Калмыкии идет вода могучего Терека к Чограйскому водохранилищу. Пройдет год-два и, примерно в ста километрах от нашей столицы Элисты, как в сказке, среди ровной, гладкой степи появится море, вмещающее 800 миллионов кубометров воды. Отсюда голубая лента живительной влаги потечет к знаменитым Черным землям, обводняя и орошая 2 млн. гектаров пастбищ, что позволит увеличить, как подсчитали наши ученые, поголовье животных в три-четыре раза. И тогда Калмыкия обгонит такие страны интенсивного тонкорунного овцеводства, как Австралия и Новая Зеландия, которые сейчас обеспечивают потребности в шерсти развитой промышленности Англии. Река Маныч станет судоходной и поплывут по ней, словно лебеди, белые пароходы! Кажется, что все это мечта, но уже во всю развернулись работы по строительству плотины, тракторы и бульдозеры готовят ложе будущего моря, идут работы по бетонированию! У берегов будущего моря раскинутся совхозы, выращивающие янтарный виноград. Одному из будущих совхозов уже найдено ласковое поэтическое название «Тюльпан».

И на запад республики, в мой родной Городовиковский район, пришла вода из Кубани и преобразила жизнь моих односельчан. Ах, побывайте в колхозе «Пролетарская победа», где председателем мой друг, Герой Социалистического Труда Федор Иванович Дедов, отдайте пышный каравай, пригубьте изумительное колхозное вино, пожалуйста во Дворец культуры, послушайте самодеятельность, попляшите и вы узнаете, что такое... вода! Фруктовые сады и виноградники, обильные урожаи золотой пшеницы — вот что значит здесь вода! Журчащая мелодия арыков стала лучшей музыкой для слуха калмыка.

Вода бежит, звеня неудержимо,
Вода поет, в грядущее стремясь,
О том, что навсегда нерасторжима,
Ненарушима дружбы нашей связь...

Дружбы нашей связь! Грандиозная работа по утолению жажды степей была не под силу малочисленному калмыцкому народу, но великая братская помощь русского и других народов нашей держа-

вы дала нам возможность взяться за преобразование самой природы!

Вот что означает дружбы нашей связь!

Есть у калмыков пословица: «Когда не дружны двадцать человек — крепость из глины. Когда дружны два человека — крепость из стали». Какова же должна быть крепость, составленная из дружбы миллионов советских людей?!

Месяц тому назад, на празднование столетия столицы нашей республики, прибыли гости из многих городов, областей, республик. Делегацию колыбели Октября — Ленинграда, составляли представители славного своими революционными традициями героического Кировского, бывшего Путиловского, завода, Герой Социалистического Труда, слесарь Константин Васильевич Говорушин, рабочий Валерий Александрович Барсуков, секретарь парткома Сергей Николаевич Андриенко. Кировский завод крепко связан с Калмыкией деловыми и дружескими узами, имеет свою опорную базу в нашем Приютненском районе. Могучие тракторы «К-700» уже бороздят наши поля.

Делегация Ленинграда привезла в подарок республике символ вечной дружбы — связанный из прута нержавеющей стали — стальной узел.

Стальные узы дружбы народов нашей страны — несокрушимы!

Рядовой ленинской гвардии

Нсполнилось 60 лет со дня рождения Коммунистической партии Советского Союза, у колыбели которой стоял великий Ленин.

60 лет партии, которая изменила облик мира, стала надеждой всего прогрессивного человечества.

60 лет партии, которая вывела когда-то отсталую Русь, со всеми ее народами, в авангард цивилизации, сделала ее родиной первых людей, вырвавшихся на просторы Вселенной. И с высоты этой даты мы сегодня горделиво озираем путь, пройденный нашей партией, восхищаемся теми героями, прославленными или безымянными, чьи подвиги сделали возможным наш сегодняшний день, озаренный отсветами близкого коммунизма.

Ленин и его соратники, и тысячи рядовых членов партии вступили, как древние богатыри, в неравную битву с многовековым царизмом, вооруженным до зубов всеми средствами насилия. И они, большевики, победили. Победили потому, что были вооружены самым могучим оружием, имя которому — марксизм-ленинизм. Каждый отдельный воин этой гвардии коммунистов мог побеждать полки, дивизии, армии, брать города и провинции, ибо народ шел за светлой

правдой марксистско-ленинского учения. Он знал, кто хочет ему добра.

В числе тех, кто первыми штурмовали еще крепкие устои царизма, кто подкладывал под фундамент капитализма взрывчатку великих идей, был один из славных сынов калмыцкого народа Николай Акимович Хасаков.

...В Полтавском районе Челябинской области есть станица Варшавская. Она расположена в тридцати с лишним километрах от станции Карнесталы, Южно-Уральской железной дороги. В этой станице вместе с русскими испокон веков жили калмыки. То ли это были потомки семей, осевших при продвижении калмыков к Волге в начале 17 вена, то ли потомки тех, кого обрел на невыносимые страдания хан Убуши, удививший калмыков обратно в 18 вене. Русские не обижали их, жили дружно. Многие стали перенимать русские обычаи, приняли православную веру. Здесь в семье крещеного калмыка Буркина Коли и калмычки Татьяны Никитичны, родился сын, ставший впоследствии знаменитым революционером-подпольщиком, посвятившим всю свою жизнь делу рабочего класса, делу угнетенного народа. О жизни этого замечательного человека, рядового ленинской гвардии, мы решили рассказать сегодня суровым языком документов, подписанных жандармскими ротмистрами, полковниками, губернаторами, прокурорами и другими столпами «его императорского величества».

Николай Акимович Хасаков вступил на путь революционной борьбы с царизмом в начале нынешнего века, когда интенсивное развитие капитализма в России родило могильщика капитализма — рабочий класс. Назревала первая буржуазно-демократическая революция, гегемоном которой был пролетариат. Николай Акимович принимает самое активное участие в первой битве русского рабочего класса, пошатнувшей многовековые устои царизма. Затем, после поражения революции, в годы кошмарной столыпинской реакции, когда сытые буржуа и мещане, псевдо-революционеры, трусливо прятались в кусты, каясь и сожалея о том, что в какой-то степени помогли вызвать грозный дух революции, предавая всё и вся, — в это время Николай Акимович Хасаков остается стойким революционером ленинской когорты неггибаемых рыцарей правды.

1907 год. Россия кишит шпиками и провокаторами. Смрадный дух реакции отравляет всю атмосферу жизни. Тюрьмы и места ссылок переполнены политическими заключенными. Прокуроры, судьи, жандармы загружены до предела. Но большевики, под руководством бесстрашного Ленина, продолжают упорную борьбу.

По городам и весям великой империи колесит революционер-подпольщик, пламенный пропагандист большевистской партии Хасаков,

Он не оставляет без внимания и деревню, которая совсем еще недавно была освещена багровыми заревами «красных петухов», пущенных взбунтовавшимися крестьянами в усадьбы кровососов-помещиков.

В преддверии весны 1907 года Хасаков Николай Анимович арестован в городе Верхне-Уральске. Предоставим слово документам из Госархива Башкирской АССР.

Протокол № 1

1907 года, февраля 23 дня. Полицейский надзиратель 2-й части г. Верхне-Уральска составил настоящий протокол о нижеследующем:

Сего числа, в 7 часов вечера, на Благовещенской улице, неподалеку от полицейского Управления задержан неизвестный человек в весьма ветхом костюме, каковой на расспросы объяснил, что он имя, фамилию и происхождение свое выяснить не желает, прибыл сюда в Верхне-Уральск из города Уфы и принадлежит к социал-демократической рабочей партии, служил в Уфимском комитете названной партии. Цель своего прибытия в г. Уральск объяснить отказался, прибыл сюда уже три дня тому назад, чем занимался здесь так же объяснить не желает. При розыске у задержанного в кармане найдена выписка с печатью Уфимского Комитета рабочей социал-демократической партии и с надписью 3 декабря 1906 года. А потому я, надзиратель, постановил; Об отказавшемся записать, утвердить подписом (так в оригинале — Д. К.), задержанную же ссыльность, как не имеющего при себе письменного вида, а также отказывающей выяснить свое происхождение, — задержать и представить по принадлежности вместе с обнаруженной у него выпиской.

Полицейский надзиратель
2-й части г. Верхнеуральска — Т а в т а е в.

Настоящий протокол выслушал, в чем подписуюсь задержанный тов. Николай 24 февраля 1907 года.

Настоящий протокол с задержанным неизвестным человеком, называющимся принадлежащим к социал-демократической рабочей партии, вместе с обнаруженной у него выпиской представляю Его высокоблагородию г. Верх. У. исправнику на распоряжение. Февраля 26 1907 г. № 36.

Полицейский надзиратель 2 ч. г. В. Ур. (подпись)

Сего же числа при задержании указанного в сем протоколе подписавшимся тов. Николай, случайно находились: полицейский

урядник 15-го участка Макаров, стражник Верхнеуральского отряда Чернов, Серебряков и Кожевников, которые задержанного признали и объяснили, что эта личность есть казак Варшавской станицы и поселка Николай Акимов Хасаков (калмык), который находился в 1-м казачьем полку и из последнего совершал два побега, а затем находился в Оренбургской тюрьме, как и когда из последней вышел этого не знают.

Изложенное удостоверяем: Полицейский урядник 15 уч. Макаров, Петр Серебряков, Петр Чернов.

Полицейский надзиратель
2-й части г. Верхнеуральска — Тавтаев».

Мы привели первичный документ задержания, составленный полицейским надзирателем Тавтаевым, 23 февраля 1907 года, подписанный Хасаковым 24 февраля, на следующий день после задержания, а затем опознание его, подписанное 26 февраля.

Николай Акимович отказывается назвать себя, хотя и признает свою принадлежность к РСДРП. Он дает показание, что в городе Верхне-Уральске находится три дня. А между тем, удостоверение, выданное Уфимским Комитетом РСДРП, помечено 3 декабря 1906 года. Где находился Хасаков около трех месяцев после получения этого удостоверения? Можно безошибочно сказать, что он был в гуще рабочего класса, выполняя задание Уфимского Комитета РСДРП как пропагандист. Опытный революционер-профессионал не дает о себе никаких показаний, выигрывая время и выясняя, что известно о нем жандармскому управлению. Но вот во 2-ом участке оказались люди, опознавшие его. Значит задержан он не случайно. Значит нужно менять тактику. Нужно сделать так, чтобы по делу проходил он один, скрыть свои связи. И Хасаков дает о себе показания. Послушасм его, имея в виду, что он дает показания своим врагам, перед которыми он не обязан быть чистосердечным, напротив, должен всячески путать их карты.

Показания Николая Акимовича Хасакова:

«Звание мое—бывший казак Оренбургского казачьего войска, 2-го военного отдела, Варшавской станицы и поселка Варшавского Николай Акимов 27 лет от роду, вероисповедания православного, женат, детей не имею. Срока службы в войске 1898 года, срока поступления на службу в полк 1901 года. Командирован в полк из г. В-Уральска 2 февраля 1901 года в гор. Харьков в 1-й Оренбургский казачий полк.

По прибытии туда зачислен писарским учеником в канцелярию полка 1 марта 1901 года. За отличное поведение, хорошую службу и знание канцелярского дела произведен полковым писарем— в не-

строевые старшего разряда. По приговору временного Военного суда в г. Харькове от 3 ноября 1903 года лишен этого звания и разжалован в рядовые. Был в побеге за границу в Швейцарии и вернулся в полк в марте месяце 1904 года. Лечился в Чугуевском местном лазарете, откуда отправлен в г. Оренбург в июне 1904 года в распоряжение Штаба Оренбургского казачьего войска. За преступления религиозные по 177 ст. Уложения о наказ. (Богохуление); по 129 ст. за пропаганду, и по 103 ст. того же Уложения за оскорбление Величества, предан Казанскому Военно-Окружному суду. Будучи в Оренбургской тюрьме, голодовал до 1906 года и прекратил по настоянию Совета присяжных поверенных 25 февраля хорошо не помню. Судился в этом суду в г. Оренбурге, по приговору коего по обвинению по 177 ст. оправдан, а по 129 и 103 ст. т. е. за преступления политическая дело оставлено за не окончанием предварительного следствия; И все дело находится у Военного Министра, а за преступления воинския лишен воинского звания по приговору того же суда. В апреле месяце 1906 года, находясь на излечении, совершил побег и перешел на нелегальное положение. Работал за последнее время в г. г. Ташкенте, Асхабаде, Баку, Астрахани, Саратове, Самаре, Казани, Уфе и Челябинске. Откуда хотел съездить до В-Уральска. Средства истощились, продал последнюю одежду на пропитание. 23 лишен свободы. Теперь нахожусь в распоряжении Уездного исправника. Сегодня заболел. Просил доктора, он советует об отправлении в тюрьму в больницу.

По преступлению политическим по 129, 103 ст. Улож. о наказ. суда еще не было, да + теперь за второе участие в РСДРП в качестве пропагандиста. В итоге хорошее наказание, которое должен перенести. Вырезанное на явке место означает «местный» уголовных преступлений не совершал.

Николай Хасаков.

27.II.1907 г.»

Показание Николая Акимовича Хасакова на первый взгляд кажется предельно чистосердечным. Он ранее судим, но наказание еще не отбывал. Арестован он с документом, подтверждающим его принадлежность к противоправительственной организации, за что должен быть привлечен к ответственности по ст. 1035, которая, по совокупности, поглощалась предыдущими статьями 129 и 103. Расчет Хасакова ясен: скрыть предыдущую судимость невозможно, но, раскрыв самому свою предыдущую судимость, можно приостановить следствие. На это он и пошел. Большой интерес представляет явка, выданная Хасакову Уфимским комитетом РСДРП:

«Предъявитель сего тов. Николай пропагандист»

организации, заслуживает полного доверия, и только по внезапности отъезда из Уфы не мог получить партийной явки к Вам. Секретарь Уфимского комитета РСДРП. 3 декабря 1906 г.»

В своем показании Хасаков содержание вырезанного места, после слова «пропагандист», объясняет так: там было слово «местной». Однако, следовательно устанавливает, что там стояло слово «боевой», что несомненно ближе к истине. Однако следствие продолжается. Наводятся справки. Военный прокурор Казанского военно-окружного суда, 14 апреля 1907 года, в письме № 2316 сообщает начальнику Уфимского губернского жандармского управления:

«...При этом сообщая, что производством указанного дела останавливается исполнение приговора Временного военного суда в г. Оренбурге от 3 апреля, наковым приговором Хасаков за преступное деяние, предусм. 1 ч. 103 ст. уголов. Улож., присужден к ссылке в каторжные работы на 6 лет.

Военный прокурор
Генерал-майор — Д о м б р о в».

Далее, из следственных материалов мы видим, что Николай Анимович Хасаков был в эмиграции за границей, как политэмигрант, был в Швейцарии, откуда вернулся в Россию в марте 1904 года.

Хасакова для отбывания срока наказания отправляют в Александровскую каторжную тюрьму Иркутской губернии.

Вот какую справку о революционной деятельности Хасакова Николая Анимовича дает Государственный архив Иркутской области:

Архивная справка

Из личного дела за № 14282 Иркутской губернской тюремной инспекции на Хасакова Николая Анимовича видно, что он осужден в четвертый раз Временным военным судом в г. Оренбурге 3 апреля 1907 года и приговорен к каторге сроком на 6 лет. Признан виновным в заочном оскорблении словом императора и императрицы «с целью возбуждения среди нижних чинов неуважения к Высочайшим Особам».

Время совершения преступления — октябрь 1905 г. Срок наказания исчисляется с 1 сентября 1907 г.

Приговор обращен к исполнению 2 марта 1908 г.

Согласно распоряжения Главного тюремного управления от 13 июня 1909 года направлен для отбытия наказания в Александровскую каторжную тюрьму Иркутской губернии, которое

ончил 1 ноября 1912 г. и был назначен на поселение в Мухтуйскую волость, Киренского уезда, Иркутской губернии, куда прибыл 19 ноября 1912 года.

15 июня 1913 года поступил на работу конторщиком в паходную контору фризера, села Витим, но оставил работу в связи с отказом пристава с. Витим в проживании по месту работы.

1 октября 1913 года самовольно отлучился с места причисления и поступил на службу конторщиком Прокопьевского приискового Управления Ленского золотопромышленного товарищества по чужому паспорту.

1 декабря 1913 года был арестован и осужден по 242 ст. устава о ссыльных и по 977 ст. Уложения о наказании за побег и проживание по чужому паспорту мировым судьей 1-го участка Олекминского золотопромышленного района на 6 месяцев тюремного заключения в Бодайбинской тюрьме.

Срок исчисляется с 4 января 1914 г. и оканчивается 4 июля 1914 года.

Сведений о пребывании в ссылке в 1915—1917 гг. не обнаружено.

Основание: ф. 34, лд. 14282.

Имя Хасакова Николая Акимовича вновь появляется в 1917 году после свержения царизма. Вот любопытное удостоверение, присланное Государственным архивом Иркутской области:

У д о с т о в е р е н и е

Предъявитель сего Хасаков Николай Акимович с пос. Мухтуйской, Киренского уезда, Иркутской губернии—это я, заведующий охраной гор. Иркутска, по уполномочию исполнительного комитета Общественных организаций г. Иркутска и удостоверяю.

Иркутск, 1917 г. мая месяца 24 дня.

Заведующий охраной
гор. Иркутска.*

По сведениям, полученным от родственников и знакомых Хасакова Николая Акимовича, проживающих и ныне в селе Варшавская: Жигжанова Георгия Ивановича, Ильина Михаила Петровича, Шаркуленова Ивана Васильевича, бесстрашный борец за советскую власть, рядовой Ленинской гвардии пал смертью героя в августе 1919 года под г. Балаганским Иркутской губернии, в боях с японскими империалистами.

Светлый образ революционера навсегда останется в памяти народа, являясь примером беззаветной преданности делу народа. Таковы были рядовые Ленинской гвардии.

1963 г.

* Все архивные изыскания произведены кандидатом филологических наук Л. Г. Жигжановой.

Народы-братья

«Когда недружны двадцать
человек —
Крепость из глины.
Когда дружны два
человека —
Крепость из стали».

Так гласит калмыцкая пословица, от которой веет мудростью далеких, эпических веков. Дружба! Кто не знает этого благородного чувства, издревле украшающего человека, делающего людей крепче стали.

Сегодня, когда солнечная Калмыкия ликует, празднуя 350-летие добровольного вхождения в состав Русского государства, я думаю о великой дружбе народов нашей Отчизны, которая под мудрым руководством Коммунистической партии преобразует моря и горы, степи и реки, запускает во Вселенную искусственные планеты, строит коммунизм.

350 лет назад наши предки клялись:

Быть вместе навеки с народом русским, быть верным перед Родиной новой — Русью великой!

И с тех пор калмыцкий народ, будучи верным клятве, данной от души и сердца, всегда принимал самое активное участие во всех крупнейших событиях в истории Русского государства. Исторические документы свидетельствуют об участии калмыков в Полтавском бою, в Отечественной войне 1812 года, в рядах повстанцев Степана Разина и Емельяна Пугачева. В полках легендарной Первой конной Буденного, на лихих конях мчатся воины Оки Ивановича Городовикова, Николая Колесова, Василия Хомутникова, Харти Канукова. Над просторами Калмыкии летит молва о храбрости Нармы Шапшуковой. Неувядаемой славой покрыли свои имена герои Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Соединение генерала, Героя Советского Союза Басана Бадьминовича Городови-

нова первым вступило на территорию Восточной Пруссии. Бесмертный подвиг Эрдни Деликова. Никогда не забудут люди имена юных героев Юрия Клыкова, Володи Косиева, Тамары Хахлыновой. Дороги Смоленщины, леса Белоруссии помнят героические дела партизан Михаила Черного (Михаила Хонинова) и Михаила Сельгикова.

350 лет, прошедшие со времени вхождения калмыков в состав России, полны фактов трогательной дружбы двух народов, фактов, свидетельствующих о благородстве и великодушии русского народа. Русский народ — народ изумительной самобытной культуры, проявлял живой интерес к культуре малого калмыцкого народа.

Лучшие сыны русского народа вглядываются в жизнь калмыков, изучают мудрый калмыцкий фольклор, знакомятся с замечательным шедевром мирового эпоса «Джангром». Гениальный провидец А. С. Пушкин, думая о своем месте во временах грядущих, думал и о калмыках. Кому неизвестны строки знаменитого пушкинского «Памятника».

Другой великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь оставил замечательный этнографический очерк «Калмыки». Большая, светлая душа гениального писателя, великого гуманиста просвечивает каждую строку великолепного, глубокого, верного жизни очерка.

Н. В. Гоголь с большим сочувствием и теплотой пишет о жизни простых людей, о калмыцком народе. Читая очерк сегодня, с благодарностью думаешь о том великом счастье, которое дала калмыкам Советская власть. Сейчас нет ни кожаных посуды, ни дырявой, продыmlенной кибитки, ни богача-угнетателя.

Весной нынешнего года мне довелось быть в Ленинграде и посетить этнографический музей народов СССР. Я, рожденный в советское время, с удивлением разглядывал предметы домашнего обихода калмыков, утварь, описанную Гоголем, и, подобно археологу, по этим предметам мысленно восстанавливал жизнь своего народа до революции. Она была трудна и печальна. Я бросил мысленный взор на историю своего народа. Она была полна несчастий и мук.

Я был у студентов калмыцкой студии при Ленинградском театральном институте имени Островского, видел наших чудесных, жизнерадостных, талантливых ребят, которые непременно поднимут на новую высоту калмыцкое искусство, продолжат лучшие традиции заслуженных артистов Нармы Эрендженова, Улан Лиджиевой и других, будут ставить пьесы Гоголя. Я видел, какими данными обладают удивительно чистые, юные Яшкулов Сергей, Бадмаев Борис, Сельвин Дорджи, Буджалов Егор, общественники студии: староста Сасыков Санал, комсорг Уланов Улюмджи. Я радовался, глядя на будущих

героинь Клару Коншунову, Маю Дорджину, Зою Манцынову, Валю Арсанову. Их воспитывают и учат лучшие педагоги-артисты Ленинграда. Меня убедила в этом «Оптимистическая трагедия», в которой играют преподаватели наших ребят, удостоенные Ленинской премии. Наши студенты восхищены своей будущей профессией, своим Ленинградом, своей жизнью, которой одарила их счастливая судьба. Я думал, вспоминая этнографический музей, кем были бы эти хорошие, милые одаренные ребята, если бы не великая революция 1917 года, если бы не было братской дружбы и помощи великого русского народа? Отары какого богача пасли бы они, проклиная свою несчастливую долю, по образному выражению джангарчи Давы Шавалиева, «приговоренные рождением»? Но нет нынче богачей — «бесперывная цепь страданий» сметена в Лету бурей социалистической революции. Гений Ленина озарил наше грядущее. Мы — хозяева своей судьбы. Это наши бесчисленные отары привольно пасутся на просторах республики. Это бескорыстная забота Родины, дружба всех народов могучей державы гарантируют нам исполнение нашей мечты — мы построим желанный коммунизм.

Под солнцем Коммунистической партии цветет молодой сад нашей культуры. Раскрывает недра, поражая нас своими щедротами, древняя родная степь. Поднимаются нефтяные вышки, хлопочет в скважинах газ. Гидрологи Москвы и Ростова добывают воду для Элисты. Специалисты из Баку и Грозного помогают нам. На наших глазах меняют свой облик неоглядные шири Калмыкии. Степные орлы уже не пугаются машин, а дети степняков мечтают о полете на Луну. Романтика и явь сплелись. Радость ликует и поет в душе. Откуда все это, где истоки? Они в нашей партии, в нашем мудром ЦК, осуществляющем ленинскую национальную политику.

В числе делегатов от писательской организации Калмыкии мне посчастливилось быть на приеме в Кремле. Беседуя с руководителями партии и правительства, мы с благодарностью думали о том, что вот откуда радости нашего нынешнего дня, вот где радости нашего грядущего. Это наша партия, ЦК нашей партии на деле, в жизни осуществляют братство народов.

«Пусть пыль из-под сапог гостей клубится у порога твоего дома, да зарастет высокой травой порог судилища!» — говорят калмыки, произнося свое лучшее благопожелание. Когда пыль из-под сапог гостей клубится у порога дома — значит в этом доме нет недуга, нет печали, значит счастье вошло в этот дом, неся с собой радость и изобилие. Это счастливая пыль клубится нынче на дорогах нашей республики, братья-гости входят в гостеприимные дома, раскрывшие свои приветливые двери. Дружба народов! Вот она, осязаемая

в рукопожатиях, видимая в улыбках, движимая единой целью, вечная и бесконечная! Вот он тот долгожданный историей гимн, утверждающий:

— Народы-братья! Триста пятьдесят лет назад началась эта нерасторжимая в веках дружба, и никогда не будет ей конца!

Спасибо тебе за этот день великого праздника, мудрый и сердечный наш родной старший брат, всемогущий русский народ!

22 августа 1959 г.

Вечер сонат

В небольшом зале Элистинской музыкальной школы состоялся сонатный вечер из произведений директора детской музыкальной школы, члена Союза композиторов СССР Николая Михайловича Пархоменко. Общественность столицы нашей республики в прошлом году отмечала его шестидесятилетие. Концерт, о котором будет сказано ниже, оправдал надежды тех, кто приветствовал юбиляра — талантливый композитор находится в расцвете творческих сил.

В качестве исполнителей сонат Н. М. Пархоменко выступали сам автор и преподаватели детской музыкальной школы Лилия Лаврентьевна Бабурина и Эльвира Леоновна Терпогосова-Придворова. Концерт готовился во внеурочное время, на общественных началах. Любовь к музыке, благородное желание доставить людям эстетическое наслаждение вдохновляли организаторов этого запоминающегося, очень светлого, я бы сказал, душевного вечера.

Небольшой, но уютный зал, говоря кстати, не весьма приспособленного для детской музыкальной школы помещения, был полон любителями музыки. Я видел как те, кто немного опоздал, сгрудившись, затаив дыхание, слушали концерт, стоя в коридорчике. Очень радовала эта тяга к музыке. На концерте присутствовали родители учащихся музыкальной школы, министры, врачи, начальники управлений, рабочие предприятий.

Программа сонатного вечера состояла из двух отделений. В первом отделении была исполнена Л. Л. Бабуриной «Вторая соната» (для фортепиано), посвященная XXII съезду КПСС. Во втором отделении исполнялась «Соната для скрипки и фортепиано» Н. М. Пархоменко (скрипка) и Э. Л. Терпогосовой-Придворовой (фортепиано). Музыкальная форма произведений, включенных в программу сонатного вечера, была весьма сложна для исполнения, как по замыслу, так и по технике композиции.

Сдержанное, но выразительное исполнение Л. Л. Бабуриной

«Второй сонаты» с первых тактов приковало внимание слушателей. Она, как нам кажется, сумела своей интерпретацией раскрыть глубокий замысел автора.

Соната, посвященная XXII съезду КПСС, возлагала на композитора большую ответственность. Нужно было избежать риторики и вместе с тем суметь музыкальными образами раскрыть философскую сущность времени. Автор, на наш взгляд, решил эту сложную и ответственную задачу.

Бурные потоки контрастных мелодий «Второй сонаты» сразу же вызывают в сознании борение противоположных извечных начал жизни — борение Добра и Зла. Но эта диалектика борьбы противоположностей подается автором не вообще, не как абстрактное философское понятие, а средствами музыки ему удается создать картину нашей современной эпохи.

Язык музыки своеобразен — каждый его понимает по-своему, но талант композитора в том и заключается, что он заставляет слушателя воспринимать его произведения так, как сам того хотел бы, чтобы мятущаяся мысль, разбуженная взбудораженными чувствами, ассоциировала к тем картинам, приходила к тем обобщениям, которые вложены автором в музыкальное произведение.

«Вторая соната» Н. М. Пархоменко, созданная согласно требованиям классических канонов, в строгой тональности, раскрывает образ нашей величественной героической эпохи. В моем личном восприятии «Вторая соната» почему-то сначала вызвала солнечные мелодии Чайковского, зазвучало «Лебединое озеро», возник прелестный образ Одетты, в исполнении Майи Плисецкой, и кружащийся вокруг нее черным коршуном злой демон. Но потом этот образ как-то расплылся и возникла в памяти война. Черный дым стлался над горящими деревнями, виделись молчаливо плачущие руины городов. Беда, огромное горе народное, ненависть к врагу, переплавляющиеся в неодолимую силу великую, возникали из мелодий, и я увидел, вдруг, как дергается в конвульсиях поверженный фашизм, как он, злобный, бьется в судорогах агонии. И возник к концу сонаты образ моей могучей, вечно любимой Родины. Гордость за страну, за всех сидящих тут, в зале, за себя — частицу всех, за нашу сегодняшнюю действительность наполнила мое бытие. И я увидел, увидел глазами души, наше грядущее, освещенное волшебными лучами высокой патетической музыки. Добро торжествовало победу. Мне показалось, что это же чувствовали все, кто сидел рядом со мною.

Во втором отделении вечера была исполнена «Соната для скрипки и фортепиано». Все, кто был в зале, восхищались проникновенным исполнением своего произведения Николаем Михайловичем Пархоменко и высоким профессиональным уровнем исполнения партии

фортепиано Э. Л. Терпогосовой-Придворовой, которая чутко чувствует ритм и настроение произведения. Ее исполнение не сентиментально, но нежно, оно идет от какого-то женского начала, естественно гармонирующего с духом сонаты. В исполнении Э. Л. Терпогосовой-Придворовой видится начало образования собственного творческого исполнительского почерка.

«Соната для скрипки и фортепиано», написанная в лирическом плане, берет начало у истоков мудрого, прозрачно-чистого, словно ключевая вода, народного музыкального фольклора. Она вся усеяна, будто тихое летнее небо звездами, блестками тактов душевных украинских мелодий, которые придают всему произведению светлый, мягкий колорит. Веселое, искрометное скерцо как-то незаметно переходит в плавные мечтательные напевы. Иногда, сквозь радужные потоки мелодий, где-то далеко-далеко не слышится, а чувствуется ритм веселых сельских переплясов и голос трогательной девичьей песни. Чуть колышутся под дуновением ласкового ветра красные, упругие лепестки только что раскрывшихся бутонов степных тюльпанов. Впрочем, как сказано выше, язык музыки своеобразен, и трудно, если невозможно перевести язык музыки на наш обычный язык, трудно перевести музыкальные образы в зрительные, да и, думается, нет в этом нужды, ибо существует особый мир, мир мелодий, музыки, который надо понимать, надо научиться понимать.

«Соната для скрипки и фортепиано» удивительно мелодична, вселяет весеннее настроение, солнечными мазками раскрывает красоту человеческой души, создает атмосферу дружбы между людьми.

Нам кажется, что если во «Второй сонате» (первое отделение вечера) композитор показывает нашего современника через подвиг всего народа, то в «Сонате для скрипки и фортепиано» (второе отделение вечера) через раскрытие внутреннего мира одного нашего современника автор показывает красоту души всего народа.

Как во «Второй сонате», так и в «Сонате для скрипки и фортепиано», ясно чувствуется одна из главных черт творчества композитора — страстное стремление отразить в своих произведениях дела и думы современников, рассказать «о времени и о себе». А рассказать есть что. В обеих сонатах видны раздумья автора, его жизнеутверждающая философская концепция.

Судя по эмоциональному воздействию двух сонат Н. М. Пархоменко на слушателей, можно сказать, что они достигли своей цели. И это не случайно. Композитор прошел отличную музыкальную школу и отличную школу жизни. Его учителями в музыке были выдающиеся музыканты, ученики Антона Дворжак, Антона Григорьевича Рубинштейна, Николая Андреевича Римского-Корсакова, Анатолия Константиновича Лядова — этих крупнейших

звезд, украшающих небосклон мировой музыкальной культуры. Его учителями жизни были: революция, годы героического строительства социалистического общества; есть наша крылатая сегодняшняя действительность. Так что в творчестве Н. М. Пархоменко мы видим линию, ведущую к истокам русской классической музыки, удивившей и пленившей в свое время и удивляющей и пленяющей до сих пор весь мир. Отличные традиции, принятые композитором от своих предшественников, позволили ему создавать произведения, понятные и нужные народу.

Н. М. Пархоменко четвертый год живет в Калмыкии, воспитывает в наших детях чувство прекрасного. За эти годы он хорошо изучил калмыцкую национальную музыку, постиг ее национальную специфику и создал ряд произведений, которые, к сожалению, малоизвестны как у нас в республике, так и за ее пределами. Видимо, композитор не обладает «пробойной силой», которая, кстати говоря, не всегда сопутствует талантливым людям.

Нам кажется, что Министерству культуры республик нужно принять меры для пропаганды произведений композитора, живущего среди нас. Хотя бы для пропаганды его крупной вещи — оратории «Сын степей». Оратория воспевае подвиги легендарного сына советского народа, калмыцкого национального героя Оки Ивановича Городовикова.

В заключение этих заметок любителя музыки, а не специалиста, мне хотелось бы от своего имени и от имени всех, кто присутствовал на сонатном вечере, выразить сердечную благодарность Н. М. Пархоменко и исполнителям его произведений Л. Л. Бабуриной и Э. Л. Терпигосовой-Придворовой за волнующий концерт. И давайте, товарищи, замечать то хорошее, что делает каждый из нас в меру своих сил для нас, и говорить теплое, душевное русское «спасибо».

1962 г.

Да светится человек!

На просторы нашей Родины во всем своем великолепии явился лучший месяц весны—май. Выйдите в степь, посмотрите на цветы и травы, на необозримую даль полыхающего зеленого пламени, и вы по-настоящему почувствуете, как хороша весна, как сильна и прекрасна жизнь!

Весна обостряет чувства и распаляет воображение. Кажется, бурные потоки крови, насыщенные весенними парами, с веселым грохотом катятся по руслам артерий, наращивая в груди жизне-

носное солнце. Каждая клетка до предела наполняется светом не-
сказанной радости, и ты ощущаешь в себе силу титанов, силу,
которая тяготит, требует немедленного действия, разрядки,— ина-
че она разорвет тебя! Действуй же, друг мой, советский человек!
Бери в свои руки солнце и раздавай его щедрыми ломтями всем
людям земли, ибо человек должен светить и светиться!

Этой весенней, волшебной порою
Снова, как прежде, душа молода,
Вот провода зазвенели домброю,—
Песню Москвы мне поют провода.

О, как пристрастен я к этим картинам,
Жизни родной и степной новизны!
В сердце сливаются с гимном партийным
Песни природы, рабочей весны.

Путь мой степной! Слово жизнь, ты бескраен.
Травка, дорогу ты мне уступи!
Вот я, всех будущих весен хозяин,
Властно иду по калмыцкой степи!

Каждая весна нашей страны удивительна и неповторима по-
своему. Было неповторимым 1-е Мая прошлого года, когда все мы
находились под непреходящим впечатлением небывалого полета
Юрия Гагарина в космос и чувствовали себя так, точно вместе
с космонавтом побывали за пределами притяжения Земли. Как
мы ликovali и как мы гордились тогда!

Но вот пришла новая весна, новый май — май 1962 года.
Весна развернутого строительства коммунистического общества,
провозглашенного Программой партии, принятой историческим
XXII съездом, весна утоления доброй земли—кормилицы семенами
грядущего урожая, весна съезда чудесной молодежи страны Совет-
тов, весна созревания новой Конституции, о которой возвестила
I сессия Верховного Совета СССР VI созыва.

Локоть в локоть, плечом к плечу, вышли сегодня на улицы
городов и сел трудящиеся нашей страны, объединенные бессмерт-
ной идеей коммунизма, чтобы продемонстрировать свою любовь к
родной партии и советскому правительству.

В колоннах демонстрантов идут и седые ветераны, по зову
Ленина штурмовавшие твердыни Зимнего, и юные пионеры, кото-
рые будут жить при коммунизме, и те, кто отливают несгорае-
мую броню космических кораблей, и те, кто выращивают хлеба на
плодородных полях страны. Посмотрите на торжествующие лица
демонстрантов, на их цветущие улыбки! Какая сила, какая мощь!
Кажется, что нынче, 1-го Мая, каким-то чудом сходятся былинное
прошлое нашей родины и ее таинственно-прекрасное грядущее, ра-

достно пожимают друг другу натруженные благородные руки, соединенную великим праздником. Седой Октябрь 17 года жмет руку юного коммунизма, и от тепла этого рукопожатия разливается благодатная весна по необозримым нивам человеческой истории.

На шелковых полотнищах алых знамен Свободы и Весны, гордо реющих в прозрачной сини небес, над головами демонстрантов, пылают лучшие слова, выбранные из словарного фонда языков земного шара: «Свобода, Братство, Равенство, Счастье». Эти бессмертные слова уже вошли в законы поведения советских людей, составили основы морального кодекса нашего народа. Чувство семьи единой, нерасторжимого братства живет в сердцах строителей нового общества. Единство советского народа проявляется в его повседневной жизни.

Тот, кто впервые из людей вместил в своих зрачках весь земной шар, окутанный радужным ореолом, Юрий Гагарин, в предисловии к книге поэта Леонида Вышеславского цитирует стихи талантливой русской поэтессы Новеллы Матвеевой. Ее творческий путь начался со страниц газеты «Советская Калмыкия».

Подпись одного из старейших педагогов Калмыкии Дорджи Педеревича Педерова, который в свое время был классным руководителем средней школы села Полковниково, Алтайского края, стоит на аттестате «небесного брата» Юрия Гагарина, прославленного космонавта — Германа Титова. Как же все это произошло? Неужели и вправду стала «тесна земля» и невольно на ней скрещиваются дороги людских судеб? Случайно ли это? Нет. Земля по-прежнему велика. Предпринимаемая путешествие на «Кон-тики», чтобы пересечь только один Тихий океан, Тур Хейердал потратил более двух месяцев. Около сорока лет кочевали калмыки, чтобы от предгорий Хингана дойти до пределов благословенной Волги.

Земля по-прежнему необъятна, но люди нашей страны стали ближе друг к другу, объединились в одну семью и движутся к единой цели. Программа партии, озаренная бессмертным учением Маркса и Ленина, освещает нашу дорогу в грядущее. Одно дело делают люди нашей страны и нет ничего удивительного и случайного в том, что где-то, незримые, но существующие нити, связывающие советских людей, вдруг становятся видимыми и осязаемыми, — это и доказывают примеры, приведенные выше.

Кто знает, быть может мраморное мясо животных, выращенных знатным скотоводом Борисом Очировым, вошло в рацион космических блюд, а из шелковистой шерсти мериносовых овец, выращенных чабаном Дмитрием Велигуриным, носят костюмы пока неизвестные нам, но бесконечно уважаемые нами, мудрые конструкторы космических кораблей.

Когда-то, говоря о временах прошедших, отмечая грандиозный разрыв между людьми физического и умственного труда, А. М. Горький говорил: «Умные головы жили оторванно от умных рук, и только очень редкие из этих голов понимали идиотизм такого разрыва». «Идиотизм такого разрыва» в нашей стране полностью уничтожен благодаря неустанным заботам партии и правительства. Только невиданное содружество миллионов «умных голов» и «умных рук» дало возможность советскому народу покорять космос, воздвигать мощнейшие гидростанции, изменять извечные русла непокорных рек.

Грандиозный рост интеллектуального уровня нашего народа сделал обладателя «умных рук» и непременным обладателем «умной головы». Мы совсем недавно слушали лекции мастера высоких урожаев, курганского полевода Героя Социалистического Труда Терентия Мальцева.

Секретарь Приозерненского райкома партии рассказывал мне о гуртоправе Борисе Очирове, как о специалисте-зоотехнике по глубине теоретических знаний. Знатный скотовод, вдобавок к своей основной работе, взял еще 25 свиноматок, чтобы дать стране дополнительно сотни центнеров мяса. Это ли не говорит о полном понимании государственных задач рядовым тружеником сельского хозяйства!

Передовики производства, ударники коммунистических бригад, лучшие люди нашей страны уже в наши дни являют собой пример гармоничного, всесторонне развитого человека будущего. Поистине, они светят как маяки!

Высший уровень культуры советского народа создал исключительно благоприятные условия для расцвета и развития литературы и искусства. «Если я хочу наслаждаться произведением искусства, я должен быть художественно образованным человеком», — говорил когда-то Карл Маркс.

Художественно образованный, эстетически, эмоционально грамотный советский человек предъявляет высокие требования к своей родной литературе, к родному искусству. Произведения литературы и искусства, вдохновенно отражающие нашу величавую современность, находят любовь и поддержку истинных ценителей — советских людей.

Калмыцкая советская художественная литература за последние годы сделала значительные шаги. Проза подтверждает зрелость любой литературы. Только что закончены крупные эпические полотна-романы писателями Лиджи Инджиевым и Басангом Дорджиевым. Рукописи первых двух романов говорят о большой работе, проделанной авторами, об их дальнейшем творческом росте. Образы

современников создают в своих произведениях поэты и драматурги. Недавно закончившийся семинар молодых писателей республики говорит о значительном резерве калмыцкой литературы.

В апреле в Элистинском Доме культуры открылась выставка произведений калмыцких художников. Темы дружбы народов и коммунистического труда, творческого горения и обновленной степи составляют содержание выставленных работ живописцев, графиков и скульпторов. А ведь совсем недавно, до революции, в Калмыкии существовало лишь прикладное искусство.

Выразительные скульптурные работы заслуженного деятеля искусств Калмыцкой АССР, члена Союза художников СССР Никиты Санджиева, яркая живопись членов Союза художников СССР Гаря Рокчинского, Дмитрия Сычева, темпераментные картины Кима Олдаева и др., исполненные на высоком профессиональном уровне, говорят о несомненных успехах художников Советской Калмыкии.

Калмыцкий народ издавна отличался своей музыкальностью. Степные просторы предрасполагали к песням. Однако существовала только народная музыка. Музыкальная культура у нас отстает и сегодня. Пока нет ни одного национального композитора. Но уже сделано большое дело. Сделана глубокая вспашка, брошены семена и уже видны, радуя взор, нежные зеленые ростки. Я имею в виду детские музыкальные школы республики, в которых учатся безусловно одаренные дети.

Игра на фортепиано дошкольницы Доллы Дорджиевой, учащихся Матвеевой Вали, Лиджи-Гаряевой Эллы, Соляного Саши, Кузьменко Любы, талантливой Кирбасовой Нины, на скрипке — Нурмаевой Нади, Надбитова Сережи, на баяне — Рвачева Николая, — от простейших гамм до сложных произведений классиков, дает все основания для больших надежд. И все же хотелось бы сказать, что одного энтузиазма директора Элистинской детской музыкальной школы, члена Союза композиторов СССР, энергичного и влюбленного в свое дело Николая Михайловича Пархоменко, преподавателей Лилии Лаврентьевны Бабуриной, Николая Николаевича Канца и др. явно недостаточно. Нам нужно создать все условия для этой музыкальной школы, нужно окружить ее отеческой заботой и вниманием. Она — наше будущее.

Важное значение для развития калмыцкой музыкальной культуры будет иметь музыкальное училище.

Высокий уровень жизни и культуры советского народа как бы открыл шлюзы для притока в литературу и искусство народных талантов. Самодеятельное искусство в нашей стране заняло почетное место. Сотни тысяч талантливых людей вышли на подмостки народных театров, радуя сердца миллио-

нов зрителей. Величавые песни о Ленине и Партии, о Жизни и Мире, о Любви и Весне могучей лавиной льются над просторами нашей Отчизны. Особенно радостно звучат они сегодня, 1 Мая, в день праздника международного пролетариата. Это поет единым хором весь советский народ.

1 мая 1962 г.

Картина Гаря Рокчинского в Кремле

С трудом достали мы билеты на спектакль Н. Вирты «Дали неоглядные», который состоялся в Кремлевском театре.

Поднялись на второй этаж, прошли в просторное фойе, залитое ярким светом неоновых ламп. Здесь и увидели выставку работ советских художников, посвященную подвигу комсомола наших дней — освоению целины.

Монументальные полотна, писанные маслом, скульптурные портреты, высеченные из мрамора и отлитые в бронзе, четкая, выразительная графика, изображающая героические будни славных целинников, открывают перед нами романтическую жизнь целинников.

Всю эту выставку можно было бы назвать «По зову партии». Партия бросила клич, и комсомольцы Москвы, Ленинграда, Сталинграда, всей нашей необъятной Родины пришли в степь, чтобы своим трудом создавать то изобилие, к которому стремится наш народ.

Двигаются тракторы, рожочут комбайны. Необозрима ширь степей... Мы с особой взволнованностью смотрим на ярко выписанный пейзаж. Пейзажи целины! Как это похоже на наши калмыцкие просторы! Пологие холмы, волнистый горизонт. Так и кажется, что ты едешь по Приютненскому или Сарпинскому району.

Мы останавливаемся почти у каждой картины, восхищаясь талантом и высоким мастерством художников, сумевших с такой силой, так реально и выпукло отобразить подвиг советского народа.

Какова же была наша радость, когда, совершенно неожиданно, под одной из работ, с лаконичным названием «Целина», здесь, в Кремле, мы увидели фамилию и инициалы нашего земляка: «Г. О. Рокчинский». Память сразу перенесла меня в тридцатые годы. Да, это он, Гаря Рокчинский. Когда-то мы с ним учились в средней школе № 1 в Элисте. Уже в те давние ученические годы Гаря привлекал внимание учителей и товарищей своим ярко выраженным талантом художника. На первом этаже нашей школы, в библиотеке часто устраивались выставки картин юных художников. Особенно мне запомнилась выставка, посвященная столетию со дня смерти А. С. Пушкина, на которой были показаны работы учеников нашей

школы Гая Рокчинского, Ивана Андриенко, Алексея Черткова. Они, кажется, тогда заняли первые места и были премированы книгами Пушкина. Кстати, бюст С. М. Кирова у здания Калмыцкого обкома КПСС, памятник Ленину в парке — произведения Ивана Андриенко, который сейчас работает в Ленинграде.

С Рокчинским мы не виделись лет двадцать. Его картина рассказала мне о том, как он изменился за эти годы, как он стал зрелым художником. «Целина», безусловно, принадлежит вполне сложившемуся мастеру, человеку незаурядного дарования. Об этом говорит выбор темы, яркое воплощение образа, умелая композиция картины.

На переднем плане мы видим одного из тех молодых людей, которые были первыми энтузиастами целины. Он стоит в полувоенной форме. Заслонившись ладонью от солнца, вглядывается в голубоватую даль, где видны неясные очертания движущегося трактора. Вокруг распростерлась распаханная целина. Мы слышим запах, осязаем влагу развороченных пластов жирной, блестящей плодородной земли. У его ног лежат железные бочки, видимо, с горючим. Он ждет прихода трактора, и в напряженном ожидании угадывается нетерпение работающего человека. Кто он, откуда? — спрашивает себя зритель. И вспоминает своих друзей и знакомых, которые, покинув уютные насиженные места, по зову своего сердца улетели в суровые, необжитые края. Таков сюжет картины. Но глубину замысла автора мы постигаем через этот простой сюжет — он вложил в него впечатляющий рассказ о нынешнем дне.

Эмоционально написанная фигура целинника, стоящего на фоне бескрайних, необозримых степей, дает произведению героическое звучание. Цветовое построение картины органически связано с замыслом. Обилие солнечного тепла и света, ощущение безмерности пространства придают ей суровую величавость. Произведение Рокчинского не просто фиксирует натуру, открывшуюся взору художника, не просто дает картину освоения целины, он не фотографирует, а воспроизводит саму жизнь. Все в нем находится в движении, шумит, светит, рассказывает. Высокая поэзия труда, дающего людям радость и счастье, достойно передана кистью художника. Безупречна техника масляной живописи. Тонкие цветовые нюансы, общий колорит картины выражают настроение автора, его умение красками передать движение жизни. Единство природы и человека труда видится в сочных и выразительных мазках Рокчинского. Только человек, родившийся в степи и полюбивший ее, как родной сын, мог создать тот великолепный пейзаж, который способствует раскрытию основного мотива, идеи произведения — прекрасен труд во имя изобилия в нашей стране.

Отрадно сознавать, что представитель нашего народа, воспитан-

ный советской школой, достиг высоких вершин искусства. Не случайно картина Гаря Рокчинского заняла достойное место на выставке в Кремле — сердце нашей Родины, — наряду с работами таких выдающихся художников современности, как Герасимов, Пластов, Юон.

1959 г.

Счастье степняка

Прошло всего лишь сорок лет после установления Советской власти в Калмыкии, а как удивительно, неузнаваемо преобразилась жизнь калмыков! Начиная с одежды, жилища, быта и кончая мышлением!

Перечитывая труды путешественников, историков, ученых о калмыках до Октябрьской революции, поражаешься и, право, даже не веришь тому, что так жили наши предки. Но ведь так было, ведь и сегодня еще живы многие из тех, кто родился в холодной, дырявой кибитке! Сто с лишним лет тому назад Н. В. Гоголь писал о калмыцкой кибитке: «Кибитка страшно холодна, дети (нагие) насилу согреваются, сидя на цыпочках вокруг огня, прикрыв кое-чем спины. Дыму много».

Так было испокон веков. Дымная, холодная кибитка, символизирующая самую жизнь калмыка, веками тащилась вслед за медленной поступью истории. Она пришла в Россию три с половиной века назад с предгорий алтайских хребтов и ждала между устьями Волги и Дона всеочищающей бури — бури Октябрьской революции. Сорок три года прошло с тех пор. В калмыцкой степи не стало ни одной кибитки.

Заведующий отделом современности Калмыцкого краеведческого музея на днях говорил мне, что для музея они не могут найти хотя бы одну кибитку! Однообразная череда сменяющихся столетий и сорок лет, изменивших облик народа! А ведь жив еще тот калмык, который, войдя в свой, построенный с помощью русских друзей саманный дом, целые сутки топил печь и по наивности все шупал стены — не согрелись ли они?

А нынче? Поезжайте в любой район нашей республики и вы увидите всюду улицы новых домов, в которых счастливо живут те, кто своим трудом строит коммунизм. Посмотрите на убранство этих домов, на то, что в них стоит. Вы увидите радиоприемники, библиотеки, а возле домов — велосипеды, мотоциклы или даже собственные легковые машины.

Осенью прошлого года, через много лет, я побывал в Городови-

ковском и Яшалтинском районах и не узнал места, где прошло мое раннее детство. Помню, как мы детьми подолгу глядели в зияющие трещины солончаков, образовавшиеся под нещадными лучами палящего солнца, и пытались разглядеть «нутро» земли. Помню, как будучи пионерами, вместе со взрослыми, мы выходили на борьбу с тучами саранчи, рожденными зноем и сушью. И что же я увидел в родных местах сегодня? Несмотря на засушливое лето, колхозы убирали богатый урожай, на раскидистых лозах свисали спелые гроздья винограда, словно снятые с натюрморта фламандских живописцев, а на бахчах лежали громадные полосатые арбузы! Дивное диво я увидел в родных местах: там, где от суховея выгорала вся растительность, — шумел густой, в рост человека, рис! Рис — поистине дитя воды, растущий только на воде!

Вода пришла сюда! Слово артерии, несущие голубую кровь земли, дарующие жизнь всему живому, растеклись жизненные воды Кубани по территории Городовиковского и Яшалтинского районов.

Председатель колхоза «Пролетарская победа», Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Федор Иванович Дедов показывал поля своего колхоза. Мы с ним стояли на бруствере канала. Рядом колхоз заложил фруктовый сад на 110-и гектарах. Яблоки, груши, сливы, абрикосы и даже грецкий орех будет снимать колхоз с этого сада.

— И все это дает нам вода, — задумчиво говорил, окидывая хозйским взглядом молодые деревья, Федор Иванович.

Эту же мысль высказал в совхозе «Комсомолец» чабан, Герой Социалистического Труда Эрдни Мендеринвич Бембишев.

— Э-э, большое дело вода! Шерсть, мясо — все дает вода, — говорил он, опершись о гирлыгу, ласково глядя на журчащую ленту прохладной воды.

Все дает вода. Пышным караваем белого хлеба ложится она на столы колхозников, тонкой шерстяной тканью расстилается на прилавках магазинов страны, в зеленый сад превращает солончаки. Она пришла в нашу степь из Кубани, ее направила сюда богатая рука Коммунистической партии, привела сюда Советская власть. Русская река утолила вековую жажду калмыцких степей — не символично ли это? Тысячи лет степь ждала воды и только в последнее сорокалетие она получила ее.

О стране изобилия, равноправия, свободы пелось в тысячах песен, легенд, сказок калмыцкого народа. Великий Ленин говорил, что по сказкам, легендам, песням можно написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных. Исполнились чаяния и ожидания калмыцкого народа, а сказки и легенды обрели новую жизнь уже в их письменных продолжениях. За сорок лет Совет-

ской власти изменился духовный облик нашего народа. Калмыки стали народом сплошной грамотности. Пушкина и Толстого, Маяковского и Горького они читают на родном языке.

Мудрая ленинская национальная политика Коммунистической партии и Советского правительства раскрыла великий простор для развития национальной культуры.

Отражая жизнь своего возрожденного Советской властью народа, калмыцкие писатели создают книги для своих требовательных читателей. Зайдите в книжные магазины республики, взгляните на прилавки книжных киосков и вы увидите десятки произведений калмыцких писателей, изданных только за последние годы. Это песни степей, рожденные весенней зеленью неоглядных просторов, трелью жаворонка в небесной сини, волнообразным движением миллионных отар мериносовых овец, гулом строительных работ, самой жизнью трудового народа. И читатели, раскрывая страницы этих книг, в героях узнают себя, находят ответы на волнующие их вопросы. На днях, выступая с группой калмыцких писателей перед читателями совхоза «Ленинский», в библиотеке я познакомился с абонементом чабана Дмитрия Кенлеева. Только за последний месяц он перечитал произведения Каляева, Нармаева, Инджиева, Лиджиева и других калмыцких писателей. В абонементе читателей совхозной библиотеки — рабочих, служащих, домохозяек — мы встречали названия произведений классиков мировой и русской литературы, современных советских писателей. И мы невольно думали: как вырос наш читатель, каким же должен быть идейный, художественный и эстетический уровень наших произведений, как трудно и в то же время как радостно писать для такого, лучшего в мире читателя!

Сегодня, в день большого праздника калмыцкого народа — 40-летия со дня установления Советской власти, изменившей историческую судьбу народа, разорвавшей «беспрерывную цепь страданий», мы с гордостью смотрим на нашу цветущую республику — неотъемлемую часть могучей страны социализма — СССР. И оглядывая путь, пройденный калмыцким народом, сегодня думаем, — какое это счастье, что наши далекие предки, случайно или не случайно, пришли сюда, на обетованную землю, побратались с великим русским народом — творцом первой в мире победившей социалистической революции. Так думаем мы, чью землю, чью жизнь за сорок лет преобразили Советская власть и ленинская Коммунистическая партия. Мы знаем, кому мы обязаны своим счастьем. Да, поистине там, где ступают коммунисты, — и в пустыне вырастают зеленые оазисы изобилия и раскрывают свои солнечные лепестки исполинские цветы — цветы огромного человеческого счастья!

Во всех языках народов, населяющих землю, есть слова, значение которых столь высоко, что при произношении их душа человека озаряется ясным осенним светом любви и благодарности. Слова эти — названия. Названия мест, где родился человек, края, где он вырос, страны, которая стала его Родиной. И где бы он ни находился, чем бы он ни занимался, как бы его ни вознесла или наказала судьба, при каких бы обстоятельствах его ни застигли — то ли ощущал вершину высшего счастья, иль томился на смертном одре, — если только он Человек, — он всегда видит своим духовным взором образ невыразимо дорогой для него Родины. Название вызывает этот образ. Понятие «Родина» — не абстрактно. Оно — конкретно и начинается с порога дома, где родился человек, и обнимает всю огромную державу, где живут его собратья по делам и мыслям, по борьбе и идеалам.

Сегодня мы с великой радостью отмечаем столетие нашего родного города, столицы республики — Элисты. Сто лет — это много и мало. Много — с точки зрения возраста одного поколения и мало — с точки зрения истории. Но если иметь в виду, что решающими в становлении Элисты были последние полвека и из этой половины, фактически последние три с половиной десятилетия, на которые пали война и другие обстоятельства, — то город наш совсем юн и сейчас находится в поре наиболее бурного развития. Неумный рост города видят сегодня все: и старожилы, и вновь прибывшие. Впрочем, в моем сознании, сознании человека, родившегося через пять лет после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря которой затерянный степной поселок стал столицей республики, Элиста всегда была городом юным и городом юности. Она была ярким символом возрождения и расцвета экономических и духовных сил калмыцкого народа. Все лучшее в республике, все лучшие начинания, коренным образом преобразившие жизнь когда-то кочевого народа, шли из Москвы через Элисту, претворяясь в ликвидацию отсталости и невежества, культштурм и ликвидацию кулачества, в расцвет национальной культуры. Коммунистическая партия, осуществляя ленинские идеи, привела калмыцкий народ к социализму.

Я помню тридцатые годы, когда строительство города шло не такими темпами, как сегодня, но каждый новый дом, каждая вновь возникшая улица были событием и праздником для нас. Мы, пионеры, комсомольцы, учащиеся, любили свой родной город, ибо мы знали, что он строится для нас. Патриотизм элистинцев моего поколения начинался отсюда. В те годы строились новые школы,

клубы, открывались специальные средние и высшие учебные заведения: педагогический и зооветеринарный техникумы, Калмыцкий педагогический институт. Здесь, в Элисте, творили свои произведения писатели Харти Бадиевич Кануков, Нимгир Манджиев, Баатр Басангов, Санджи Каляев, Хасыр Сян-Белгин, Аксен Сусеев, Даван Гаря, Церен Леджинов, Лиджи Инджиев, Константин Зрендженев, на которых мы, юные и начинающие, смотрели как на людей избранной судьбы. А как торжественно раздвигался тяжелый бархат занавеса первого в истории Калмыцкого государственного национального драматического театра, и с каким восторгом мы смотрели на сцене пьесу Сян-Белгина «Борец-сирота», как мы тогда восхищались игрой наших, увы, ныне уже не юных, артистов Нармы Зрендженова, Улан Лиджиевой, Бембе Мемеева, Лели Русановой и многих других!

Никогда не сотрется из памяти сентябрь 1940 года, когда вся наша многонациональная великая держава торжественно отмечала 500-летие гениального калмыцкого эпоса—«Джангра»! Правление Союза писателей СССР во главе с выдающимся русским писателем Александром Фадеевым провело специальный пленум в Элисте. Гостями нашей столицы были писатели, чьи имена знает весь прогрессивный мир: Новиков-Прибой, Петр Павленко, Илья Сельвинский, Микола Бажан, Вера Инбер, Максим Танк, Анна Караваева.

Кто из тех, кто видел, забудет кавалерийскую выpravку генерал-полковника Оки Ивановича Городовикова и его лихую рубку лозы в том районе, где нынче возвышаются белые корпуса многоэтажных домов на выезде в сторону Троицкого? И тогда, за десять месяцев до начала Великой Отечественной войны, выступая в летнем театре, где нынче парк «Дружба», Ока Иванович Городовиков, говоря о договоре с фашистской Германией, прямо сказал о вероятности войны с ней, ссылаясь на слова Ленина о том, что «синий черт, желтый черт, один черт», что фашизм есть фашизм, и призывал к наивысшей бдительности. Такой призыв, как выяснилось через недолгое время, был крайне необходим, ибо мы, поколение, не видевшее войны, как-то не могли себе представить ее реальную возможность, хотя и пели яростно: «Если завтра война, если завтра в поход!»

В те годы нынешний Герой Советского Союза Михаил Сельгинов заканчивал Элистинскую среднюю школу № 1, а будущий партизан Михаил Хонинов играл на сцене роли героев-любовников, Тамара Хахлынова поступила на первый курс медицинского института. Юрий Клыков и Володя Косиев были учениками шестого или седьмого класса, Бадма Адучиев читал верстки стихов в только

Что набранных гранках, а мы, десятиклассники, мечтали о своем светлом будущем. Архитекторы составляли чертежи перспективного плана будущей Элисты...

А война созревала,
росла
и взбухала во мгле.
И к сраженьям готовились
те,
что черны и жестоки.
Сколько горя несли
нашей мирной советской земле
човекоубийцы
на Западе
и на Востоке.

...И грянула невиданная в истории война со всеми ее тяжелыми последствиями. Народы нашей страны подверглись великому испытанию огнем и мечом. Плечом к плечу стали на защиту своей священной земли элистинцы. Они воевали почти на всех фронтах, от моря и до моря, достойно неся честь своего родного города.

И потекли годы кровавой страды. Город жадно ловил вести о героических подвигах тех, кого он вырастил, выпестовал и гордился ратными подвигами своих доблестных сынов. А те, кто сражался у горящих камней пылающего Бреста или на рубежах блокированного Ленинграда, на льдистых берегах Северного моря или в частях Украинских фронтов, шли на смертный бой с фашизмом со светлой думой о далеком, родном, степном городе с таким ласковым названием «Элиста».

Помню, бывало, встретишь солдата с Волги или Дона — и так тепло становилось на душе, и он становился твоим земляком, встретишь, бывало, солдата из Калмыкии — и он становился тебе сердечным другом, а уж коли встретишь человека из Элисты — он становился тебе родным братом, ибо не было конца воспоминаниям обо всем том, что ты защищал, во имя чего шел на смерть. Как-то, во время жестоких и кровопролитных боев за Кировоград, я неожиданно встретился с бывшим сотрудником газеты «Ленинский путь» журналистом Дмитрием Саблуковым. Сколько было радости и сколько воспоминаний! Всю ночь напролет, в окопе, проговорили мы с ним, а наутро были бодрее и сильнее, чем до этого! И разговоры были об Элисте!

Много лет прошло с тех пор. В этом году вся наша страна, весь прогрессивный мир отпраздновал двадцатилетие победы над гитлеровской Германией. Выросло новое поколение. Поколение тех, кто знает войну только по рассказам старших, со страниц книг.

Многих из тех, кто мог бы жить и сегодня, нет на свете. Они погибли во имя того, чтобы явилось новое, молодое поколение сегодняшних элистинцев, во имя их счастья. Но есть в Элисте улицы имени Василия Хомутникова, Тамары Хахлыновой, Бадмы Адучиева, Юрия Клыкова, Володи Косиева. И хотелось бы, чтобы нынешний юный элистинец чаще, с благодарностью вспоминал о них, старался быть таким же, какими были они, также любил свой родной город, как любили они...

За короткий срок усилием наших замечательных тружеников из руин поднялся город и стал лучше, больше, красивее довоенного, он стал таким, каков сегодня. Но даже сегодня, в этот торжественный, юбилейный день нашей столицы, мне не хочется произносить высокопарные слова об Элисте, о ее красотах, ибо я люблю этот город таким, каков он есть сегодня, с его жгучими ветрами, несущими раскаленный песок, с его не очень пресной водой, люблю его в строительных лесах, пока не совсем еще благоустроенным, ибо он мой, родной, единственный и потому, вероятно, я так тоскую по нему, когда долго отсутствую.

Сто лет за плечами нашего города, у него есть прошлое, а без прошлого — нет будущего. Я верю в будущее нашего города — оно в руках тех, кто заполняет сегодня его улицы шумом молодых голосов, в комсомольцах, студентах, учащих, оно в руках рабочего класса Элисты, в руках талантливой интеллигенции, оно в постоянном и неуклонном движении народа вперед, под испытанным руководством Коммунистической партии.

Я рад от всей души приветствовать свой город и горожан, дорогих моему сердцу элистинцев и всех трудящихся республики с редким и большим праздником — столетием Элисты — столицы Калмыцкой АССР.

Октябрь, 1965 г.

Его звали Михаилом Черным

Книга о нем ждет своего автора. Она будет написана. Еще не раз будут возвращаться наши писатели к неиссякаемой теме Великой Отечественной войны, вызывая изумленное восхищение живых, благодарность потомков.

Прошло двенадцать лет после разгрома фашистских захватчиков. Но до сих пор выявляются все новые и новые имена героев, раскрываются новые страницы величественной летописи богатырских подвигов советского народа. Об одном из славных героев, чьи подвиги стали известны мне лишь недавно, я пишу эти строки.

...На Смоленщине в июле 1941 года, после упорных и продолжительных боев была окружена часть полковника Нечепировича. Здесь бок о бок с русскими, белорусами, казаками защищал свою Отчизну калмык Михаил Ванькаевич Хонинов, бывший артист Калмыцкого государственного драматического театра, диктор республиканского радиовещания. Среди партизан он был известен, как Михаил Черный.

Звонкий и чистый голос Хонинова знал весь калмыцкий народ. Михаил Ванькаевич неизменно вызывал симпатии зрителей на сцене театра. Он был юн, красив и талантлив. Тогда мы еще не знали о главном его достоинстве — беспредельной храбрости, удивлявшей впоследствии выдавших виды людей.

Полковник Нечепирович, бывалый воин, опаленный огнем не одной войны, приказал своим солдатам прорвать окружение и продолжать партизанскую войну. Бойцы, преданные солдатской присяге, могучим рывком разорвав железное кольцо врага, ушли в леса.

Михаил Ванькаевич Хонинов оказался в 208-м партизанском отряде, которым командовал старший лейтенант Александр Демидов, комиссаром которого был старший политрук Иван Нижник. Впоследствии этот отряд вырос в 15-ю партизанскую бригаду. По приказу центра партизанского движения эта бригада перебазировалась на территорию Белоруссии, на Могилевщину.

...Лето 1942 года. После невиданного разгрома под Москвой гитлеровцы подтягивали новые силы. Эшелоны за эшелонами с оккупантами и техникой двигались с запада на восток по дорогам Белоруссии. Дороги превратились в кровеносные сосуды, питающие войну. Началась пора, которая в истории партизанского движения времен Великой Отечественной войны именуется периодом «рельсовой войны». Взрывать пути и эшелоны, уничтожать мосты, разрушать дороги, истреблять живую силу и технику врага — вот какая задача стояла перед партизанами.

В средних числах августа штаб партизанского отряда получил донесение, что эшелон с живой силой и техникой врага идет из Минска на восток. Трудная, но почетная задача — уничтожить этот вражеский эшелон — была доверена Михаилу Ванькаевичу Хонинову. Выполнение боевого задания осложнялось тем, что фашисты прекратили движение поездов в ночное время, ибо ночь целиком и полностью принадлежала партизанам, а днем железнодорожные пути кишели охраной, через каждые 20—30 минут пропускаясь патрулирующая дрезина.

Отважный партизан принял дерзкое решение. Эшелон должен взорваться в пятистах метрах от станции Точица. Со стороны реки

Друг к железнодорожному полотну прилегал небольшой сосновый бор, который мог служить хорошим укрытием. К тому же немцы не могли ожидать диверсии у себя под носом, возле сильно укрепленного гарнизона, где дислоцировался карательный отряд.

Пять партизан с двумя ручными пулеметами, автоматами, гранатами, с четырьмя килограммами тола и упрощенным взрывателем на рассвете достигли соснового бора у станции Точица.

— Если меня окружают, забудьте, что я среди них, вообразите, что там одни фашисты, и действуйте, как положено,— наказывал Хонинов боевым друзьям, которые должны были его прикрывать огнем в случае неудачи.

Через час здесь должен был пройти немецкий эшелон. Но он не прошел. Под третьим вагоном раздался могучий взрыв. Вагоны начали накатываться друг на друга.

В этом же районе Михаил Ванькаевич вскоре пустил под откос второй вражеский эшелон с живой силой врага, лично уничтожил двух немецких офицеров, захватил мотоцикл и ценные документы.

Бесперывное нарушение и уничтожение коммуникаций, гибель многих эшелонов живой силы и техники вызвали тревогу у немецкого главного командования. Ему пришлось отозвать с передовой две дивизии для карательных операций против 15-й партизанской бригады. Немцы были убеждены в существовании нескольких партизанских дивизий в районе действия одной 15-й бригады. Например, роту Михаила Черного они именовали «диной дивизией».

Начальник штаба, он же секретарь партийной организации 15-й партизанской бригады Петр Антонович Велиткевич, белорус, бывший заведующий районо, получил несколько сообщений о движении немецких дивизий по шоссейной магистрали Москва — Варшава к району Хочинского леса — главной базе бригады. Хочинский лес сам по себе невелик, километров 17—20 в длину, 5—6 в ширину, трудно проходим, болотист.

В достоверности поступающих сведений не было сомнения. Дело в том, что корни партизанского движения всеми нитями уходили в народ, и оно было поистине народным движением. Всюду имелись свои люди.

Командование и партийная организация бригады мобилизовали все силы и средства для «достойной встречи» карателей. Было решено любыми путями изъять полицейский отряд г. Пропойсна, состоявший из 120—130 человек. Этот отряд являлся как бы глазами и ушами гитлеровцев. Труднейшую задачу по ликвидации полиции города, где уже находился штаб немецкой дивизии, командование возложило на Михаила Черного.

Командир партизанской бригады Александр Сергеевич Демидов приказал Михаилу Ванькаевичу доложить через день план и сообщить количество дополнительной силы, необходимой для быстрого и успешного проведения операции.

В ночь на 14 июля Михаил Черный, командиры взводов старший сержант Кротов и старшина Козлов и четыре разведчика вышли из Хочинского леса на выполнение боевого задания. Михаил Ванькаевич оставил четырех разведчиков у входа в город.

Вместе с Кротовым, Козловым и двумя другими товарищами — все в немецкой форме — Михаил Черный благополучно проник в город. Патрули, проверив документы, вытягивались по стойке «смирно».

— Вон казарма, где спит полицейский отряд. А рядом, через дом, штаб немецкой дивизии, личный состав которой на подходе, — объяснили партизаны Михаилу Ванькаевичу.

Все окна каменного здания были открыты. Два дневальных, тоже из партизан, тихо сообщили: «Все в порядке!».

— Пулеметы, — коротко приказал Михаил Черный и решительно вошел в казарму.

— Встать! — послышалась звонкая, властная, не терпящая возражений команда. В голосе звучали гнев и сила. Весь личный состав полицейского отряда вскочил с кроватей и, спросонья, не понимая в чем дело, недоуменно озирался вокруг. Во всех окнах зияли направленные черные стволы пулеметов. Ошеломленные полицейские увидели перед собой знаменитого Михаила Черного, чье лицо было хорошо знакомо каждому из них по немецким фотографиям, за голову которого оккупанты сулили много тысяч марок.

Соблюдая абсолютное спокойствие (тут пригодилась профессия артиста, Михаил Черный четко, громко, выдерживая периоды так, чтобы было ясно каждому, заявил:

— Бывшие граждане Великого Советского Союза, а ныне... Я не хочу осквернять наш язык. Перед вами — Михаил Черный. Моя дивизия окружила ваш город. Но я не хочу крови, которую дали вам ваши матери не для этой подлой вашей жизни. От имени партизанской армии даю вам возможность искупить свою вину. Берите свое оружие, разгромите немецкий штаб! Предупреждаю, вам предоставляется единственная возможность, которой больше не будет, — энергично закончил он свою необычайную ланоничную речь.

— Согласны, — кто-то неуверенно выкрикнул из рядов.

— Согласны! — уже твердо заявил многоголосый хор.

Быстро одевшись, с оружием, полицейский отряд вышел на

улицу. Теперь пулеметы смотрели им в спину. Старшина Козлов предупредил их:

— Не вздумайте шуточки шутить. Хватит!

Полицейский отряд окружил здание немецкого штаба. Раздались выстрелы, крики. За пять минут со штабом дивизии было покончено. Сейф с секретными документами оказался в руках партизан... Конный отряд из 123 человек на рассвете покинул г. Пропойск.

Так блестяще была выполнена трудная задача, поставленная командованием перед Михаилом Черным.

Многое можно рассказать о ратных подвигах героя-партизана. Я позволю себе лишь процитировать скупые слова боевой характеристики, подписанной командиром и комиссаром 15-й партизанской бригады:

«В боях при блокаде бригады в Хочинском лесу тов. Хонинюв со своей ротой героически отражал по восемь вражеских атак в день. При выходе из блокады руководил штурмовой ударной группой.

19 мая 1944 года при разгроме немецко-полицейского гарнизона в д. Гореничи, Березинского района, Могилевской области, первый со своей ротой ворвался в деревню и атаковал укрепления противника, тем самым обеспечил успех в разгроме гарнизона.

19 июня 1944 года при выполнении боевого задания вдоль железной дороги на участке Могилев — Шклов со своей ротой взорвал 100 рельсов.

Тов. Хонинюв со своей ротой пустил под откос два вражеских эшелона, убил и ранил до 300 гитлеровцев. Дисциплинирован и исполнительен. Предан делу партии Ленина и социалистической Родине».

Разве не достойны песен и сказаний эти поистине легендарные подвиги одного из славных сынов калмыцкого народа?

В конце июня этого года в Ставрополе, после многих лет, я случайно встретил возвращающегося в город своей юности — Элисту — Михаила Ванькаевича Хонинюва. Разумеется, за семнадцать лет он возмужал, выглядит солиднее, жив-здоров, полон энергии и больших замыслов на будущее. Трудная партизанская стезя закалила его.

— Есть у меня еще одна мечта, — говорит мне Михаил Ванькаевич, — побывать в Белоруссии. Люблю ее, как родную мать. Хочется увидеть своих дорогих друзей, братьев, своих партизан.

Не в этом ли чувстве братства народов наша неодолимая сила!

Июль, 1957 г.

Война и партизаны Калмыкии

Известно, что история человеческого общества не есть движение по прямой. Знаменитое философское положение о движении истории по спирали подтверждается даже тем коротким отрезком времени, которое пало на долю только нашего поколения, рожденного уже после Октября. Зигзаги истории то поднимали нас вверх, то опускали вниз, но мы всегда чувствовали, что неизменно идем вперед и выше, к своей желанной, заветной цели.

На наших глазах рождались и умирали государства. Мы были свидетелями больших и малых войн, потрясавших мир. Мы были участниками самой величайшей, наиболее кровавой во всей много-тысячелетней истории второй мировой войны, решавшей вопрос: быть или не быть цивилизации, достигнутой человечеством ценой величайших усилий интеллекта и мускул. Добро и Зло, Ум и Безумие, Прогресс и Дикость отчетливо разделились на два противоположных полюса-лагеря и вступили в смертельную битву.

Сущность всякой войны Ленин определял, как продолжение политики иными, насильственными средствами. Политика фашизма, политика империалистов Европы и Америки, льстивших и заигрывавших с Гитлером, сняла с себя туманное покрывало словесной эквилибристики и с началом войны предстала во всей своей каннибальской наготе. Война, как чувствительнейшая лакмусовая бумага, определила кто есть кто, сорвала все и всяческие маски с людей и государств, выявила истинную цену их моральных, экономических, психических качеств. Различные социальные системы прошли полную проверку на свою прочность и перспективность.

Начало Великой Отечественной войны убедило советских солдат в том, что когда человек теряет человеческий облик и превращается в зверя — его надо уничтожать с большим рвением, чем хищника, ибо потеряв в себе человеческие, он не приобретает благородных качеств зверей, данных им самой природой, — не убивать детенышей, чьими бы они ни были. Природа всегда удивительно целесообразно заботится о жизни, оберегая и лелея ее. Начиная с древнего мифа о Ромуле, основателе Рима, якобы вскормленном волчицей, и до наших дней, мы знаем много примеров, когда хищники воспитывали человеческих детей, побежденные и их беззащитностью. Но с первых дней войны мы стали свидетелями невиданных жестокостей, чинимых армией фашистского рейха. Ни крик грудного младенца, ни белые волосы столетнего старца, ни слезы женщины не могли заставить фашистов опустить ствол нацеленного автомата. Города и села, возведенные трудом многих

поколений людей, превращались в руины и пепелища, услаждая взоры тупомордых варваров — завоевателей новейших времен. «Белокурая bestия» — материальное воплощение людоедской философии Ницше — веселилась, стреляя в беззащитных детей и стариков, наполняя рвы трупами убитых ею людей. Скорбные ветры нашей земли стонали реквием на струнах веревок виселиц, как бы баюкая и провожая в бессмертие бесстрашных сынов и дочерей Родины. Мерзейший антисемитизм, рождающий зоологическую ненависть людей одной расы к другим, пришел к своему логическому финалу — античеловечности во всем. Арийцы — должны господствовать и неарийцы — должны быть или рабами или истребленными — вот тот конечный итог, к которому пришли Гитлер и соучастники его преступлений.

Этой оголтелой своре маньяков наша прекрасная земля в грядущем виделась оцепленной рядами ржавой колючей проволоки, словно глобус параллелями и меридианами, за которым находились бы в лагерных бараках, построенных по типу Освенцима и Майда-нека, побежденные ими полулюди-роботы. Вскормленный ядовитым молоком разлагающихся грудей загнивающего империализма — фашизм с его бесноватым фюрером Гитлером показал себя злейшим врагом человечества.

Однако не ему принадлежало грядущее планеты. Можно убить миллионы людей, можно снести до основания города и села, можно, наконец, расщепить атом, пробить горы и повернуть русла рек, но невозможно войти во «вчера», невозможно возвратиться к прошлому, невозможно повернуть историю, ибо есть одно великое свойство у времени, есть один неодолимый закон у времени — оно никогда не движется вспять, оно движется только вперед, и все процессы истории — явления необратимые. Ни фашизму, ни какой-либо другой силе невозможно было отбросить человечество назад, ко времени рабства.

Один на один против немецко-фашистских оккупантов, уже успевших покорить всю Европу, встал еще неведомый им советский народ, во главе с Коммунистической партией, с новой коммунистической идеологией, вооруженный учением Ленина, встал неведомый им социалистический строй, ибо до этого они побеждали государства себе подобные — капиталистические. И хотя поначалу привычно гремели фанфары, ревели трубы, грохотали барабаны в ознаменование торжества «блицкрига», хотя казалось, что планы Мольте и Шлиффена, скорректированные в генеральном штабе фашистского вермахта под названием операции «Барбароссы», выполняются с немецкой пунктуальностью — все это было лишь прелюдией грядущей безоговорочной капитуляции.

Подобно тому, как в желуде заложен будущий могучий дуб, наша победа и невиданный крах гитлеровской фашистской армии были заложены в залпах «Авроры» в октябре 1917 года. Тогда родился новый человек, ставший властителем своей судьбы, тогда была провозглашена великая дружба народов нашей страны — предвестница всех грядущих побед, тогда на свет явилась Советская власть, впервые в истории (в день своего рождения) богатырским голосом воскликнувшая: «Да здравствует мир!» и звуковые волны этого возгласа не угаснут в веках!

Советский человек, воспитанный партией Ленина, беспредельно преданный Родине, в шинели солдата, с погонями офицера, в папах генерала, за штурвалом комбайна, у станка завода — ломал спинной хребет «непобедимому» фашизму. Он был не «винтиком», а богатырем, взявшим на свои могучие плечи грядущее Земли!

Не только части регулярной Советской Армии громили оккупантов. Партизанские соединения наносили не менее сокрушительные удары по тылам врага. Также, как и в частях регулярной армии, в рядах партизан находились лучшие сыны всех народов нашей страны.

Автору этих строк довелось воевать на 2-м Украинском фронте. После того, как форсировали Днепр в районе села Куцеголовка у Келибердинских гор, части нашего фронта выполняли операцию по окружению фашистских войск в районе знаменитого ныне Корсунь-Шевченковского, освобождая множество городов и сел милой сердцу Украины. Дни и ночи, недели и месяцы, в грязи по колено (странная была тогда зима) мы вели кровопролитные бои. Но как бы тяжело ни приходилось, мы знали, что в эти дни еще тяжелее приходится легендарным партизанам, которые с боями шли навстречу нам.

У входа в так называемый Черный лес, основное место сосредоточения народных мстителей, в селе Плоское мы соединились с частями партизан. Никогда не забуду эту встречу, митинг, на котором выдавшие виды солдаты-фронтовики и опоясанные пулеметными лентами, в папах с красными околышами, бородатые люди — боевые друзья-братья, до времени разделенные огненной линией фронта, плакали, не скрывая мужских слез. Солдаты и бесстрашные мстители, чьи человеческие нервы годы и месяцы были сжаты в стальной нок, позволили себе расслабить их, ибо

они впервые за долгое время находились в кругу кровных, своих и ни с какой стороны не ждали смерти.

Партизаны! Это были, как метко сказал один из выдающихся вожаков партизанского движения, талантливый писатель Петр Вершигора, поистине «люди с чистой совестью». Это были борцы, подавившие в себе все человеческие слабости, герои, готовые гореть и горевшие на кострах новейшей фашистской инквизиции, горевшие во имя своих великих убеждений, во имя своего правого дела, во имя свободы, во имя разрушения колючих изгородей для людей, во имя братства народов, во имя коммунизма. Они были живым воплощением идей философии Маркса и Ленина, детьми советского строя, новой социальной системы.

Там, где ступала нога оккупанта, словно невидимые духи появлялись партизаны, но меткими были глаза этих «духов», твердыми руки, железной воля. В Брянских лесах и во Франции, в Белоруссии и Югославии, в Польше, в Калмыкии — всюду пылал негасимый и беспощадный огонь партизанской народной войны. И всюду, бок о бок с сынами всех народов Советского Союза, сражались отважные сыны Калмыкии, подобные доблестным богатырям «Джангара». Ради священной Родины они посвятили свои жизни «острию копья», сделав девизом слова нерушимой клятвы героев народного эпоса:

«Груди свои обнажим и вынем сердца
И за народ отдадим свою кровь до конца».

В дни всенародного праздника — 20-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне радио и газеты торжественно сообщили всему миру имена новых Героев Советского Союза, удостоенных этого звания за подвиги в партизанской войне. Золотой Звездой Героя и орденом Ленина увенчана грудь славного сына калмыцкого народа Михаила Арыковича Сельгинова.

Шесть фашистских эшелонов пустил под откос, взорвал два железнодорожных моста, уничтожил пятьдесят и взял в плен 10 гитлеровцев этот невысокий, худощавый и чрезвычайно скромный человек, далеко не Хонгор* по внешнему виду. Но лишь он, лишь его боевые друзья да березы и сосны Брянского леса знают, сколько раз ему приходилось встречаться лицом к лицу со смертью. И каждый раз он выходил победителем. Откуда же взялась у него такая богатырская мощь, где истоки его славных подвигов?

* Хонгор — богатырь из эпоса «Джангар».

Рожденный в степях Калмыкии, окончивший Элистинскую среднюю школу № 1, затем за несколько дней до начала войны — Астраханское военно-пулеметное училище, юный советский офицер уже тогда был подготовлен внутренне к своим будущим героическим подвигам, всей жизнью, философией жизни советского народа. Традиции Джангра и Ильи Муромца, Оки Городовикова и Василия Чапаева, книги советских писателей и вся наша коммунистическая идеология незримо воспитывали из него так же, как и из каждого советского человека, будущего героя. «Когда страна быть героем прикажет — у нас героем становится любой» — пелось в одной из песен тех лет. Приказом страны служили обстоятельства, в которые попадал советский человек, и он становился героем. Героизм — в основе характера советского человека.

Сам Михаил Арыкович не любит говорить о своих подвигах. В его рассказе о партизанских делах редко слышится местоимение «я» и почти все время — «мы». Это примечательно и не случайно. В этом — закономерность. Коллективизм и дружба находятся уже где-то в подсознании наших людей и в этом исток их неодолимой силы. В самом деле, не будь той доброй русской женщины, из деревни Поруба, Погарского района, Брянской области, которая, обнаружив у себя в погребе прячущегося раненого солдата — калмыка, не только не выдала, но вместе с другими выходила его, разве были бы возможны подвиги отважного партизана, столь высоко оцененные ныне партией и народом? Или, вот, другой пример. В одном из тяжелейших боев Сельгиков прикрывал отход партизан. Были опустошены все ленты ручного пулемета, два диска автомата. Положив в секторе обстрела множество трупов фашистов, он, раненый, стал считать патроны последней обоймы бельгийского «Вальтера», чтобы две пули оставить для себя (одну — на случай осечки). Но партизаны вернулись за ним и, огнем отбросив врага, унесли своего друга. Если бы не эта выручка друзей, возможны ли были бы последующие подвиги героя? Разумеется, нет.

Как не могло быть и другого: старая колхозница не могла выдать врагу раненого советского солдата, соратники-партизаны не могли не прийти на выручку товарищу, ибо все они были патриотами нашей Родины.

Молодой артист Калмыцкого государственного национального драматического театра и начинающий поэт Михаил Ванькаевич Хонинов (после войны — член Союза писателей СССР) прославил себя в партизанском движении в лесах Белоруссии.

Командир роты разведки и диверсий, он был грозой немецко-фашистских оккупантов. Человек наимирнейшей профессии — артист — он изумлял всех своими дерзкими подвигами и баснослов-

ной храбростью. Чего стоит только один его ночной налет на жан-дармерию города Пропойска, когда он, вместе со своими ординарцами, разоружил свыше ста полицейев, разгромил штаб немецкой части и захватил ценнейшие секретные документы?! Михаил Ванькаевич и своим и врагам был известен по партизанской кличке Михаил Черный. Оккупанты не раз принимали его роту за дивизию, а за его голову сулили немалое денежное вознаграждение. Десятки эшелонов, взорванных железнодорожных линий, до сотни лично им уничтоженных гитлеровцев на его счету.

Партийный работник из Башанты Дмитрий Балхананов, тяжело раненный в бою, попал в плен. Он прошел через все ужасы фашистских концлагерей, перед которыми круги «Ада» из «Божественной комедии» великого Данте выглядели просто жалко. Благородная фантазия гуманиста, рисуя самое страшное, не могла додуматься до того, что создавали практически гитлеровские изверги — до Бухенвальдов и Матхаузенов, Майданеков и Освенцимов, Бабьего Яра, газовых камер и крематориев. Все это видел своими глазами Дмитрий Балхананов и не просто, как бесстрастный свидетель, и не просто, как узник, поставивший перед собой задачу любой ценой выжить, а как советский человек, волею судьбы поставленный в эти особые обстоятельства. Он боролся. Он вместе со своими товарищами организовывал подпольные группы сопротивления, устраивал побеги и сам много раз бежал, пока, наконец, не вступил в партизанский полк французского Сопротивления. Где бы он ни был, в каких нечеловеческих условиях не находился бы — его никогда не покидало великое чувство — он советский человек. Будучи в рядах французского Сопротивления, уничтожая оружием фашистов, он не забывал второе грозное оружие — пропаганду коммунистической идеологии: Балхананов выпускал стенную газету. Однажды он посвятил специальный номер годовщине Великого Октября.

Так воевали доблестные сыны калмыцкого народа за пределами своей республики, за свою Советскую Родину.

Пожалуй, в более трудных условиях сражались партизаны на территории самой Калмыкии. Отсутствие лесов и укрытий, ровный ландшафт, открытый на десятки километров горизонт не благоприятствовали ведению партизанской войны. Не было здесь крупных городов, густонаселенных пуннтов. Выедешь в степь и как на ла-

дони видишь всю окружность: и одинокого всадника вдали, и мчащуюся точку сайгана.

Однако патриотизм, любовь к Родине и ненависть к оккупантам-захватчикам не входят в зависимость от ландшафта местности, от географических условий. Тот, кто любит свою Родину и ненавидит врага, всегда находит возможность доказать это, даже ценою жизни. Партизаны Калмыкии убедительно подтвердили это.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1965 года за выдающиеся заслуги в партизанской войне, посмертно, высокими орденами Отечественной войны I степени награждены Тамара Хахлынова и Юрий Клыков, орденом Отечественной войны II степени награжден Володя Косиев. Отважные партизаны сражались в отрядах Гермышева, Чернышева, Яковлева, Аксенова. Нам известны также имена партизан Бадмы Адучиева, братьев Алехиных и многих, многих других, чьи подвиги незабвенны, чьи жизни принесены на алтарь Отечества.

Немецко-фашистские оккупанты заняли территорию нашей республики и ее столицу Элисту, когда почти все, кто мог носить оружие, были уже призваны на защиту Родины или добровольно ушли в армию и сражались на различных фронтах Отечественной войны. В партизаны шли в основном те, кто не был в рядах вооруженных сил то ли по состоянию здоровья, то ли по возрасту: был мал или стар. В партизаны не призывали — туда шли добровольно, иногда преодолевая различного рода преграды.

Легендарная Тамара Хахлынова могла продолжать учебу на медицинском факультете — закон не заставлял ее брать в руки оружие. Законы, как обязательные для выполнения, распространяются на всех граждан любой страны, но, кроме законов, утвержденных декретами, указами правительств, у каждого человека существует закон его совести, нравственности, морали, выработанные воспитанием, школой, традициями народа, социальной системой.

В дни и месяцы, когда священная земля Родины попиралась железной пятой оккупанта, могла ли Тамара Хахлынова, комсомолка, пламенная патриотка, рожденная в год рождения Советской власти, основываясь лишь на том, что официальный закон освобождает ее от армии, быть вне вооруженной борьбы? Нет, не могла. Она повиновалась высшему закону своего сердца и спокойно пошла на выполнение долга совести патриота.

Ее жизнь складывалась так же, как у многих сотен тысяч сверстниц. Только, может, ветры времени сильнее обжигали еще не окрепшее сердце девушки.

Она росла в культурной семье калмыцкого интеллигента, инженера-землеустроителя. С детских лет полюбила книги, в которых

говорилось о благородстве и подвигах, о том, что такое настоящий человек.

Дом отца посещали многие прославленные в народе люди, видные деятели республики, в том числе Василий Алексеевич Хомутников — один из ветеранов и героев гражданской войны. Маленькая Тамара внимательно прислушивалась к беседам старших. За чашкой чая они вспоминали бои и походы недавних легендарных лет. Часто упоминалось имя Оки Ивановича Городовикова, который пользовался в семье огромным авторитетом.

Семья была большая и дружная. Любовь к труду и самостоятельности прививались детям с ранних лет. Отец был добр, но и требователен. Пример трудолюбия детям показывал сам.

Тамара рано познала горе, потеряв любимую мать. Заботы о доме теперь ложились на ее плечи. Она стала настоящей «маленькой хозяйкой большого дома». Но не надолго. В семью пришла замечательная женщина, учительница Надежда Тутяновна Курашова. Заслуженная учительница Калмыцкой АССР и РСФСР, она любила детей, находила пути к их сердцам. Ей это было дано не только профессией, но и добрым женским сердцем.

В школе Тамара была одной из лучших учениц и активной общественной деятельницей. Работа в комсомольской организации помогала ей приобрести новых друзей, хотя и так их было немало. Она тянулась к людям — люди тянулись к ней. Ей хотелось делать много-много добра людям, облегчать их боль, страдания. Мечтая о своем будущем, она избрала профессию врача.

Окончив астраханский медицинский техникум, Тамара поступила в Сталинградский медицинский институт. Казалось, желанная мечта осуществляется, жизнь улыбается ей. Так казалось. Но судьба приготовила ей второй удар в жизни, не менее тяжкий, чем первый — смерть матери: был арестован и обвинен во вредительстве отец. Кто-то, а уж Тамара знала своего отца, знала, что все обвинения против него — клевета, но что она могла поделать? Как и кому она могла доказать, что он не таков, что он советский человек и воспитал ее, всех своих детей патриотами любимой им советской страны.

А в мире уже пылала война. Европа стонала под нованым сапогом Гитлера. Распоясавшийся фашизм неистовствовал. Возможность войны, в которую будет втянута наша держава, с каждым днем становилась очевидной. Хотя и существовал пакт о ненападении, но народ знал, что такое агрессивный немецкий империализм.

Тамара готовилась к войне. Она занималась спортом, училась метко стрелять.

И вот война началась. Все помыслы народа были на фронте, там, где решалась судьба отечества. Тамара пыталась неоднократно добровольно уйти на войну, но это ей не удавалось — учеба на медицинском факультете приравнивалась к учебе в военном учебном заведении.

Лавина войны докатилась до Калмыкии, немцы оккупировали Элисту. Фронт подошел к Астрахани. Наступал критический момент в ходе войны.

Тамара стала партизанкой. Она сражалась в отряде Яковлева. Была бойцом и медсестрой. Не один раз она показывала пример беззаветной храбрости, воодушевляя этим своих товарищей. Много немецких оккупантов нашло свою бесславную смерть в наших степях от рук юной мстительницы.

И вот последний бой. Неподалеку от Элисты, в ложбине, небольшую горстку отважных партизан окружила вооруженная до зубов немецкая часть. Грянул последний бой, в котором Тамара выразила всю свою любовь к родной отчизне и ненависть к подлому врагу. Из этой битвы Тамара шагнула в бессмертие.

В те суровые годы «Правда» в номере от 25 февраля 1943 года писала: «За честь, свободу и независимость своей Отчизны сыны и дочери Калмыкии отдадут свои жизни. Немало славных подвигов совершили они на благо любимой Родины. Из уст в уста передается рассказ о подвиге юной партизанки Тамары Хахлыновой, которая в неравной схватке уничтожила десять фашистов-нарателей, а одиннадцатому — офицеру — раздробила прикладом голову».

Молва о подвиге Тамары Хахлыновой вышла далеко за пределы Калмыкии. О ней пели песни на фронтах Отечественной войны. Вот слова из песни «Про Тамару», которую пели солдаты на Орловско-Курской дуге:

Над курганом одиноким
Пролетела хмара.
Мстить за смерть идет с отрядом
Юная Тамара.
Чтоб родная степь, как прежде,
Вольностью дышала,
Сторона родная вечно
Радостью сияла.

Герои не умирают. Народ бережно хранит в своей памяти их бессмертные имена. Они вдохновляют поэтов. О Тамаре Хахлыновой создано много стихов и песен калмыцкими поэтами. Народный поэт республики Санджи Каляев написал патриотическую поэму «Тамара».

Я мысленно вижу сейчас Тамару Хохлынову в последнем стремительном броске, с выкинутым вперед прикладом автомата. Красивая, юная, хрупкая, но и беспощадная, сильная, непоколебимая, она как бы летит в легенду через победу над неправой силой зла, в лице фашистского офицера, не испуганного, а изумленного величием духа этой калмычки, потрясенного открытием в предсмертный миг истины: такой народ победить нельзя!

Подвиги погибших героев остаются завещанием для живых. Названия улиц Юрия Клыкова и Володи Косиева в г. Элисте заставляют задуматься людей о времени и о себе. Эти шестнадцатилетние партизаны, еще не вышедшие из отроческого возраста, юные романтики, запоем читавшие Пушкина и Маяковского, Байрона и Багрицкого, Фурманова и Гайдара, поистине были детьми своего времени — времени, овеянного героикой гражданской войны. Они были рождены для высоких подвигов.

Всего лишь два дня не дожил до семнадцати лет Юрий Клыков. До семнадцати. Он родился в семье Константина Максимовича Клыкова — чекиста школы Феликса Дзержинского, человека мужественного и честного.

Юра учился в школе № 2 г. Элисты. Общительный, веселый, любознательный, он участвовал во многих кружках. Увлекался музыкой, спортом. Он был, вероятно, чуть-чуть скептиком, как и все отроки этого возраста, любил иронизировать. Его друг Виктор Кузьменко вспоминает о том, как они вместе дежурили на крыше своей школы во время одного из налетов немецких самолетов. Виктор спросил: «А что бы было, Юра, если бы бомба сейчас упала на нас?» Юра подумал, усмехнулся и ответил: «На обломках школы № 2 написали бы наши имена!»

Фраза сказана шутиливо. Но за нею возникает образ того, кто сказал. При каких обстоятельствах сказана и о чем говорит она? Вспомним: с ревом проносятся стаи железных коршунов, с черной паучьей свастики на крыльях, разбрасывая вокруг смерть и разрушение. Настоящую смерть, настоящее разрушение, а не как в кино. Шестнадцатилетние мальчишки, мальчишки в буквальном смысле слова, несут службу взрослых людей на войне — они с огнетушителями, ведрами с песком ждут падения бомбы, а может не одной, чтобы вступить с нею или с ними в борьбу и спасти здание своей школы. Мальчишки понимают ответственность момента. Они мальчишки, но особые, особого времени, которое заставляет их быстро взрослеть. Им даже порой бывает неловко оттого, что они мальчишки, но взрослые. Возможно, в той обстановке, когда Виктор задал свой вопрос, страх закрадывался в их души, который простителен детям, но не простителен взрослым, несущим службу

на войне. Юра отвечает: «На обломках шнолы № 2 напишут наши имена». Как возникла именно эта, а не какая-либо другая фраза? Мы сразу вспоминаем Пушкина, его послание «К Чаадаеву»: «И на обломках самовластья напишут наши имена!» Пушкин! Это он был в той суровой обстановке в сердцах юных патриотов, а Пушкин — Россия. Но Юра перефразировал слова поэта, потому что Юра будучи Юрой, а не Пушкиным считал нескромным произносить эти слова поэта в применении к себе. Юра был в том возрасте, когда отроки чувствуют неловкость оттого, что они так чисты душою, так хороши. Потому иногда они напускают на себя то, чего в них вовсе нет. В фразе, высказанной Юрой в шуточной форме (во время бомбежки), мы ясно видим то, что у него было на душе: готовность отдать жизнь за свободу! Не плакать же ему было тогда или еще хуже, произносить риторические тирады, которые произносят плохие поэты в другой обстановке. Он в шуточной форме (когда смерть летала над ними) выразил выношенную им сокровенную идею. Вспомним стихи Пушкина, отчетливо выражавшие состояние духа и настроение юных патриотов в то время:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуту верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Вот те пламенные строки, ставшие девизом жизни юного патриота. Он был верен этому девизу до последнего дыхания и, скажем наперед, был достоин этого девиза.

Мать Юрия Клыкова, Раиса Ивановна, вспоминая о сыне, говорила, что он знал наизусть множество стихов Пушкина, Лермонтова и других поэтов. Он был влюблен в поэзию.

В 1942 году Юрий Клыков вступил в партизанский отряд «Гром», под командованием Ильи Гермышева. Отряд действовал в открытой местности и, выполняя спецзадание, дошел до Ики-Бурула, где нынче добывают газ. Партизаны разрушали коммуникации врага, уничтожали обозы, карали предателей и полицаяев. Удары народных мстителей были настолько чувствительны, что оккупанты бросили против них значительное воинское подразделение. Партизаны были окружены. Завязался неравный бой.

Истребив восемь гитлеровцев, после того, как кончились все патроны, Юра был взят карателями и оказался в застенках гестапо. Документы говорят о том, как бесстрашно вел он себя на допросах. Лишенный какого бы то ни было страха и лишенный надежды, уверенный в том, что его расстреляют и не желая пощады от фашистов, Юра издевался над врагами, бросая им в лицо свое сожаление по поводу того, что «только восьмерых гадов убил».

Когда тебя окружают вооруженные до зубов враги, а у тебя нет пистолета, чтобы выстрелить хотя бы в одного из них, нет ножа, чтобы заколоть хотя бы одного из них, нет гранаты, чтобы взорвать их и себя, когда твои враги предвкушают удовольствие от того, что они через несколько минут или часов пустят тебе пулю в лоб, — как нужно поступать тогда, нужно ли доставлять им радость убить тебя?

Юра нашел ответ на этот нелегкий вопрос.

Враг может делать с тобой все, что ему заблагорассудится: пытаться, унижать, издеваться, морить голодом до тех пор, пока ты жив и он сильнее тебя постольку, поскольку жив ты. Но твоя жизнь принадлежит тебе, только тебе. И наступает момент, когда эта жизнь — самое дорогое, самое лучшее на свете, самое высшее счастье, отпущенное тебе судьбой, — становится твоим врагом, пособником твоих врагов, ибо она дает им возможность ощущать себя сильнее, чем ты, и поступать с тобой так, как им заблагорассудится. Почувствовать этот момент и принять решение, соответствующее моменту, может только человек мудрый и могучего духа. Мудрость и могучий дух — удел не только зрелых мужей. Правое дело, во имя которого юный герой идет на эшафот, делает его мудрее столетних старцев, доживших до этого возраста, благоразумно оберегая свое дорогое для них, но никчемное для других существование, ибо это нельзя называть жизнью. Юра решил лишить себя права дышать и видеть, чувствовать и слышать, лишить себя той жизни, которая сейчас делает врагов сильнее, чем он. Он решил так умереть, чтобы смерть его заставила содрогнуться врагов, чтобы видели они в нем не просто одного умершего партизана,

à одного из миллионов таких же, как он, живых и чтобы они поняли (ибо смерть всегда внушительна), что Юра не погиб, а жив в тех миллионах, которые сражаются на огромном плацдарме, от моря и до моря, и они, эти миллионы, таковы же, как он.

Запомни, читатель, день 13 ноября 1942 года. 13 ноября 1942 года Юра привел в исполнение свое решение. На глазах у всех. Его подвиг видели друзья-партизаны и враги-фашисты. С разбега он ударился головой об угол кирпичного здания и рухнул замертво. Это зафиксировалось в расширенных от удивления, восхищения, испуга, зрчках глаз всех, кто видел. Так разбиваются свободолюбивые орлы, когда их водворяют в клетку. Но смерть Юрия Клыкова была не актом самоубийства, а проявлением высшей степени героизма, яркой вспышкой подвига, доступного человеку, сиянье которого украшает людсь, она была выстрелом не в себя, а собой во тьму Зла, во имя утверждения своей непобедимости. Юрий Клыков своей гибелью продемонстрировал ярость и неукротимость духа, гнев и волю народа, способного на такое, что совершил он. «Мы не боимся, страха смерти в нас нет, нас не победить!» — доказательство этих положений лежало в основе решения юного героя.

Почти мальчик, который наверно обижался, когда его называли Юрочкой, Юра, не отжив, не отлюбив, но возвысив себя над физическим существованием, поправ самую смерть, завоевал себе право на бессмертие, на жизнь в сердцах и думах грядущих поколений.

В один день с Юрием Клыковым погиб его друг, одноклассник и партизан Володя Косиев.

Отец Володи, Хонин Косиевич Косиев, был человеком большой культуры, интеллигентом, народным учителем, автором многих учебников, по которым учились все мы, люди моего поколения. В 1937 году его, как и многих других, неожиданно арестовали и объявили «врагом народа». Володе было тогда 12 лет. Его старшая сестра Женя училась с нами в 8 классе. Они оказались «детьми врага народа». Семью выселили из благоустроенной квартиры в 6-м жилдome. Косиевы стали жить в хибарке с земляным полом по Кировской улице.

Когда Володя оказался в руках гестаповцев, «проницательные психологи», «специалисты» по проникновению в тайники человеческих душ, каковыми считали себя фашистские следователи, попытались схватиться за этот эпизод из биографии партизана и сделать из него изменника Родины, предателя. Но откуда было им знать, что Володя Косиев не из тех, кто мог бы частную несправед-

ливость, учиненную по отношению к нему кем-то неизвестным (он но винил Сталина и не мог винить его тогда), отнести к природе советского строя, к своей родной стране. Откуда было понять им, продажным фашистским выродкам, что это обстоятельство из биографии, наоборот, возможно, заставило его совсем юного, пойти в партизаны и доказать, что он преданный сын своего народа, что тот, кого обложно объявили «врагом народа», воспитывал из него достойного сына Родины. И когда на одном из допросов стали ему говорить о его отце те же слова, что писали в газетах: будто отец враг большевиков, будто он вредил Советской власти и своему народу, когда стали говорить о том, как сейчас его отец страдает в тюрьме (а об этом сам Володя думал часто, ибо он знал, что его отец действительно страдает без вины, ни за что, и мучился от бессилья помочь ему) — вдруг осенила его мысль, от которой внезапно стало легче на душе, будто он проснулся от кошмарного сна. Он знал, как сейчас помочь отцу. Володя внезапно поднялся с места, словно собирался сообщить что-то важное, но тут же здоровой рукой мгновенно схватил табуретку и, не дав опомниться, нанес удар по голове следователя с таким ожесточением, будто наносил удар по голове того, кто пытал отца.

Его били, истязали, перебили вторую руку, изуродовали лицо так, что нельзя было узнать. Но отважный партизан не дрогнул, стойко выдержал все испытания, доказал, что он является преданным сыном своей Родины. Он пал смертью храбрых.

Таковы те, кого народ удостоил высокими наград, ибо подвиги, совершенные во имя Отчизны, никогда не забудет благодарная память Родины.

Партизаны Калмыкии сражались вместе со всеми сынами народов нашей страны. Дружба народов Советского Союза, сцементированная мудрой национальной политикой Коммунистической партии, дала свои плоды на полях Великой Отечественной войны. Высокая нравственность, моральная стойкость советского народа прошла суровую школу. Превосходство социалистической системы над капиталистической было доказано появлением, в результате поражения фашизма, целого ряда социалистических держав.

20 лет отделяет нас от дня Победы и почти четверть века от начала второй мировой войны. Выросло новое поколение, которое знает о прошлой войне лишь по рассказам участников, из истории,

книг и кинофильмов. Выросло новое поколение, чье счастливое настоящее было обеспечено ценою великих жертв, ценою страданий и мук миллионов, которых нет сегодня в живых, но которые могли бы быть живы.

Память о них, о тех, кто погиб во имя будущего своей отчизны, призывает нас быть бдительными и достойными своего времени.

Пусть же имена славных героев служат примером беззаветного служения Родине и высокого патриотизма молодому поколению строителей коммунизма.

1965 г.

Литераторы и литература

У памятника Пушкину

Я гляжу на бронзовый памятник Пушкину. Он стоит, чуть склонив обнаженную голову. Над ним в синей вечности неба плывут громадные облака. Я внимательно вглядываюсь во вдохновенное лицо поэта, запоминаю каждую черту, всматриваюсь в каждую складку плаща, стараясь навсегда запечатлеть в памяти сердца дорогой образ. Наизусть читаю пророческие строки, высеченные на пьедестале монумента:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

Я думаю: как мог он, великий певец земли русской, предсказать, что я — «друг степей калмык» — через столетие буду благоговейно стоять у его изваяния и шептать его имя. Да я ли один?

Я вспоминаю народного учителя, старого калмыка Халявкина Эмге. Летом прошлого года в Элисте, после чтения стихов, ко мне подошел Эмге Халявкин.

— Я все годы записывал народные песни. Может, они вам будут нужны, — проговорил он, передавая мне две ученических тетради с голубыми обложками. Я поблагодарил его. Но...

— Одну минутку, — сказал он, — смущенно протягивая руки за тетрадами.

Я вернул их и невольно стал наблюдать за его пальцами, быстро переворачивающими мелко исписанные страницы.

— Подождите! — встревоженно воскликнул я, когда увидел, что он собирается вырвать лист с рисунком.

— Зачем вам этот несовершенный рисунок? — спросил у меня Эмге. На рисунке я увидел знакомое лицо Пушкина. Он стоял, облокотившись о передок запряженной повозки. Перед ним пела молодая калмычка, аккомпанируя себе на домбре. А рядом старик, видимо, ее отец, держит под уздцы оседланного коня. А за ними широкая, бескрайняя калмыцкая степь. И — странно! Все лица на рисунке были мне знакомы, только я не мог точно сказать, кто они, из числа моих знакомых? Кто это поет? Неужели та самая калмычка, которая... которой Пушкин посвятил написанные единым духом стремительные и удивительно легкие стихи:

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.

Но та ли это калмычка? Правда, на ней старинный калмыцкий наряд, но лицо... оно одухотворено поэзией Пушкина. А старик? Кто тот старик, который держит под уздцы коня? Быть может, это он рассказал Пушкину чудесную сказку об орле и вороне? Он мог рассказать, но это не его лицо. Это лицо скорее самого старика Халявкина, старательно выводящего кудри родного поэта тонко очиненным карандашом. Я долго рассматривал этот рисунок, несколько наивный, исполненный рукой не профессионала, рисунок, в котором было столько явного анахронизма. Но ведь случается иногда, что ты человека яснее видишь в его ошибке. Старый учитель-калмык не случайно нарисовал Пушкина среди сегодняшних калмыков, ибо только после Октябрьской социалистической революции великий русский поэт пришел к нам и живет среди нас, звонкий и блистательный.

Я гляжу на бронзовый памятник Пушкину. Слово большие думы поэта, плывут над его головой громадные сегодняшние облака. Какие стихи написал бы он, если бы увидел наши степи сегодня? Как бы он был изумлен, увидев машины, беспрестанно сну-

ющие по степи, груженные тяжелым зерном пшеницы. Что бы он сказал, неожиданно встретив в степи идущую за отарой овец депутата Верховного Совета Союза ССР чабана Шуру Дохоновну Кичикову? Какая интересная беседа у него завязалась бы с нашей ученой Буляш Тодаевой, недавно вернувшейся из Китая, из научной командировки? Как бы он стал слушать свои стихи и поэмы на калмыцком языке?

Великие перемены произошли в нашей степи. В это лето русский поэт Семен Липкин, калмыцкий писатель Лиджи Инджиее и я побывали во многих районах Калмыцкой республики. объездили всю степь, начиная от Сарпы под Сталинградом до Башанты под Сальском. Там, где степь изнывала под палящими лучами жаркого солнца, возникли озера и пруды.

Зазелзтели бахчи с огромными, холодными арбузами. Словно леса, километрами тянулись поля с кукурузой — выше роста человека. Встречались бесчисленные отары тонкорунных овец. Но самое главное — люди. Люди, которые преобразуют степь, строят коммунизм. Что бы о них, как бы о них писал Пушкин? О них пишут наши современники, о них должны писать мы, и о том, как должны мы писать, я думаю, глядя на памятник Пушкину.

1958 г.

М

Об очерке Н. В. Гоголя «Калмыки»

Московский поэт-переводчик Давид Григорьевич Бродский сообщил мне, что он обнаружил неизвестный очерк Н. В. Гоголя «Калмыки».

Давид Григорьевич давно творчески связан с калмыками. Еще до войны он издал книгу своих переводов калмыцкого фольклора и современной поэзии. С тех пор у него не угасает интерес ко всему, что касается истории и культуры нашего народа. Он показал мне книгу «Гоглевские тексты», приобретенную им случайно у букинистов. Она издана Григорием Георгиевским в 1910 г. в Санкт-Петербурге. Очерк «Калмыки» занимает 14 страниц, с 418 по 431 включительно.

Во «Введении» Г. П. Георгиевский сообщает, что «Гоголевские тексты» извлечены им из собственных рукописей Н. В. Гоголя. Они нигде и никогда не печатались. Лишь об очерке «Калмыки» и начальных сведениях о путешествии Палласа коротко упоминалось в VII томе сочинений Н. В. Гоголя, изданного в 1896 г.

Понятно, с каким волнением и благоговением я раскрыл первые страницы этой замечательной книги.

«Гоголевские тексты» охватывают широкий круг вопросов, интересовавших автора, как чисто литературных, так и касавшихся истории и географии России.

Очерк «Калмыки» относится к материалам по географии России, который собирал Н. В. Гоголь в начале тридцатых годов.

Известно, что в это время Н. В. Гоголь решил посвятить себя педагогической деятельности. В 1833 году он принял окончательное решение, а в 1834 году был уже назначен на должность адъюнкт-профессора Санкт-Петербургского университета по кафедре всеобщей истории.

Это был период, когда под непосредственным влиянием бесмертного Пушкина складывались идейно-художественные позиции будущего великого писателя.

Н. В. Гоголь, в то время уже автор знаменитой книги «Вечера на хуторе близ Диканьки», был неудовлетворен состоянием преподавания истории и географии. Эти важнейшие науки, изучение которых должно было с юных лет прививать учащимся любовь к своей Родине, к ее былому и настоящему, людям и природе, оторванные от жизни и насущных проблем эпохи, преподавались сухо и скучно. Причиной тому была не только методика, но и книги.

Приняв решение посвятить себя педагогической деятельности, Н. В. Гоголь с присущим ему усердием и добросовестностью познакомился с состоянием всех гуманитарных наук и прежде всего истории и географии.

В эти годы он задумал написать книгу «Земля и люди», состоящую, как сообщал он в письме профессору Погодину в 1833 г., из двух или трех томов. Ему не удалось осуществить свой замысел, хотя он стремился к этому всю жизнь. Под конец жизни Н. В. Гоголь писал графу Орлову: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая география, начертанная сильным, живым слогом... такую книгу (мне всегда казалось) мог составить только такой писатель, который умеет схватить верно и выставлять сильно и выпукло черты и свойства народа, а всякую местность со всеми ее красками выставлять так живо, поставлять так ярко, чтобы они навсегда оставались в глазах, который, наконец, имел бы способность сосредоточивать сочинение в одно слитное целое... книга эта составляла давно предмет моих размышлений. Она зреет вместе с нынешним моим трудом и, может быть, в одно время с ним будет готова. В успехе ее я надеюсь не столько на свои силы, сколько на любовь к России».

Нам приходится только сожалеть, что Гоголю не удалось осуществить свой замысел и написать эту волнующую книгу. Но его

работа по собиранию материала для будущей книги до некоторой степени возмещает этот неосуществленный замысел.

Умение Н. В. Гоголя «схватывать верно и выставлять сильно и выпукло черты и свойства народа» видно из его сокращенного изложения глав многотомного описания Палласа «Путешествия по разным провинциям Российской империи». Вот как излагает Гоголь сообщения Палласа о калмыках:

«Калмыки почти все среднего роста, не толсты, как башкирцы и киргизы, сановиты, уродов между ними нет, чему причиной порученное одной природе воспитание детей. Доброта, откровенность, услужливость, веселость — их добродетели, порок же только один — неопрятность. У них меньше чем у других праздности. По своему доброму духу они могут называться трудолюбивыми. Женщины даже обременены работами. Кочуя зимой при Каспийском море, где довольно находится камышу для дров и мест непокрытых снегом для корма скота, они с наступлением весны подвигаются на север, стараясь захватить напосенные Волгою места, особенно ища холмистых, песчаных, ключами изобильных и где растет осока и тростники».

Материалы по географии, собранные Гоголем, показывают, с каким напряжением и интересом собирал их великий писатель. Только для написания этнографического очерка «Калмыки» он должен был прочитать всю литературу о калмыках, существовавшую в то время. А она уже тогда была довольно обширна. Его очерк свидетельствует о том, что он знал калмыцкий фольклор, «Джангар».

В своей публикации Г. П. Георгиевский сообщает о шести тетрадах Н. В. Гоголя, которые «не только не оценены биографами Гоголя, но в полном своем виде остаются даже и не описанными и не отмеченными».

К сожалению, этот пробел остается не восполненным и по сегодняшней день. Они не вошли ни в собрание сочинений в 14 т., изданное в 1937—52 гг., ни в собрание сочинений в 6 т., изданное в 1952—1953 гг. Вероятно, этнографический очерк «Калмыки» должен был войти, но не вошел, в тома, увидевшие свет в начале 50-х годов, когда отдельные наиболее осторожные авторы, цитируя знаменитое четверостишие из «Памятника» А. С. Пушкина, начинающееся строкой: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...», вместо двух последних строк, из-за рифмующегося слова «калмык», ставили спасительное, но неуместное многоочие.

Вот что говорил Г. П. Георгиевский о пятой тетради, куда вошел очерк «Калмыки»: «Пятая тетрадь представляет собою лист

белой писчей бумаги, сложенный в восьмую долю, и содержит в себе этнографический очерк под названием «Калмыки»; причем в тетрадь вложена отдельная восьмушка, содержащая первую, черновую редакцию начальных строк третьей восьмушки тетради; две последние восьмушки тетради остались белыми. Содержание очерка представляет собою сокращенное изложение некоторых частей книги «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым». СПб. 1834».

Исходя из этого сообщения, некоторые литературоведы делают вывод, что де очерк «Калмыки» не оригинальное произведение Н. В. Гоголя и потому нет надобности включать его в собрание сочинений, печатать, — тем самым, вольно или невольно принижают значение замечательного труда.

Они легкомысленно не придают значения тому обстоятельству, что, если даже Н. В. Гоголь и конспектировал некоторые части книги Н. Нефедьева, то конспектировал не как студент лекцию преподавателя, а обращался к труду известного калмыковеда, как к одному из источников, дающих факты для подтверждения его, Гоголя, взглядов и убеждений.

Они, вышеупомянутые литературоведы, не могут по-должному оценить каждое слово, каждую строку, фразу, тщательно выведенные на чистом листе белой бумаги натруженной рукой великого писателя, взвешенные могучим умом русского гения. (Сообщает же Георгиевский о вложенной в тетрадь осьмушке бумаги с черновой редакцией начала очерка).

Но еще Пушкин говорил общеизвестные нынче слова о том, что каждая строка, будь то даже счет портному, написанная рукою гения, будет представлять великую ценность для потомков. Очерк же Гоголя «Калмыки» — не счет портному, а написанное собственноручное свидетельство его о его взглядах по тому вопросу, который мы нынче называем национальным, а если говорить шире — очерк выражает интернациональную сущность мировоззрения его автора.

Слов нет, очерк «Калмыки» — конечно же не «Мертвые души». Но факты и явления, трансформированные через мышление гения, для нас приобретают значение первоисточника, и никто не вправе это игнорировать.

Г. П. Георгиевский, вступая в полемику с биографом Н. В. Гоголя — В. И. Шенроком, говорит: «Печатаемые материалы по географии России способны убедить в необыкновенном трудолюбии его и в той огромной затрате времени и труда, которую он посвятил изучению и переложению «множества книг», вопреки заявлению биографа его о том, что у Гоголя не хватало будто бы

терпения «перервать множество иногда самых неинтересных книг».

Почему бы, в таком случае, не допустить нам мысль, что Н. В. Гоголь среди «множества книг» читал и книги с сообщениями о калмыках, вышедшие в свет в конце XVIII, в начале XIX века, Бакунина, Рычкова, Лепехина, Миллера и др.? Ведь читал же он Палласа, да еще как читал! Перекладывал!

Есть все основания предполагать, что большую помощь Гоголю в работе над очерком оказал блестящий знаток Востока, выдающийся ученый, синолог, чуваш по национальности, монах Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин), хорошо знавший историю, культуру, быт ойратов, Джунгарию. Его книга «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» вышла в свет в том же 1834 году, одновременно с трудом Н. Нефедьева. Она была тепло принята не только читающей публикой России, но и в Европе. Н. Я. Бичурин был в дружеских отношениях с Пушкиным, Крыловым, Одоевским, со всеми выдающимися деятелями своего времени. В библиотеке Пушкина сохранилась книга Бичурина с дарственной надписью автора.

Книгой Н. Я. Бичурина «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» еще до появления в свет, в рукописи, пользовался А. С. Пушкин во время работы над «Историей Пугачева». Вот что он писал по этому поводу: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побегах калмыков обязаны мы отцу Иакинфу. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из неизданной еще его книги о калмыках».

Этнографический очерк «Калмыки» был написан еще в тридцатые годы, когда Н. В. Гоголь лично познакомился с А. С. Пушкиным. Об этой поре Д. Д. Благой писал: «Начало 30-х годов — время знакомства и очень оживленного и тесного личного общения (в летние месяцы 1831 года почти ежедневных встреч) Гоголя с Пушкиным. Из писем как самого Гоголя, так и Пушкина известно, что во время этих встреч Пушкин знакомил Гоголя со своими новыми, тогда еще не опубликованными произведениями и литературными планами...»

После смерти великого поэта Н. В. Гоголь говорил: «Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничто были мне все толки, я плевал на презренную чернь... мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничто не предпринимал, ничего не писал без его совета. Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему... ни одна строка не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим. Я тешил себя мыслью, как будет доволен он,

угадывал, что будет нравиться ему, и это было моею высшею и первую наградою».

Известно, что А. С. Пушкин хорошо знал историю калмыков, знал их жизнь и быт, бывал у калмыков, делал большие выписки из книг о калмыках. В уста Пугачева он вложил чудесную калмыцкую сказку об «Орле и вороне». Кстати сказать, начало работы Н. В. Гоголя по сбору материалов для задуманной им будущей фундаментальной многотомной книги «Земля и люди» совпадает как раз с тем периодом, когда А. С. Пушкин интенсивно трудился, собирая материалы по истории России вообще и по истории Пугачева, в частности, в которых немало говорится о калмыках. Тогда же, примерно, Пушкин окончательно завершил «Путешествие в Арзрум», где опять же говорится о калмыках, написал свое знаменитое стихотворение «Калмычке». В это время Гоголь пишет этнографический очерк «Калмыки». Случайно ли все это? Думается, что нет. Как признание самого Гоголя о том, что он не писал ни одной строки без ведома Пушкина, так и тот глубокий интерес, который проявлял А. С. Пушкин к судьбе калмыцкого народа, дают основание предполагать, что очерк «Калмыки» был написан автором не без ведома его учителя и наставника.

При чтении очерка «Калмыки» поражает изумительное умение видеть. В сравнительно небольшом очерке ярко показана вся жизнь калмыков начала XIX века. Этот очерк свидетельствует о том, что великий писатель уже тогда видел в России единое многонациональное государство со всеми народами, входящими в его состав, и судьбы всех народов одинаково волновали сердце гениального гуманиста. Он хотел, чтобы каждый россиянин хорошо знал свою родину, ее территорию, народы и племена, входящие в состав России, знал и уважал обычаи этих народов и племен. «Чтобы еще во младенчестве ему было видно, к чему именно каждый из этих племен способен вследствие орудий и сил ему данных, и обращал бы внимание... на особенности каждого из них, уважал бы обычаи, порожденные законами самой местности, и не требовал бы повсеместного выполнения того, что хорошо в одном угле и дурно в другом».

Составной частью книги «Земля и люди», которая показала бы Россию со всеми народами, входящими в нее, должен был явиться очерк «Калмыки».

В начале очерка Гоголь точно и живописно набрасывает ландшафт калмыцких степей:

«Почва степей, занимаемых ими (калмыками — Д. К.), песчана, солонцевата и иловато-глиниста. Везде силы подводного состояния, исчезающие с приближением к высотам, называемым Ир-

гениями. Иргени тянутся на северо-западной стороне степей непрерывной степью... При исходе иргенинских гор есть озера, но вообще степь бедна водами. Небольшие речки тянутся в песках, другие имеют солонцевато-горькие воды, текут весной и почти исчезают к осени». Далее Н. В. Гоголь дает точное описание флоры и фауны, климатических условий калмыцких степей.

Великий писатель, который как никто другой умел видеть язвы и пороки своего времени, мог изобличать и показывать в бессмертных образах всех чичиковых, ноздревых, собакевичей, и в этнографическом очерке о калмыках дает убийственную характеристику правящим кругам, феодально-помещичьей знати калмыков. «Нойоны ведутся с незапамятной древности, наследственны, деспоты, могут располагать даже жизнью подвластных. Власть, однако ж, умерилась русским правительством», — сообщает Гоголь. А вот как он говорит о зайсангах (нойон был приравнен к титулу князя, зайсанг — дворянина): «Зайсанги, род вассалов, так же наследственны, владельцы аймаков, с которых собирают подать и требуют прислуги. Так же называются белые кости, но нойоны, однако же, могут их наказывать и отваливать по белым костям».

С гневом и сарказмом Гоголь разоблачает истинное лицо буддийского духовенства — гелюнгов и лам — этих тунеядцев и бездельников, одурманивающих народ. «По закону ламайскому, — пишет он, — духовенство безбрачно и должно вести строгую монашескую жизнь, оставаясь при капищах. Но вместо того они ведут бродяжническую жизнь, надувайлы и мерзавцы... Они, кроме того, что ведут веселую жизнь, участвуют еще в грабежах, в угонах скота, нет скверностей и ни одного уголовного дела, в котором не попался бы духовный... Гелюнги высшие духовные, а лама первосвященник, получавший сей сан прежде от Тибетского Далай Ламы, теперь, за дальностью места, обходится с помощью русского правительства».

Калмыки, как и все малые народы России, во времена царского самодержавия находились под двойным гнетом. Трудовой народ одурманивался не только «своими» нойонами, зайсангами, гелюнгами, но и в дополнение обдирался царскими чиновниками, купцами, всякого рода проходимцами и мошенниками. Они сообщали калмыкам картежную игру, пишет Гоголь, до которой калмыки «стали страстные охотники: дуют в горну, в марьяж или в марью, цыхру, армянскую игру без козырей. Степные купцы продают им игранные колоды по рублю и по два за каждую. А кто заведет у себя игру в кибитке (из богатых), тот берет с запальчивых игроков за новую колоду от 5 до 20 рублей». Если иметь в виду цены тех времен, понятно, как наживались купцы и богатые

спекулянты только на игральных картах. А между тем, положение трудового калмыцкого народа в то время было таким, что в наши дни даже трудно вообразить. Гоголь пишет: «Мясное едят редко и только к празднику режут барана, в обыкновенные дни питаются вареным кирпичным чаем». Далее: «Кибитка, — говорит он, — страшно холодна. Дети (нагие) в силу согреваются, сидя на цыпочках вокруг огня, прикрыв кое-чем спины. Дыму много».

Здесь интересно отметить тот факт, что прогрессивные русские исследователи, изучая состояние калмыцкого народа, прежде всего обращали внимание на то, как живет абсолютное большинство народа, то большинство, которое, влача ужасное существование, трудится дни и ночи, в палящей зной и морозную мглу, недоедая, недосыпая. Они с гневом сообщали сведения о рабском правовом положении простолюдинов, предпринимая все усилия к облегчению их тяжкой участи. Если в России крепостное право было отменено в 1861 году, калмыки от рабства были формально освобождены лишь в 1893 году, через тридцать с лишним лет. Говоря о рабстве, я имею в виду не узаконенное, т. е. юридическое рабство, а фактическое, когда человека можно продать и купить, пытать и убить.

Между прочим, в те годы, когда положение калмыцкого народа было таким же, как при Гоголе, примерно через четверть века после очерка «Калмыки», наши степи посетил Александр Дюма. И что же он увидел? Ничего, кроме той «потемкинской деревни», которую устроил для него калмыцкий князь Тюмень. Угощения обильными яствами, шумные скачки на неукротенных степных конях, прочие увеселения. А результатом посещения знаменитым европейским писателем калмыцких степей было обширное, местами фантастическое, письмо к сыну, да два типичных мадригальчика, посвященные княгиням. Вот что писал он о князе Тюмене: «Это в некотором роде калмыцкий царь; у него пятьдесят тысяч лошадей, тридцать тысяч верблюдов и десять тысяч баранов, а сверх того очаровательная восемнадцатилетняя жена с раскосыми глазами и жемчужными зубами; говорит она только по-калмыцки. Она принесла в приданое мужу полторы тысячи шатров — у него их было десять тысяч — со всеми их обитателями».

Теперь сравните это с «кибитка страшно холодна...» и т. д.

Очерк Гоголя «Калмыки» имеет исключительно важное познавательное значение для поколения, родившегося в советское время, он поднимает тьму прошлого, и свет сегодняшнего дня становится ярче.

Интересно сообщение Гоголя о калмыцком устном народном творчестве. Ему известна система калмыцкого стихосложения. «Калмык способен верить чудесному и охотник до сказок, — пишет

он. — Иногда по три дня слушает предания о подвигах сказочных героев, которых очень любит. Рассказчики водятся мастера своего дела и сопровождают, где следует, пением, музыкой, телодвижением, где нужно, подражанием голосу животных. Герои бывают ростом несколько верст, махом меча поражают целые тысячи, конями перескакивают моря и горы. Более всех других нравится баснословная повесть Джангар. Замечательный всякий случай рождает у калмыков песню. В замен рифмы строки начинаются с одинаковых букв и звуков. Предметы их: подвиги наездников, достоинства коней, любовные приключения. Странствия, где были, что ели, что делал их хозяин. Часто является наклонность к иронии и оригинальная острота».

В своем очерке Гоголь приводит ряд мудрых и метких афоризмов из калмыцких книг. Вот некоторые из них:

«У всякого человека желания неограничены, но благоразумный питает их втайне».

«Благоразумен тот, кто приятною улыбкою уничтожает вредные замыслы врагов, не показывая им и вида неудовольствия».

«Не пренебрегай никем из ближних, и не говори худо. После он может быть и добрым; равно не превозноси ничьих достоинств выше меры: узнать их трудно».

«При излишнем гневе к рабам редко можно иметь около себя служителей».

«Один человек истинно образованный блистает в мире сем, как солнце; тогда как многие невежды в совокупности не могут уподобиться и звездам».

«Скворец, сколь бы не жаждал, стоячую воду пить не будет, так и умный человек, в какие бы бедствия не впал — советам глупого не последует».

Гоголь записывает две калмыцкие пословицы, сопровождая их словом «замечательные». Вот они:

«Видя близкую смерть, и мышь укусит кошке хвост».

«На одном верблюжьем помете тысяча верблюдов споткнутся».

Афоризмы, выписанные Н. В. Гоголем из калмыцких книг, давно стали народными пословицами, вошли в фольклор. В основном они взяты из книги «Улгурин дала» — «Океан примеров мудрости». Большинство из вышеприведенных афоризмов известный калмыцкий писатель Баатр Басангов, записав из уст народа, включил в составленный им сборник калмыцких пословиц.

Баснословно богатый калмыцкий фольклор во времена Гоголя и до Октябрьской революции явно шел на убыль. Многие произведения устного народного творчества забывались.

Один из дореволюционных фольклористов — Наймин Бадмаев в

конце прошлого века довольно смело указывал на причины убывания устного народного творчества калмыков. Он писал: «Эти воспоминания о старине, в силу кочевой жизни народа и других факторов, к сожалению, сглаживаются из его памяти, современные же произведения встречаются редко, ибо в настоящее время, чем когда-либо, калмыки, благодаря голоду, холоду, гнетущей бедности и прочим причинам, находятся в самых неблагоприятных условиях для развития народной словесности».

Только Октябрьская революция и советская власть создали все условия для развития экономики и культуры калмыцкого народа и дали ему возможность в оригинале читать Пушкина, Толстого, Гоголя.

Тридцатые годы прошлого столетия в России, после разгрома декабристского движения, были годами жесточайшего разгула крепостничества и реакции. В этот мрачный период Н. В. Гоголь писал не только свои бессмертные произведения о жизни русского народа, но и пристально изучал жизнь и быт малых народов, входивших в состав России, проявлял глубокую симпатию и сочувствие к ним. Об этом свидетельствует очерк «Калмыки». Отрадно знать, что рукою Гоголя написаны строки о жизни нашего народа, что он думал о нас, склонившись над чистым листом бумаги.

1961—65 гг.

Писатель мира

Трудно найти грамотного человека, который не читал бы Чехова. Впрочем, мы с ним знакомимся еще далеко до того, как научимся читать. Спросите любого малыша в детском садике, знает ли он Ваньку Жукова или Каштанку? Вы получите утвердительный ответ. Чехов становится спутником на всю жизнь. Есть писатели, которых читают в определенном возрасте. Есть писатели, которые понятны одним и не понятны другим. Чехов же — писатель для читателей всех возрастов, всех вкусов и уровней, как Пушкин, Толстой, Горький. Чехов — интернационален, хотя он и сугубо русский писатель. Но Сервантес был писателем сугубо испанским, Диккенс — английским, Бальзак — французским. Однако они читаются людьми всех национальностей. В чем же дело? Дело в том, что пронизательная мысль гения раскрывает перед нами душу человека, а человек остается человеком, какой бы он ни был национальности. Человек любит добро и ненавидит пошлость. Человек любит мир и ненавидит войну. Человек тянется к тому, с чьей стороны чувствует тепло любви.

ния Чеховым Сахалина. Разве это не самый страшный рассказ во всей русской литературе? Разве не кажется палатой № 6 вся тогдашняя Россия? Не случайно молодой Ленин, прочитав этот рассказ, признавался своей сестре Анне Ильиничне: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Такова сила воздействия чеховских произведений на читателя.

Творчество Антона Павловича Чехова оказало благотворное влияние на развитие молодой калмыцкой литературы. В произведениях одного из зачинателей калмыцкой прозы Нимгира Манджиева внимательный читатель заметит его попытку приблизиться к манере Чехова. Юмор Манджиева сродни юмору Чехова. Я в данном случае имею в виду его стремление учиться у великого русского писателя. Особенно заметно влияние Чехова на драматургию Баатра Басангова. В его пьесах явно ощущается принцип чеховского стиля — наличие красоты в обыденном. Простые люди, казалось ничем неприметные, творят красоту жизни. Посмотрите его пьесу, которая сейчас идет на сцене драматического театра «Кенз байн» («Запоздалый богач»). Мне могут возразить, что это комедия, а Чехов не писал комедий. Я не имею в виду жанр. Я говорю о принципе раскрытия основной идеи произведения. Центральным героем пьесы является богач Закрия. Он — наиболее активно действующее лицо на всем протяжении спектакля. И менее всего заметна его жена. Но она-то и выходит победительницей, ибо правда жизни на ее стороне.

Баатр Басангов с благоговением учился у Чехова, тщательно изучал его творчество. Он собирался переводить «Вишневый сад», пьесу, которую считал лучшей в мировой драматургии, хотя и преклонялся перед Мольером, Грибоедовым, Островским. Он утверждал: лучшее лирическое стихотворение в мировой поэзии — «Я помню чудное мгновенье», лучший роман — «Война и мир», лучшая драма — «Вишневый сад». Таково было суждение калмыцкого советского писателя. Впрочем, такое же признание я слышал из уст деятелей культуры и буржуазных государств.

В 1956 году в Ялте мне довелось побывать в музее Чехова, в знаменитой Аутке. Директором музея тогда работала сестра великого писателя, ныне покойная Мария Павловна. Не могу не сказать два слова о ней. Она работала, несмотря на свои 93 года, в преклонных годах осталась на оккупированной территории, чтобы спасти музей брата и, проявив удивительное мужество, сохранила до единого все экспонаты, за что была отмечена высокой правительственной наградой.

Мария Павловна была удовлетворена, узнав, что калмыки читают произведения Антона Павловича на родном языке. Во время нашей беседы прибыла индийская делегация во главе с заместителем министра культуры Индийской республики господином Чанд. Глава делегации заявил: «Мы прибыли в дом Чехова, чтобы поклониться персу его гением. Произведения Чехова в Индии так же популярны, как популярны произведения Рабиндраната Тагора. Русский писатель, создавший «Вишневый сад», — и наш индийский писатель».

Такового было суждение прогрессивного деятеля культуры о творчестве Антона Павловича Чехова.

Мы щедры. Пусть великий Чехов будет индийским, английским, французским писателем, писателем мира. Но мы знаем — перо гения раскрыло перед миром высокую душу русского человека.

1960 г.

Народный писатель

Сегодня исполняется шестьдесят лет со дня рождения великого русского писателя Михаила Александровича Шолохова.

Вот уже четыре десятилетия Михаил Александрович вдохновенно трудится на ниве советской литературы, продолжая и развивая лучшие традиции русской классики.

Сорок лет тому назад издательство «Новая Москва» выпустило сборник рассказов молодого донского писателя, которому было двадцать лет от роду. Книга сразу же обратила на себя пристальное внимание читателей и литературоведов. Она возвестила о появлении крупного дарования. Любой рассказ сборника был как бы выхвачен из гущи жизни донского казачества в трудный и сложный период истории — гражданскую войну. Живые люди, каждый со своим характером, своим языком, горестями и бедами вставали со страниц книги.

Старейший русский писатель, замечательный мастер слова А. С. Серафимович в предисловии к книге Шолохова писал: «Чувство меры в острых моментах, и оттого пронизывают. Тонкий, схватывающий глаз. Умение выбрать из многих признаков наихарактернейшее».

Эти качества писатель не только сохранил, но и развил дальше, ибо они-то и делают произведения искусства событиями в жизни народа.

После издания первой книги М. А. Шолохов приступает к созданию своей великой эпопеи — романа «Тихий Дон».

Едва ли, после «Войны и мира» Льва Толстого, в мировой литературе найдешь произведение, которое можно было бы поставить в один ряд с «Тихим Доном» по глубине отражения народной жизни, психологии народных масс, философскому анализу эпохи, событий, причин и следствий, по столь завершённой форме. Замысел великой эпопеи М. А. Шолохов определял так: «...колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции».

Навсегда врезались в память читателя «мелеховский двор — на самом краю хутора», образы Пантелея Прокофьевича, Ильиничны, Григория и Аксиньи, Михаила Кошевого и Штокмана и многих-многих других участников драматических событий, неизбежно вызванных самим ходом истории.

В «Тихом Доне», несмотря на яростное сопротивление старого уходящего мира, которому иногда удается перетянуть на свою сторону мечущихся в круговороте событий Григориев Мелеховых, побеждает новое, побеждает правда трудового народа, революции. Это великое жизнеутверждающее, оптимистическое произведение.

Меня всегда поражал и поражает талант Михаила Александровича тем, что он может как-то сжимать, прессовать само время и укладывать его на чистые листы бумаги. Ведь время подобно сказочному джину, выпущенному из бутылки, — его обратно не затолкнешь. Но что невозможно даже для героев сказок, то под силу гению писателя. Он может. Разве мы сегодня, почти через полвека после описанных на страницах шолоховских произведений событий, не ощущаем въявь живое дыхание времени? Разве со страниц его романов не предстают перед нами шум и свет, ветры и бури целой эпохи? Ведь чудо совершается: читая произведения Шолохова, мы как бы невольно отключаемся от своих нынешних дней и для нас приобретают значение реального события тех далеких лет. Каждая новая страница шолоховских книг — неведомое для нас, не испытанная нами жизнь, и мы, не переживая ее непосредственно, а только читая замечательные страницы, приобретаем опыт как бы непосредственно пережитого.

Иногда, начав читать примитивную книгу (конечно, не зная заранее, что она такова, иначе бы в руки ее не взяли), мы даже не заглядывая на последние листы, можем безошибочно сказать, что, с каким из героев, когда и на какой странице случится, какое будет финал. И хотя кажется, что в таких книгах происходят события возможные, но мы им не верим — они только жизнеподобны, в них нет открытия, они от рождения мертвы, ибо надуманы, оторваны от реальной жизни.

Сила произведений М. А. Шолохова — в открытии мира челове-

на, ибо каждый человек с его думами, устремлениями и поступками — это не познанный еще мир, вселенная. Писатели шолоховского таланта — Колумбы океанов человеческих душ, первооткрыватели. Второй раз найти уже найденное — нельзя.

Шолохов утверждает ценность человека, открывая для нас, читателей, нас самих. В этом высокий гуманизм писателя. В самом деле, разве каждый из нас, будь он мужчина или женщина, старик или юноша, читая повествование о горестной судьбе Аксиньи, на какое-то время не становится ею, не обжигается ее любовью? Или, скажем, не чувствуют себя обделенным судьбою Григорием? И что бы с ними не случилось, какие бы тяжкие грехи они не совершали, гений писателя показывает их детьми человеческими, человеческими.

Мне порой бывает неловко, когда нет-нет да и вспыхивают среди литераторов споры о проблеме положительного героя. И это после того, как есть у нас Шолохов, после того, как есть вечно живые его герои, его опыт в литературе.

Став в один ряд с шедеврами мировой литературы (это признавали Л. Фейхтвангер, Г. Уэллс, Р. Роллан и многие другие выдающиеся писатели мира), «Тихий Дон» оказал огромное влияние не только на развитие всей последующей литературы народов Советского Союза и прогрессивного человечества, но и на все виды искусства. Появились кинофильмы, опера Держинского, а сейчас по мотивам третьей и четвертой книг «Тихого Дона» создает оперу Д. Шостакович.

По горячим следам событий, в тридцатые годы, продолжая работать над «Тихим Доном», Шолохов создает первую книгу знаменитой «Поднятой целины». И хотя к этому времени в советской литературе уже были произведения, правдиво отобразившие коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества, роман Шолохова был качественно другим, высшим этапом в развитии нашей литературы; он прокладывал иные пути, показывал новые возможности углубленной разработки темы деревни тридцатых годов.

В советской литературе появился образ путиловского слесаря Семена Давыдова, олицетворяющего собой рабочий класс, его помощь трудовому крестьянству. Он принес в хутор Гремячий Лог традиции революционного Ленинграда, дыхание и мировоззрение рабочего класса. Слово живые перед глазами читателя проходят незабываемые образы Нагульнова, Разметнова, Майданникова, деда Щунаря, чье имя стало уже нарицательным, Варюхи-Горюхи.

Пожалуй, нет в нашей стране читателя, который не знал бы небольшого по объему, но великого по содержанию рассказа «Судьба человека». В самом названии звучит тема произведения —

сложная судьба русского советского человека, попавшего, в силу войны, в обстоятельства исключительные. Тема раскрыта с гениальной силой и потрясает читателя. Сила эмоционального воздействия произведений Шолохова вообще велика, но в данном случае — невероятна.

Опубликованные главы новой трилогии, большого эпического полотна о борьбе советского народа против немецко-фашистских оккупантов, дают все основания ожидать еще одного шедевра. Читатель с нетерпением ждет окончания этой книги.

Наряду с плодотворной творческой работой Михаил Александрович занят большой общественной деятельностью. Он — член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР всех созывов. С 1939 года действительный член Академии наук СССР, почетный член Академий наук ряда зарубежных стран. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Отечественной Войны I степени. Он является выдающимся деятелем борьбы за мир.

«Много в мире замечательных писателей, но Шолохов у нас один!» — с гордостью говорят читатели нашей республики, читающие его вдохновенные произведения на русском и родном языках.

Михаил Александрович Шолохов своим неустанным трудом заслужил всенародную любовь, а это — высшее счастье писателя.

1965 г.

О Леониде Сергеевиче Соболеве

Рабочие Ставрополья и животноводы Калмыкии, нефтяники Грозного и писатели Кабардино-Балкарии, труженики Дагестана и студенты Северной Осетии выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР выдающегося русского писателя Леонида Сергеевича Соболева. В этом волнующем факте, в этом единодушии избирателей столь разных республик и краев, избирателей, которые представляют собой не только нерушимый блок содружества и единства народов нашей страны — есть высокий смысл.

Леонид Сергеевич Соболев — талантливейший современный советский писатель, признанный читателями всей страны. На страницах своих чудесных книг он вдохновенно отражает наше поистине изумительное время. Говоря о времени, я имею в виду не его философское определение, как «объективно реальной формы существования движущейся материи», нет, я имею в виду то, чем и во

имя чего мы живем сегодня. Имею в виду не только тот хлеб, который мы едим, но и то зерно, из которого произросла пшеница, не только ту Конституцию, которая дает нам право выбирать в верховный орган власти любимых писателей, но и ту Великую революцию, которая дала нам эту Конституцию. Прочитайте и перечитайте замечательные книги «Капитальный ремонт», «Морская душа», «Зеленый луч» и вы снова почувствуете дуновение ветров нашей эпохи, и вы увидите, что удивительный талант писателя отражает жизнь не как отполированная гладь мертвого зеркала, а как живые волны человеческого мозга — отражая, воссоздает новую жизнь, многие частные правды жизни вырастают в одну большую Правду.

Бесспорнее знание жизни народа, проникновение в ее самые глубинные процессы, активное вмешательство всем своим существом во все явления и события, составляющие историю, высокая партийность в том понимании, в котором видел ее гениальный Ленин, — вот что дает возможность Леониду Сергеевичу Соболеву создавать мудрые книги, достойно вошедшие в золотой фонд советской классики. Зоркий глаз художника позволяет ему видеть то, что порою незаметно для глаза читателя, но в чем таятся ростки грядущего. И благодатные лучи таланта большого писателя, направленные на эти ростки, во много раз убыстряют их рост. Оттого произведения писателя становятся настолько необходимыми, что без них уже нельзя обойтись, как нельзя обойтись без хлеба насущного.

В старинной калмыцкой книге «Океан примеров мудрости» высказана глубокая мысль о том, что молоко материнское ставит человека на ноги, а мудрость предков помогает ему найти свое, отличающее его от других, лицо. Иными словами, делает его зрелым мужем, мыслящим самостоятельно.

Но мудрость бывает разная. Как-то, беседуя со знаменитым чабаном, Героем Социалистического Труда Эрдни Бембишевым, я задал ему вопрос:

— Снажите, могут ли добиться таких же успехов, как вы, и другие чабаны?

— Могут, — ответил он мне, лукаво усмехнувшись, — но только ты знай, что чабаны-то все разные. Есть, у которых глаза находятся на затылке. Те глаза, что должны видеть. А то, что в глазницах у них, — то пустое, слизь застывшая, студень. Вот такие чабаны — враги овец. Ибо у них застывшая слизь, студень, направлены на спины овец, а глаза, которые на затылке, видят дом, стол, на столе закуску, водку, теплую постель... да мало ли чего они видят. А овец, нет, не видят, они все назад глядят. А вот ча-

баны, у которых глаза впереди и овец видят, те, при желании, добьются всего.

Я вспомнил слова Эрдни Бембишева в связи с думами о мудрости предков. Есть мудрость, глядящая вперед, освещающая грядущий путь опытом прошлого и есть мертвое подобие мудрости, глядящее назад, не способное стать опорой будущего.

Мудрость, глядящая вперед, особенно понятна нам, людям, живущим сегодня, людям, которые значительно старше своего возраста, ибо нынешний двадцатилетний юноша знает больше пушкинского отца Пимена, потому что представители его поколения за 103 минут облетели земной шар и, расщепив атом, заглянули в его тайны. А когда-то (даже для Менделеева!) атом был неделим!

Книги Леонида Сергеевича Соболева помогают современному человеку найти себя, стать самостоятельным мужем со зрелым мышлением. В них — тот драгоценный опыт, который по крупинкам собирал писатель из оксана прошлого, извлекал из бурлящих будней настоящего, подсмотрел в просветах грядущего. Жизнь каждого человека — есть звено вечности, через которое не может перепрыгнуть время, но через которое пролегает путь к осуществлению грядущего посредством человеческих деяний. Человек, воплощая в себе весь свой долгий и тернистый путь по нелегким дорогам истории (вперед и выше!), несет в своей груди грядущее солнце, которое в истории сравнительно лишь совсем недавно обрело себе ясное, влекущее, сияющее отсветами миллионов зорь название «Коммунизм».

Первое же крупное произведение (первая книга романа «Капитальный ремонт») принесло Леониду Сергеевичу всесоюзное признание, поставило его имя в ряд выдающихся советских писателей. Эта книга как бы изнутри озарилась лучами коммунистического мировоззрения, в ней ярко выделась позиция автора, стоящего на твердой почве метода социалистического реализма.

Выступая на I съезде писателей СССР в 1934 году, Леонид Сергеевич Соболев говорил:

«Партия и правительство дали советскому писателю решительно все и отняли у него только одно — право плохо писать. А хорошо может писать лишь тот писатель, который умеет правильно видеть, правильно чувствовать и изображать...

Что дала нам революция и партия?

Умению видеть учит нас философия пролетариата, созданная Марксом, Энгельсом, Лениным. Умению чувствовать учит нас вся наша действительность — непрерывная цепь побед, организованных нашей партией. Верно изображать позволяет метод социалистиче-

ского реализма, которому учит нас партия. Нам даны возможности видеть, наблюдать, переживать, любить, ненавидеть... Для нас открыто все — вся страна, все заводы, все колхозы и сердце каждого живущего в нашей стране...»

Это известное выступление Леонида Сергеевича, которое явилось как бы его творческим кредо, получило высокую оценку основоположника советской литературы Алексея Максимовича Горького. «Отлично сказано!» — заявил он.

Вся последующая многолетняя плодотворная литературная деятельность подтвердила верность Леонида Сергеевича принципам, провозглашенным им много лет тому назад на I съезде.

Леонид Сергеевич Соболев не только выдающийся современный русский писатель. В нем редкое, счастливое сочетание таланта писателя и таланта организатора, общественного деятеля, особенно проявившееся за последние годы, в связи с организацией Союза писателей РСФСР.

Став во главе сначала Оргкомитета, а затем Правления Союза писателей РСФСР, Леонид Сергеевич коренным образом изменил стиль работы нашего Союза, максимально приблизив аппарат правления к писательским массам, к жизни. Выездные заседания на местах, живое общение с писателями областей, краев, республик, с читателями на заводах, фабриках, колхозах, совхозах стали правилом деятельности Оргкомитета, и тогда появились бытующие по сей день в писательской среде выражения «Союз на колесах», «Союз на крыльях».

Такой, поистине новаторский, метод работы давал возможность Оргкомитету изучить не только глубинные процессы литературной жизни огромной Российской Федерации, но и знать планы и думы почти всех ведущих писателей индивидуально. Результатом неутомимой, подвижнической деятельности Л. С. Соболева в Оргкомитете явился его блестящий доклад на I Учредительном съезде писателей России.

Этот по-настоящему писательский доклад, всеми своими мыслями устремленный вперед, с раздумьями о времени и героях, о главном направлении литературы, с проникновением в творческую лабораторию писателя, с теоретическими и философскими обобщениями получил всеобщее одобрение делегатов съезда, явился ценным вкладом в дело дальнейшего развития нашей родной литературы.

Депутат Верховного Совета СССР, Секретарь Правления Союза писателей СССР, Председатель Правления Союза писателей РСФСР, Леонид Сергеевич Соболев всегда чутко прислушивается к голосу писательской общественности, всегда подхватывает и поддерживает

любую инициативу, направленную на повышение уровня литературы.

Писатели хорошо знают это его качество.

Помню, как-то летом прошлого года в Центральном доме литераторов, в Москве, за чашкой чая сидели великолепные советские писатели Михаил Светлов, Ярослав Смеляков, Кайсын Кулиев, автор «Брестской крепости» Сергей Смирнов, известные критики Аноп Салахян, Валерий Дементьев. Темпераментный Ярослав Васильевич горячо высказывал мысль о том, что обязательно нужно созвать всероссийское совещание лучших поэтов, где поэты на высоком уровне вели бы профессиональный разговор о стихах своих собратьев, присутствующих на этом совещании. В это время мимо нас проходил Леонид Сергеевич.

«Вот кто нам поможет делом!» — сказал Ярослав Васильевич, и мы остановили Леонида Сергеевича.

Огромную «помощь делом» Леонид Сергеевич оказывает развитию национальных литератур нашей страны. Общеизвестна его работа по образцовому переводу романа великого казахского писателя Мухтара Ауэзова «Абай», удостоенного Ленинской премии. Этот роман писался на казахском и одновременно переводился на русский язык, причем перевод осуществлялся в тесном контакте автора и переводчика.

Только за последние годы Леонид Сергеевич Соболев вместе с секретариатом Правления Союза писателей РСФСР выезжал в Башкирию, Кабардино-Балкарию, Бурят-Монголию, Татарию. На этих выездных совещаниях ставились актуальные, насущные вопросы развития национальных литератур республик и автономных областей Российской Федерации. «Состояние литератур народов Северного Кавказа», «Современность и национальные традиции», «Проблемы художественного перевода» и другие вопросы, выдвигавшиеся самим ходом развития национальных литератур, становились предметом большого, обстоятельного, профессионального разговора с участием не только виднейших писателей страны, но и самых широких читательских масс. Не теряя своего сугубо делового тона, эти совещания неизменно превращались в светлый праздник дружбы литератур народов России.

В составе делегаций калмыцкой писательской организации мне довелось принимать участие почти во всех этих совещаниях, бывать на пленумах Правления Союза писателей РСФСР. В докладах и выступлениях Леонида Сергеевича Соболева мы видели его глубокую заинтересованность делами наших национальных литератур. Какой радостью светились его глаза, когда он говорил о первом хо- рошем кабардинском романе «Чудесное мгновение» Алима

Нешокова или об удачном романе молодого бурятского писателя Мунгонова «Хилон наш бурливый»!

Результатом такого новаторского стиля работы Правления Союза писателей РСФСР явилось личное содружество писателей всей России, которое имело неоценимое значение в творчестве каждого из них. Встречаясь друг с другом, беседуя, споря, писатели лучше понимали друг друга, повышали свое профессиональное мастерство.

Заканчивая эту статью о нашем большом друге, мне хотелось бы рассказать еще об одном качестве Леонида Сергеевича, которое удалось заметить благодаря вышеупомянутому стилю работы Правления Союза писателей РСФСР. Пусть мой рассказ будет вставной новеллой о маленьком ягненке джейрана.

Это случилось во время торжественного открытия памятника великому балкарскому поэту Кязиму Мечиеву. Памятник мудрому сыну гор был установлен на плато меж двух могучих высоких хребтов, окутанных сплошным массивом синеватого древнего леса, недалеко от знаменитых Голубых озер, которые, как всерьез утверждали мне горские поэты, бездонны. Мужественный профиль народного ашуга и простого кузнеца, в горской папахе и башлыке поверх черкески удивительно естественно вписывался в родной для него пейзаж, как некая необходимая деталь. Величавые вершины Кавказских гор курились белесыми облаками. Блики солнца то появлялись в просветах, то исчезали за толстой пеленой плывущих над нами туч.

У памятника Кязиму Мечиеву собрался весь выездной секретариат Правления Союза писателей РСФСР во главе с Леонидом Сергеевичем Соболевым. Здесь также находились представители писательской общестственности всех народов Северного Кавказа.

После торжественного открытия памятника, выступлений посланцев братских литератур в конце официальной части к Леониду Сергеевичу пробрался горец-охотник с необычным подарком. Он держал в руках ягненка дикого горного джейрана. Тонкая шейка ягненка была перевязана красной шелковой лентой. Будто выточенный искусным умельцем из красного дерева, маленький джейранчик был несказанно мил, красив и чем-то напоминал трехлетнего ребенка, потерявшего родителей в людской сутолоке. Леонид Сергеевич Соболев принял подарок, поблагодарил. Сочувственно и жалостливо глядел он на крохотное существо, оказавшееся в неволе, — оно боязливо, беспомощно дрожало в его сильных руках бывшего матроса. Все окружающие норовили погладить, приласкать джейранчика.

Мы видели, что — Соболев — грустен. Он был недоволен пленени-

ем свободолюбивого дитяти гор, но он понимал, что подарок был преподнесен от чистого сердца и, может быть, согласно горским обычаям. Печальными глазами смотрел Леонид Сергеевич на подарок. Но вот вдруг посветлело его лицо, повеселел взгляд и, подняв голову, он с чисто соболевской подкупающей открытой улыбкой сказал:

— Подарок был сделан нам, чтобы предоставить гостям радость освобождения из неволи живого существа! — И, поставив ягненка на землю, хлопнул в ладоши. Встрепенувшись, словно птица перед полетом, смешно подпрыгивая, джейранчик помчался навстречу бесконечно дорогой его маленькому сердцу свободе.

Всё, кто был здесь, затаив дыхание наблюдали за глупеньким постреленком, бежавшим во всю мочь, словно бы боясь погони, в спасительные объятия густого леса, синеющего на склонах гор. А люди улыбались радостно и светло, как улыбаются после свершения доброго поступка. Потом, вдруг как бы осененные, все обернулись в сторону Леонида Сергеевича, который молча, пристально все еще смотрел за исчезающим вдали подпрыгивающим черным комочком. Глядя на его сосредоточенное, задумчивое лицо, я узнал о нем нечто новое, большое и озаряющее, которое делает теплее мир. Он — человек красивой души.

Не таким ли должен быть депутат советского парламента, предтеча того коммунистического человека, о котором сказано в Программе нашей партии? Соболев таков.

Февраль, 1962 г.

Сказание о мужестве

„Калмык особенно верит чудесному и охотник до сказок. Иногда дня по три слушает предания о подвигах сказочных героев, которых очень любит. Рассказчики водятся мастера своего дела и сопровождают, где следует, пеньем, музыкой, телодвижением, где нужно — подражанием голосу животных. Герои бывают ростом в несколько верст, махом меча поражают целые тысячи, конями перескакивают моря и горы. Более всех других нравится баснословная повесть Джангар. Замечательный всякий случай рождает у калмыков песню». Так писал в своем этнографическом очерке «Калмыки» Н. В. Гоголь.

Читатель убедится в справедливости слов великого русского писателя, познакомившись с книгой «Приключения богатыря Шовшура, прозванного Лотосом». Она написана по мотивам широкоизвестного калмыцкого народного эпоса «Джангар».

В августе 1959 года калмыцкий народ торжественно отмечал 350-летие своего добровольного вхождения в состав России. 350 лет назад в поисках лучшей доли калмыки пришли на русскую землю и навсегда соединили свою судьбу с судьбой великого русского народа. С тех пор они принимали самое горячее участие в жизни своей новой Родины — России.

«Братья калмыки! Все прошлое вашего народа — это беспрерывная цепь страданий», — писал великий Ленин, обращаясь к калмыкам в 1919 году. Калмыцкий народ, как и все народы России, до революции нес на своих плечах двойной гнет. С одной стороны — русского самодержавия, с другой — «своей» буржуазно-феодальной знати. Однако народ никогда не терял веры в лучшую жизнь, в то, что он обретет обетованную страну, где люди живут, ничего не деля на «мое» и «твое». Свои самые сокровенные чаяния, самые заветные мечты народ выразил в гениальном эпосе «Джангар».

В течение пяти столетий вдохновением тысяч безвестных народных сказителей-джангарчи создавался героический эпос «Джангар». Длинными зимними ночами под завывание лютого степного ветра, затаив дыхание, слушали калмыки чудесные песни о сказочном крае Бумбы.

Каждый богатырь этой изумительной страны, созданной народной фантазией, беззаветно предан своей Отчизне. Единение народа — вот неодолимая сила, являющаяся оплотом бумбайской державы.

Могучий и справедливый Джангар, его друзья-соратники, не знающие в бою слова «назад», знающие лишь слово «вперед», Хонгор Алый Лев, Савар Тяжелорукий, ясновидец Алтан Цеджи и все богатыри «правого и левого круга» воплощают в себе лучшие черты народа: свободолюбие, храбрость и прямодушие. Богатыри «Джангара» не только воины, но и создатели, зодчие, певцы и живописцы, неутомимые труженики. Прекрасен Дворец Бумбы, воздвигнутый ими, на расстоянии многих дней езды сияющий всеми цветами радуги. Миллионы коней, верблюдов, коров, овец — «всех четырех видов скота» пасутся на благоухающих лугах и пастбищах Бумбы, возделанных руками богатырей.

С детства учат в этой стране любви к своей Родине. Джангар, расставаясь со своим сыном Шовшуром, говорит: «Помни, мой мальчик: от отца рождается сын, чтобы стать надежной опорой Родине». И дети в «Джангаре» во имя своего народа совершают героические подвиги, удивляющие богатырей, выдавших виды. Так, трехлетний Шовшур — сын Джангара, пройдя через многие испытания, освобождает свою Родину из-под ига хана-поработителя,

свирепого Шара Гюргю. Таковы мальчишки — Шонхор — сын Хонгора Алого Льва, Улан — сын богатыря Гюзана Гюмбе. Когда посланец враждебного Джангру криволобого Мангна-хана высказал угрозу, что его повелитель истребит могучий народ Бумбы, осушит вечный океан, уничтожит изумительные дворцы и башни — три мальчика вышли на защиту своей страны. В неравном бою они победили врага-захватчика.

Прекрасный знаток «Джангра», автор его превосходного перевода на русский язык, писатель Семен Израилевич Липкин вошел в удивительный мир калмыцкого народного эпоса, полюбил этот волшебный мир и создал увлекательную, мудрую книгу «Приключения Шовшура, прозванного Лотосом». С ее страниц веет ароматом неоглядных просторов калмыцких степей, охваченных благородными страстями богатырей «Джангра». Подобно истинному джангарчи, Семен Израилевич владеет тайной талантливого рассказчика, заставляющего слушать себя «три дня сряду». Его речь то спокойна, веки полуопущены, руки застыли на примолкшей домбре, то стремительна и бурна, глаза загораются ярким огнем, бьют фонтаны блистательных стихов, пальцы мелькают на грифе бушующей домбры. Не случайно книга Липкина полюбилась читателям — об этом свидетельствует ее третье переиздание. Она переведена на многие языки.

Много лет калмыцкий народ хранил легенду о Джангре и Хонгоре, снованных жестокими врагами. Калмыки верили — настанет час, Джангар и Хонгор сбросят оковы, освободят свой народ.

Великая Октябрьская революция возвестила этот час. Миллионы Джангаров и Хонгаров поднялись на борьбу за свою свободу. Калмыки обрели Бумбу — желанную страну изобилия и счастья. Путь к ней указал им Ленин. Очень хорошо сказала об этом молодая русская поэтесса из Подмосковья Новелла Матвеева:

«Джангар» — сказка,
песня мечты,

Но и сказки сбываются,
А без песен

часто с пути
Караваны сбываются.

Так пускай поют соловьи!
Не погасли краски твои,
Стали явью сказки твои,
Сбылся «Джангар», Калмыкия!

Сбылся «Джангар»! Калмыцкий народ в дружбе и братстве со всеми народами нашей страны осуществляет заветную мечту. Миллионы тонкорунных овец, неисчислимы стада красного калмыцкого скота пасутся на привольных пастбищах Калмыцкой ав-

тономной республики. Трудолюбивый калмыцкий народ под руководством Коммунистической партии осуществляет предначертания XXI съезда КПСС. Долгожданные каналы орошают степи, где заколосились хлеба, зашумели сады. Словно джангаровы богатыри, поднялись в степи нефтяные вышки, из скважин рвется голубой горючий газ. В недрах земли найдены драгоценные уголь и руды. С аэродрома столицы республики взлетают сереброкрылые самолеты и плывут в поднебесье во все концы нашей Родины. Еще недавно пустынную степь черными лентами изрезали прямые автострады, по которым несутся тысячи машин. На песчаных барханах вырос город-сад, очаг культуры — Элиста, где издаются газеты и книги, выступает национальный ансамбль песни и танца, драматический театр ставит на калмыцком языке Островского и Басангова. За достижения в хозяйственном и культурном строительстве Калмыкия удостоена высшей награды Советского Союза — ордена Ленина.

Вековой мечтой калмыцкого народа было желание — жить, ничего не деля на «мое» и «твое». Эта мечта сбывается. Об этой мечте говорится в книге Липкина «Приключения богатыря Шовшура, прозванного Лотосом» — сказании о народном мужестве.

1960 г.

Давнее и наше

Около тридцати лет тому назад руководитель нашего литературного кружка сообщил нам, что среднюю школу посетят известные писатели Семен Липкин и Баатр Басангов.

В те годы шла подготовка к 500-летию великого калмыцкого народного эпоса «Джангар». Мы уже слышали, что в Калмыкию приехал русский поэт, который будет переводить «Джангар» и что он остановился не в гостинице, не в городе, а где-то недалеко от районного центра Троицкое, в кибитке, поставленной среди степи специально для него. Такого еще не бывало. Говорили, что он питается исключительно калмыцкой пищей, ездит верхом в отдаленные хотоны, где живут златоусты-джангарчи, слушает их, или они сами приезжают к нему рассказывать легенды и сказки. Мы, учащиеся 8—10 классов, недоумевали: зачем ему жить в степи, когда в городе лучше, зачем есть лишь калмыцкие блюда, когда смешанная кухня куда вкуснее.

Семен Израилевич Липкин говорил нам о «Джангре», по своему, тонко и остроумно толковал эпос. Примельчавшиеся и ставшие привычными эпитеты вдруг приобретали новый, свой первоначальный смысл, сверкая всеми цветами степной радуги, обдавая нас

свежестью летнего утра. Если до встречи с русским поэтом мы видели героев «Джангра» так сказать, в плоскостном изображении, то теперь мы стали видеть их объемно, в пространстве.

Из беседы с писателями мы узнали о том, как «Джангром» заинтересовался Алексей Максимович Горький, как великий писатель предложил Семену Липкину перевести одну главу эпоса для альманаха «Творчество народов СССР» (ныне преобразован в журнал «Дружба народов»), созданного по его инициативе, а затем, познакомившись с этой главой, посоветовал перевести весь «Джангар».

...Через много лет я вспомнил свою первую встречу с Семеном Израилевичем Липкиным, прочитав сборник его повестей «О богатырях, умельцах и волшебниках», любовно изданный нашим замечательным издательством «Детгиз». И вспомнил не случайно. Три повести, написанные по мотивам киргизского, калмыцкого и узбекского фольклора: «Манас Великодушный», «Приключения богатыря Шовшура, прозванного Лотосом» и «Царевна из города Ымы» — объединены в одну книгу. Но, удивительное дело, — три совершенно разных повести после прочтения, оставляют впечатление, будто они части одного произведения, композиционно связанные между собой нитью невидимого единого сюжета. Почему, откуда такое впечатление? — подумал я. И, кажется, нашел ответ: дело в том, что писатель сумел выразить сокровенные чаяния и идеалы трех народов, воплощенные в их бессмертных творениях, а их идеалы и чаяния одни и те же: свобода Родины, мир, справедливость.

Но для того, чтобы так проникнуть в суть народных идеалов и чаяний, недостаточно проштудировать произведения, отпечатанные на бумаге или нанесенные на свиток пергамента, как бы гениальны они ни были. Нет, для этого нужно было своими глазами видеть то, как трепетно светят звезды, когда глядишь на них с высот Памира, то, как радуется или плачет киргиз. Для этого нужно было самому видеть диво весенней степи, когда она волнуется под сплошным покровом колышущихся разноцветных тюльпанов и слышать запах ароматного калмыцкого чая, сваренного у кибитки, на восходе солнца. Для этого нужно хоть раз быть обласканным бархатными ветрами Узбекистана и поглядеть на то, как молодой узбек, словно молитву, шепчет вечно юные строфы древних стихов о любви. А Липкин все это видел своими зоркими глазами, слышал своими чуткими ушами, прочувствовал отзывчивым сердцем поэта, а его незабывчивая память сохранила все впечатления для будущих радостных и светлых книг. Вот почему я вспомнил нашу первую встречу с ним и его кибитку на просторах калмыц-

них степей. Он постигал жизнь народа не только и не столько с помощью внешних атрибутов, сколько с помощью их вникал в душу народа, постигал его глубинную психологию и воспринимал их. Точно так же он изучал жизнь, быт и психологию киргизов и узбеков, постигал их душу. Вот откуда берет начало бесспорный успех его повестей.

Было бы ошибочно и примитивно думать, что С. И. Липкин просто пересказал прозой сюжеты известных поэм. Хотя и это, на мой взгляд, заслуживало бы похвалы, как работа по популяризации величайших творений народов нашей страны. Однако все гораздо сложнее.

Краткая журнальная статья — не место для глубокого вторжения в творческую лабораторию писателя, если даже этого требуют обстоятельства. Но достаточно беглого знакомства с повестью сборника и произведениями фольклора, от которых отталкивался автор, чтобы убедиться в оригинальности его произведений, в той огромной творческой работе, которую проделал он. «Манас Великодушный», «Приключения богатыря Шовшура, прозванного Лотосом», «Царевна из города Тьмы» — оригинальные произведения Семена Липкина, точно так же, как «Руслан и Людмила», «Сказка о царе Салтане...» — поэмы Александра Сергеевича Пушкина.

Автор книги «Богатыри, умельцы и волшебники» обогатил фольклор, озарив его светом мировоззрения сегодняшнего человека, советского писателя, привнес в него свои идеи. Фольклорные произведения отдельных народов, в данном случае, как бы прошли через чистилище общечеловеческой культуры уровня XX века и получили новое качество. Всякая мудрость, не рождающая мудрые поступки и мысли — мертвая, подобно дереву, не приносящему плоды. Плоды мыслей, нужных нашему времени, рожденные мудростью киргизского, калмыцкого, узбекского фольклора, бережно выращенные и собранные незаурядным талантом Семена Липкина — щедро разложены им на страницах его книги. Вот почему эти повести по-настоящему современны, нужны и в этом их непреходящее значение.

В самом деле, разве мы не соперееживаем все радости и горести Манаса Великодушного, когда он в окружении сорока своих соратников вступает в борьбу с коварным и могущественным врагом, за свободу своего народа? Разве мы не желаем ему добра в войне с домом Чингиса-поработителя? И разве не завещанием для потомков остаются предсмертные слова Манаса: «Не о себе заботился я: обычай предков, величие потомков, счастье родной земли — вот о чем была моя забота!» Славные деяния Манаса Великодушного

по объединению раздробленных киргизских племен под своим началом; закладывание им основ киргизского государства в его историческую эпоху вызывают любовь и симпатию современного читателя.

А как великолепно выписан характер каждого из героев этой былинной повести! Какие поистине богатырские мазки делает художник, чтобы перед нашим взором предстали герои, от хохота которых сотрясаются горы. И, несмотря на это, как они реальны, эти герои, как глубоко веришь в их существование! Надо быть очень талантливым мастером, чтобы так возвышать обыкновенных людей, не отрывая их от земли, не превращая в богов и чародеев! Есть большая мудрость в маленьком эпизоде с волшебным камнем, который добыл мальчик — богатырь Алмамбет в борьбе с шестидесятиголовым драконом. Камень, превращающий ночь в день, зиму в лето, оказался не излучающим свет бриллиантом, не чудесным изумрудом, а обыкновенным серым махоньким булыжником, и этим автор как бы говорит, что самое великое чудо — в будничных делах, поначалу незаметных, серых.

Верю: человек, прочитавший повесть «Манас Великодушный», непременно захочет прочитать замечательную поэму киргизского народа «Манас».

Долголетний опыт признанного переводчика дал возможность С. И. Липкину в совершенстве овладеть искусством перевоплощения. Когда он начинает повествование о «Приключениях богатыря Шовшура, прозванного Лотосом», сразу же перед моим взором расстилаются родные мне калмыцкие степи, я вижу белую кошмовую кибитку и на ковре, осевшем в густой зеленой траве, седовласого мудрого джангарчи с деревянной домброй в иссохших руках, вижу, как загораются молодым блеском его глаза при зачинании песни, хвалы родному краю:

«Счастья и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда — весна,
Где, не смолкая, ведут хороводы свои
Жаворонки сладкогласые и соловьи,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все.
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная, богатырей страна!»

В этот миг джангарчи весь ушел в себя, он живет в той стране, о которой поет, но поет он не для себя, а для тех, кто его слушает. И, хотя кажется, что он забыл о тех, кто его слушает, не

верьте этому, это только кажется, ибо он буквально осязает те миллионы незримых нитей, которые связывают его со слушателем. Так и С. И. Липкин с первых страниц своих повестей с завидным искусством устанавливает контакт с читателем, покоряет его и держит под своей властью до конца повествования. И читатель благодарен ему за такое покорение.

Гимном мужеству, преодолевающему все преграды во имя свободы родной земли, звучит повесть «Приключения богатыря Шовшура, прозванного Лотосом».

Умение перевоплощаться в образ народного сказителя дает возможность С. И. Липкину во всех трех повестях сборника создавать поразительно верные, колоритные картины народной жизни, ярко и выпукло рисовать характеры не только каждого героя индивидуально, но и создавать героический характер каждого народа. Этнография, пейзажи и, наконец, дух времени не оставляют сомнений в своей абсолютной достоверности, — они рождены силой настоящего искусства.

Баснословно богатый и прекрасный русский язык, словарным фондом которого автор пользуется легко и свободно, превращает его прозу в истинную поэзию, полную музыки и света, живописи и движения.

Глубокие философские мысли, мудрость народа в своей изначальной простоте и ясности, живая диалектика жизни, не стесненная тяжестью дидактических доказательств, пронизывают страницы книги. Благородные страдания, принятые из-за непокорения злу и насилию и рождающие мужество для преодоления зла и насилия, поэтично воспеты автором повестей и возбуждают в читателе возвышенные чувства.

Есть у С. И. Липкина сборник избранных переводов из произведений великих поэтов Востока, который он назвал «Строками мудрости». «Книгой мудрости» назвал бы я его прекрасную повесть «Царевна из города Тьмы», написанную по мотивам узбекских народных поэм.

«У всякого рассказа есть свое начало, но начало всякого рассказа есть конец другой повести, и какой гордец вправе утверждать, что он будто бы начал с самого, с самого начала?» — спрашивает автор у читателя уже на первой странице, устанавливая тот неразрывный контакт, о котором я говорил выше. Но в этом вопросе есть и бесспорный ответ, заставляющий читателя задуматься. В умении заставить читателя задуматься — выразилось большое искусство писателя.

Признаться, давно я не читал книги такого эмоционального воздействия, дающей такое эстетическое наслаждение — читаешь

и радуешься! В повести действуют и злые ханы и прекрасные пери, страшные дивы и искусные умельцы, воины и землепашцы, показаны города, возведенные руками тружеников, и город Тьмы, государства дивов. Переплетается сказка и явь, но все — правда! Правда труда, правда справедливости, правда добра и любви, правда настоящего искусства!

Книга написана с улыбкой, которая иногда переходит в язвительный смех. Многие страницы заставляют вспомнить Свифта, Рабле, Салтыкова-Щедрина и, хотя это может показаться странным, строфы из «того света» Твардовского. Страницы повести усыпаны блистательными, умными афоризмами, которые просятся в книгу «Крылатых слов», от которых не отказался бы, вероятно, сам Ларошфуко. «Людское зло временно, а добро вечно». «Добро сильнее, но зло быстрее», «Только там бывает отдых, где есть труд». «На то они и ханы, чтобы мириться, когда надо совместно убивать». «Зло, совершенное ханами и его слугами, может забыть один человек, могут забыть десять человек, но его не забывает народ, ибо народ всегда памятлив». Пери Юнус «...преобразилась благодаря колдовским чарам, но стала человеком благодаря страданию». Можно бы привести множество подобных изречений. С иных страниц повести веет тоской по прекрасному, свойственной натуре человека, тоской по свободе, без которой нет человека. Побывайте в городе Тьмы, где все искусственно — и свет, и воздух, и отношения между его обитателями. Там «...пчелы вырабатывались в мастерской ремесленника, и соловьи, сотворенные умельцами, пели искусственные песни, сходя с ума от искусственной любви к искусственным розам. Все было ложью в государстве дивов и пери, и подобно тому, как лживое слово всегда мертвое, мертвой была и красота города Тьмы» (стр. 410). Как страшна мертвая красота — она страшнее живого уродства, ибо живое уродство когда-нибудь умрет, но мертвая красота никогда не воскреснет.

В лживом государстве дивов истинны только люди, пусть даже слабые, ничтожные в смирении своем, но великие и славные мудростью и красотой труда, любовью к земной жизни, тоской по всему человеческому. Отторгнутые от родного края несправедливой, нечистой силой дивов, превращенные в «подземную пыль», рабы дивов — люди, вызывают в своих поработителях тайное желание по добать поработенным. «Хотя дивы пожирали людей и, казалось, себя считали выше их, они старались все же походить на людей, смутно чувствуя, что человек — вершина и венец всего живого» (стр. 410).

Городам глупых и жестоких ханов, искусственному городу Тьмы в государстве дивов и пери, противопоставлен город свобод-

ных и равных Чамбиль, возведенный в пустыне руками героя, сына слепца, Гор-оглы и тружеников. Свобода и равенство — вот первое условие для проявления всех лучших качеств человека. И этот город влечет к себе тех, кто обижен, кто ищет правду и справедливость. «Живое живет не за счет живого, а ради живого» — вот священный девиз жителей Чамбиля. И оттого, что каждый здесь трудится ради счастья другого — все жители города счастливы. Потому, город Чамбиль становится непобедимым.

Повесть «Царевна из города Тьмы» — одно из лучших произведений, включенных в книгу «Богатыри, умельцы и волшебники».

Когда-то, давным-давно, беседа с прославленным джангарчи, который был настолько древен, что уже трудно было даже предположить его возраст, я спросил, сколько ему лет. Он пристально посмотрел на меня, хитро улыбнулся и сказал: «Мы с тобой ровесники». Я недоуменно пожал плечами, а он пояснил: «Видишь ли, сынок, не днем рождения, а днем смерти определяют возраст человека. Благодаря слову человеческому, которое делает давнее — нашим, я знаю то, что было с людьми до моего рождения, а что происходит при моей жизни — вижу сам и ты это видишь. Значит, мы с тобой ровесники своему времени. Но ты будешь старше меня, потому что я умру раньше тебя».

Такие книги, как «Богатыри, умельцы и волшебники», благодаря слову человеческому помогают нам вобрать в себя предыдущий опыт людей и стать вровень своему времени. Невежда не может быть ровесником эпохи.

Большое спасибо автору этой мудрой и сердечной книги, «Детгизу» за отличный подарок читателям всех возрастов.

1964 г.

О становлении калмыцкой советской литературы (заметки писателя)

Добровольное присоединение калмыков к могучей России явилось счастливым событием, сыгравшим исключительно важную роль в истории калмыцкого народа.

Плечом к плечу с русским народом калмыки защищали свою новую Родину от нашествия иноземных завоевателей. Известно посещение Петром Великим, перед отбытием за границу в 1697 г., калмыцкого хана Аюки. Петр I поручил калмыцкому хану охрану южных границ русского государства.

Пушкин и Вольтер сообщают об активном участии калмыков в войне Петра I со шведским королем Карлом XII. Около 30 ты-

сяч калмыцких воинов сражалось в знаменитой Полтавской битве.

Калмыки принимали горячее участие в отражении нашествия Наполеона в Отечественную войну 1812 года. Неувядаемой славой покрыли свои имена воины трех калмыцких кавалерийских полков, которые вместе с русскими с победой вступили в Париж.

Калмыки бок о бок с русскими сражались в рядах повстанцев Ивана Еолотникова, Степана Разина, Емэльяна Пугачева.

Документы истории свидетельствуют о живом интересе русского народа к культуре, жизни и быту калмыцкого народа. Так, в № 53 за 1728 год «Санкт-Петербургских ведомостей» появляется любопытная статья «Сведения о калмыках». В календаре на лето 1739 года печатается «Описание погребального прэпровсидения и обрядов, каковы имели калмыки при сожжении тела Чукур-Ламы недалеко от Санкт-Петербурга в мае месяце 1736 года». В «Санкт-Петербургском вестнике» за февраль-март 1778 года читаем статью «Опыт калмыцкого стихотворения».

В XVIII и XIX веках появляются работы ученых Миллера, Палласа, Лепехина и многих других о калмыках.

Тяжко приходилось калмыцкому народу, как и всем народам национальных меньшинств царской России, под двойным гнетом: с одной стороны под гнетом царского самодержавия, с другой — под гнетом «своих» национальных угнетателей. В эти годы сложилась народная пословица: «Вырвавшись из пасти свирепого дракона, мы попали в цепкие когти двухглавого орла».

Свои сокровенные мечты и думы о лучшей жизни, о поре, когда люди будут жить, ничего не деля на «мое» и «твое», калмыки выражали в песнях, сказаниях, ёрелах, сказках. Несмотря на беспросветную, тяжелую жизнь его создателей, калмыцкий фольклор лишен уныния и пессимизма. «Очень важно отметить, что фольклору чужд пессимизм», — говорил А. М. Горький. Калмыцкий фольклор подтверждает эту мысль.

Калмыкию когда-то ученые называли второй родиной сказок, после Индии. Среди бесчисленных творений калмыцкого фольклора ярко выделяется широко известный «Джангар» — самое популярное произведение калмыцкого народа. «Калмыки, слышавшие сотни раз исполнение «Джангра», помнят наизусть не только отдельные места, но и целые песни, и тем не менее с огромным подъемом слушают певцов еще и еще раз», — писал ученый Бергман в 1804 году.

Коммунистическая партия во главе с Лениным спасла калмыцкий народ от вымирания и вывела на светлый путь социализма. В. И. Ленин 22 июля 1919 года названием своего обращения «Братья калмыки!» сразу поставил наш маленький народ в равно-

правное положение со всеми другими народами. Это знаменитое обращение заканчивалось призывами: «Братья калмыки! Судьба вашего народа в ваших руках.

Все в ряды Красной Армии! Все против белогвардейских, казачьих банд Деникина! Все на защиту вашей Советской власти!»

И калмыки откликнулись. Калмыцкие полки во главе с выдающимся героем гражданской войны О. И. Городовиковым, знаменитым командиром полка В. А. Хомутниковым, первым калмыцким советским поэтом, комиссаром полка Х. Б. Кануковым, отвечая на призыв своего вождя, громили банды Деникина. Они отстаивали свою Советскую власть под командованием прославленных полководцев Н. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, С. М. Кирова. Они воевали, чтобы солнце новой жизни воссияло над многострадальной степью. И оно воссияло.

В пороховом дыму гражданской войны зародилась современная калмыцкая советская поэзия. В газете «Красный калмык» калмыцкого кавалерийского полка, комиссаром которого был Хартин Бадиевич Кануков, печатались стихи и песни, создаваемые воинами и командирами.

Эти песни быстро распространялись по всей Калмыкии, становились народными и звенели над широкими степями без конца и края. Из хотона в хотон, из улуса в улус передавались крылатые песни нового времени, песни, созданные революцией.

«Стяг, сверкающий и алый,
К небу поднимаем.
Солнце счастья засияло
Над родимым краем.
Сядем на коней ретивых
И вперед помчимся,
В свисте пуль, в громовых взрывах
За народ сразимся»,—

поется в одной из популярнейших песен времен гражданской войны.

Автором большинства песен, ставших впоследствии народными, был Х. Б. Кануков. Он отлично знал души своих храбрых воинов, тонко постигал их думы и чаяния. Вот почему песни, созданные им, сразу же подхватывались народом.

Ока Иванович Городовиков, вспоминая, говорит о Х. Б. Канукове, как о широко образованном, храбром, чутком командире.

Х. Б. Кануков был одним из зачинателей современной калмыцкой литературы.

В молодом парке, раскинутом перед домом Калмыцкого областного Совета депутатов трудящихся, стоит памятник из белого камня. Этот памятник народ воздвиг своему поэту, чьи сердечные песни, широкие, как воды Волги, и поныне звучат над просторами калмыцких степей.

Выдающимся калмыцким писателем и государственным деятелем был Амур-Санан. Благодаря революции он прошел путь от пастуха до видного государственного деятеля, члена ВЦИК. Жизнь этого замечательного писателя чрезвычайно богата событиями. Она описана самим писателем в романе «Мудрешкин сын». В нем автор впервые в калмыцкой литературе рисует образ великого Ленина, с которым не раз ему посчастливилось встречаться. Со страниц романа встает живой образ мудрого вождя, который в трудное время проявляет отеческую заботу о калмыцком народе.

Амур-Санан еще до революции был дружен с выдающимся пролетарским поэтом Егором Ефимовичем Нечаевым и со многими прогрессивно настроенными русскими интеллигентами. Егор Нечаев посвятил Амур-Санану несколько замечательных стихотворений и поэму «Учеба — все».

Амур-Санан оставил после себя также повести «Аранзал» и «Степь». Он писал на русском языке.

Великая Октябрьская революция, сбросив с калмыцкого народа иго угнетения, широко раскрыла двери для развития национальной культуры и искусства. Родилась калмыцкая советская литература. Она возникла на базе калмыцкого фольклора, который своими корнями связан с устным народным творчеством Монголии, Тибета, Индии, и на базе русской классической и советской литературы. Калмыцкий фольклор и русская литература были первыми и постоянными учителями всех калмыцких писателей.

Когда смотришь на путь, пройденный калмыцкой литературой за последние сорок лет, невольно думаешь, что в эти годы само время как-то сжалось, сгустилось, спрессовалось, вбирая в себя события и процессы, для свершения которых понадобились бы столетия.

Калмыцкий народ за сорок лет Советской власти, с помощью своего старшего брата — великого русского народа — от феодально-родовых отношений, минуя капиталистический путь развития, сразу пришел к социализму. Появился новый человек, который в течение одной жизни прошел целый уклад общественного развития, человек с новым мировоззрением, новой психологией, новыми духовными потребностями. И калмыцкая литература в целом верно отразила новые процессы в жизни, показала этого нового человека, удовлетворяла его духовные запросы. Калмыцкие литераторы

активно вмешивались в жизнь, оружием художественного слова проводили в жизнь политику партии и правительства.

Решения партии и правительства по вопросам литературы и искусства, метод социалистического реализма служат верным компасом дальнейшего развития калмыцкой советской литературы.

В 1940 году был издан на русском языке, в блестящем переводе Семена Липкина, бессмертный эпос калмыцкого народа «Джангар». Перевод был осуществлен по инициативе А. М. Горького. «Давно у нас не было книги такого широкого дыхания, как эта, и стихов, переданных с такой непосредственной силой звучания, как стихи молодого поэта», — писал в «Правде» известный русский писатель П. А. Павленко по поводу перевода «Джангара».

В сентябре 1940 года калмыцкий народ вместе со всеми народами Советского Союза праздновал пятисотлетний юбилей своего эпоса. В столице Калмыкии, в г. Элисте, был созван VIII пленум правления Союза писателей СССР. В Калмыкию съехались все лучшие советские писатели. Доклад о пятисотлети «Джангара» сделал А. А. Фадеев. Юбилейные торжества проходили по всему Советскому Союзу.

Одним из выдающихся калмыцких писателей, вступившим в литературу сразу же после гражданской войны, был первый калмыцкий прозаик, талантливый Нимгир Манджиев. Он выступал почти во всех жанрах: и как поэт, и как драматург, и как очеркист. Перед ним лежала нетронутая целина калмыцкой литературы новой эпохи, которую надлежало поднять и взрастить на ней урожай. Когда перечитываешь сейчас написанное Нимгиром Манджиевым, наряду с блестящими памфлетами, сатирическими стихами, реалистическими рассказами, находишь и произведения со следами явной спешки. Чувствуется, что человек торопился, — время требовало свое: «Давай, давай!».

Рассказы, повести, стихи Нимгира Манджиева сыграли важную роль в дальнейшем развитии калмыцкой литературы.

Почти одновременно с Нимгиром Манджиевым в литературу три ныне здравствующих калмыцких писателя: Санджи Наляев, Аксен Сусеев, Хасыр Сян-Белгин.

Творчество Санджи Наляева совпадает с периодом наиболее значительных перемен в калмыцкой степи, в истории калмыцкого народа.

В начале 20-х годов юный Санджи поступает в калмыцкий педагогический техникум в г. Астрахани. Окончив его, он возвра-

щается в степь комсомольцем. Юноша новыми глазами смотрит на все темное, страшное, порою дикое, что раньше было привычно для взора. Он с болью в сердце видит, как хитрые ламы и гелюнки продолжают одурманивать народ, как кулачье обманывает, эксплуатирует все еще отсталых степных калмыков. И на страницах областных газет появляются первые гневные стихи поэта, разоблачающие замыслы классовых врагов.

Язык молодого поэта богат и ярок. Он превосходно знает сотни калмыцких народных сказок, наизусть поет все песни «Джангра», его память вобрала в себя тысячи метких, разящих пословиц и поговорок. В первый период своего творчества поэт целиком отталкивается от фольклора. Но дальше он уже сам чувствует, что традиционные каноны фольклора сковывают его, что невозможно уложить в старые формы новое, социалистическое содержание.

На Санджи Каляева оказывают благотворное влияние лучшие русские и советские поэты. Стихи великого Маяковского, разрывая пространства в тысячи километров, доходят до калмыцких степей. Молодой Санджи Каляев с восхищением читает каждую строку замечательного поэта. Он удивляется умению Маяковского вмещать эпохи, классы, солнца и галактики в страницы тонкой книжки. Изучая творческий метод Маяковского, калмыцкий поэт делает нужные для себя выводы.

Санджи Каляев смело идет на разрушение установившихся канонов устного народного стиха, отказывается от привычных, устоявшихся в фольклоре эпитетов и сравнений. Если раньше красоту девушки обычно сравнивали с луною, то у Каляева уже «луна похожа на невесту, принарядившуюся к празднику Октября».

Неустанные поиски новой формы, которая дала бы поэту возможность выразить во весь голос чувства, рождаемые бурной эпохой, увенчались несомненным успехом.

«За миллионы,
Вспоенные потом.
Гнетом придавленные
Бедняки!
Вашу жизнь,
Вашу песнь и работу
Стиснули
Колонизаторов штыки!»—

пишет Каляев в стихотворении «Ленин» вскоре после кончины вождя, обращаясь к пролетариям всего мира. В пафосе этой вещи, размахе и шире ее мы обнаруживаем благотворное влияние Маяковского.

Санджи Каллев выступает как поэт своего класса, поэт-оратор, поэт-публицист. Он воспеваает партию, Маркса, Ленина. Его стихи 20-х годов служили грозным оружием в борьбе с остатками феодально-родовых отношений, в борьбе с предрассудками и суеверием.

Санджи Каляев в то время отдает много сил развитию калмыцкой национальной культуры. По поручению калмыцкой областной партийной организации, вместе с прославленным ныне артистом Бурятии, народным артистом СССР Гомбо Цыденжаповым, в начале тридцатых годов, Санджи Каляев отобрал лучшие силы кружков художественной самодеятельности и организовал труппу, которая поставила на сцене первую калмыцкую пьесу «Улан сар» («Красный месяц»). Успех этой пьесы в Калмыкии был колоссальным. Эта же труппа с пьесой «Улан сар» в те годы выступила на сценах Москвы. Калмыки в числе первых из народов СССР демонстрировали свое искусство в столице нашей Родины.

В 1933 году Каляев напечатал поэму «Бригадир». Она настолько понравилась читателю, что и сейчас пользуется большим спросом.

Тема гражданской войны стала излюбленной темой поэта Аксена Сусеева. Почти все основные произведения поэта посвящены героям гражданской войны, подвигам воинов калмыков. Стихи и поэмы Сусеева — публицистичны. Он с умением рассказывает о новой Калмыкии.

В 1929 году Сусеев издал свой первый сборник стихов «Болд зюрки» («Стальное сердце»). В 1940 году опубликовал первую часть поэмы «Сын степей». В этой поэме поэт рассказывает о жизни прославленного полководца Оки Ивановича Городсвикова. Опубликованная часть переведена на русский язык.

Интересна и самобытна поэзия Хасыра Сян-Белгина. Ее знают все читающие калмыки. Сян-Белгин покоряет читателя отличным знанием жизни и быта калмыков. Становление Советской власти в Калмыкии, рождение нового человека — главное в творчестве Сян-Белгина. Поэт получил всеобщее признание своей большой эпической поэмой «Борец-сирота». Пожалуй, она — первое крупное произведение в калмыцкой поэзии с крепким сюжетом, со стройной, продуманной композицией. Со страниц поэмы «Борец-сирота» возникают образы героев с ярко выраженными характерами. В это основное свое произведение поэт вложил все богатство жизненных наблюдений, все мастерство, весь недоюжинный талант. Хотя действие поэмы относится к дореволюционному периоду, читатель совершенно ясно чувствует продолжение поэмы, он слышит приближающийся могучий топот шагов революции.

В середине тридцатых годов Сян-Белгин написал пьесу по мо-

тивам поэмы «Борец-сирота». Она с большим успехом была поставлена на сцене Калмыцкого драматического театра.

Сян-Белгин так же, как и Санджи Каляев, все время ищет новые формы, новые пути к сердцу читателя. Он много и плодотворно работает как переводчик. Его перу принадлежат переводы почти всех сказок А. С. Пушкина и произведений многих классиков русской литературы.

В прошлом году Сян-Белгин закончил работу над повестью «Простые люди» — о тех, кто отстоял нашу Родину в борьбе с гитлеровским фашизмом.

Писателем, который особенно много сделал для развития своей литературы, был Баатр Басангов. Его многогранный талант позволил ему блестяще выступать почти во всех жанрах литературы. Он пишет повести и рассказы из цикла «Правда минувших лет», которые, можно смело сказать, впервые донесли до калмыков могучесть жанра прозы; создает комедии и драмы на современные и исторические темы, из-под его пера, одна за другой, выходят пьесы «Чуче», «Гимн матери», «Замьян», «Страна Бумба» и многие другие. Он слагает страстные стихи и поэмы, такие как «Страна социализма», «Воинам, уходящим на фронт», «Старости нет для меня», «Объявляю войну клеветникам». Басангов работает и как историк и лингвист. «Кончил работу над словарем», — неожиданно сообщает он. И вот перед нами фундаментальный научный труд «Русско-калмыцкий словарь» в несколько десятков тысяч слов.

Баатр Басангов — великолепный переводчик. «Я помню чудное мгновенье», «Памятник» Пушкина, «Благочестивая Марта» Тирсо-де-Молино и многие другие шедевры мировой литературы калмыки читают благодаря переводам Баатра Басангова.

В содружестве с Санджи Каляевым Баатр Басангов сделал подстрочный перевод «Джангра». Это был не просто подстрочный перевод, а большой труд исследователей по изучению текста бессмертного эпоса. Если до Баатра Басангова и Санджи Каляева ученые и фольклористы, не зная языка подлинника, видели сияние и отблески, лишь отдаленно слышали зазывные звуки песен «Джангра», то Баатр Басангов и Санджи Каляев проникли в обетованную страну Бумбу, широко раскрыли вход в нее и увлекли за собой великого Горького и молодого тогда русского поэта Семена Липкина. Через русский язык слава «Джангра», радуя и волнуя, облетела весь мир.

Превосходное знание «Джангра», богатейшего калмыцкого фольклора сказалось на произведениях Баатра Басангова в сверкании ярких эпитетов, неожиданных метафор, сравнений.

Повести и рассказы, пьесы и стихи Баатра Басангова известны всем грамотным калмыкам. Многие из его произведений стали хрестоматийными. Они изучаются в школах.

В дни Великой Отечественной войны Баатр Басангов выступал как пламенный публицист. Его очерки и стихи прославляли бес- смертных героев Отечественной войны. Горячее слово писателя- коммуниста находило желанный отклик в сердцах читателей, наполняя их ненавистью к врагу и верой в победу.

Баатр Басангов умер в 1944 году, в городе Абакане, совсем еще молодым — 33 лет от роду. Но он оставил после себя богатое литературное наследство, которое ждет своего исследователя.

Калмыцкое книжное издательство готовит избранные произведения писателя. Оргкомитет Союза писателей РСФСР рекомендовал издательству «Искусство» выпустить на русском языке сборник пьес Баатра Басангова. Гослитиздат в этом году печатает книгу избранных произведений Баатра Басангова.

Баатр Басангов по праву считается выдающимся мастером калмыцкой советской литературы.

К старшему поколению писателей относится и Константин Эрендженев. С первыми стихами он выступил в начале тридцатых годов. Трудная жизнь выпала на его долю. В детстве он пас отары богачей. Советская власть открыла ему путь, который привел к столу писателя. О своей жизни Эрендженев рассказал в повести «Песнь чабана» — популярной книге в Калмыкии. Скупыми и точными словами писатель рисует мрачную жизнь в старой степи. Тепло и влюбленно автор описывает простых и доверчивых людей из народа. Повесть весьма поэтична: поэт и в прозе остался поэтом, тонким лириком.

Стихи и поэмы Эрендженева пленяют читателя игрою красок, богатством цветов. И весенний ветер, и спектр радуги, и мелодия песен влюбленного светятся в поэзии Эрендженева. В ней и музыка, и живопись, и обилие света.

«Мир как будто бы смеется.
Окропленные водой
Звонкий жаворонок вьются
И орленок молодой.
А в воде озер ныряют
И пускают пузырьки,
Веселятся и играют
Чернокрылые нырки»,—

пишет Константин Эрендженев в поэме «Степь колхозная».

Широко известен в Калмыкии поэт и прозаик — депутат Верховного Совета СССР Лиджи Инджиев.

В 1934 году Инджиев опубликовал свое первое стихотворение «Шандва» о сыне батрака-казаха, ставшего благодаря Советской власти врачом. С этого года стихи молодого поэта постоянно появляются на страницах периодической печати. Он зарекомендовал себя как лирический поэт. Его стихи превращаются в народные песни. Песня Инджиева «Страна Бумба», написанная в сороковые годы, и по сегодняшний день остается любимой песней народа. Она поется во всех самодеятельных кружках. Калмыцкий национальный ансамбль песни и танца начинает свои выступления этой песней. Слова и мелодия ее выражают сокровенные думы народа. Вот почему калмыкам так полюбилась эта песня.

Лиджи Инджиев успешно пробует свои силы и в прозе. Он пишет рассказы «Долан», «Бамба», «Булгаша» и «Банлаша». В них молодой писатель живым и горячим словом рассказывает о тех грандиозных изменениях, которые происходили в калмыцкой степи.

В 1935 году Лиджи Инджиев написал первую пьесу «Байчха». Она сразу нашла себе место на сценах колхозных клубов, районных домов культуры. В ней автор показал образ новой женщины-калмычки — колхозницы, государственного деятеля.

Гражданская война, становление Советской власти в Калмыкии, формирование нового советского человека, любовь и дружба в новом обществе, дружба народов СССР, партия и народ — таков тематический диапазон творчества Инджиева. Стихи Инджиева на первый взгляд просты и незатейливы, но они всегда несут в себе глубокий философский подтекст.

Инджиевым переведены на калмыцкий язык «Песнь о Соколе», «Дед Архип и Ленька», «Старуха Изергиль» и другие произведения А. М. Горького, стихи Пушкина, Лермонтова, Шевченко.

1938 год был замечательным в жизни писателя. В этом году он был принят в ряды КПСС.

В первые же дни Великой Отечественной войны Лиджи Инджиев добровольно ушел на фронт. Слово поэта-политработника вдохновляет бойцов на ратные подвиги. В фронтовых газетах «Красный кавалерист», «За Отечество» появляются стихи, статьи и очерки Инджиева о славных защитниках нашей Родины. Не только как литератор, но и с автоматом в руках он принимает активное участие в боях на Северном Кавказе, у Керчи, за Ростов-на-Дону. Тема Великой Отечественной войны занимает видное место и в послевоенном творчестве писателя.

В разные годы изданы Инджиевым книги: «Радость», «Родник», «Наша сила» и другие.

Высокая честь, оказанная писателю избранием в депутаты Верховного Совета СССР, говорит о том, что его книги дошли до чита-

тлся, тронули струны его сердца, а это — высшее счастье писателя.

Много труда и энергии в развитие калмыцкой литературы вложил покойный поэт Церен Леджинов. Он вступил в калмыцкую литературу в начале тридцатых годов. Своеобразная манера письма, страстность молодого поэта обратили внимание литературной и читательской общественности. Стихи Церена Леджинова всегда динамичны и напряженны. Таково стихотворение «Отцу», в котором автор сумел выразить величие того, что дала Советская власть калмыкам. Молодой человек, познавший, что такое просвещение, обращается к отцу: «Учитесь, отец!». И мы, читая стихи поэта, верим: эта просьба исходит из сердца.

Все гражданские стихи Леджинова полны пафоса, чувства гордости своим временем, своей прекрасной страной.

Леджинов написал запоминающиеся стихи, посвященные новой женщине-калмычке. Тяжелым было положение калмыка-степняка до революции, но в десять раз тяжелее приходилось женщине-калмычке. Она всю жизнь была бессловесной рабыней. Она не имела права произносить имя не только мужа, но и всех его близких и дальних родственников. Церен Леджинов в своих произведениях показал раскрепощение женщины-калмычки, ее путь в ряды строителей новой жизни.

Церен Леджинов оставил замечательные стихи, воспевающие партию и Ленина, Родину и народ.

Церен Леджинов был общественным деятелем и организатором. Он возглавлял Союз писателей Калмыкии. В сентябре 1940 года, на юбилейном пленуме Правления Союза писателей СССР, Леджинов сделал доклад об итогах развития калмыцкой литературы за двадцать лет.

В конце тридцатых годов в калмыцкой литературе выступил писатель Бембе Джимбинов. Свой творческий путь он начал как литературовед-фольклорист и очеркист.

Калмыки все важные события в истории народа сохраняли в песнях. Изучая калмыцкие народные песни, мы можем проследить путь калмыков из Джунгарии в Россию, увидеть результаты попытки вернуться обратно, услышать рассказ о нашествии Наполеона, о том, как калмыки рубились «не ради смерти француза, а ради своей жизни». Калмыцкие песни сохраняют в памяти народа не только исторические события, но и детали событий, имена героев.

Литературовед и фольклорист Бембе Джимбинов собрал эти песни, обработал и систематизировал. Эта работа была нужна для литературоведов и писателей, для историков, этнографов, лингви-

стов. Как очеркист, Бембе Джимбинов рассказывал о богатствах Калмыкии, о ее новых людях.

В последние годы он успешно выступил как поэт. Его стихи, которые помещаются в газете «Хальмг унн» («Калмыцкая правда») и на страницах альманаха «Теегин герл» («Свет в степи»), показывают нам Калмыкию сегодняшнего дня, в них слышится шум новостроек и песни чабанов, идущих за отарами тонкорунных овец — основного богатства Калмыкии. Стихи поэта выражают сегодняшние думы и чаяния народа, и потому они близки душе читателя.

Сейчас Джимбинов работает над поэмой «Русский человек», о дружбе народов СССР.

Калмыцкое книжное издательство в этом году издало книгу народных песен, собранных и обработанных Бембе Джимбиновым. Издание сборника песен явилось хорошим подарком народу.

Во второй половине тридцатых годов пришел в литературу Морхаджи Нармаев. Свой творческий путь он начал как прозаик. Первая же его небольшая повесть «Санджи» сразу обратила внимание общественности. В ней молодой писатель правдиво описал судьбу мальчика, который благодаря Советской власти получил образование, стал строителем новой жизни. Простой, безыскусный сюжет, типические обстоятельства, так метко схваченные острым взглядом художника, искренность и правдивость повествования выдвинули повесть в число лучших прозаических произведений калмыцкой литературы. Повесть в свое время была переведена на русский язык и напечатана в альманахе «Дружба народов».

После первой повести Морхаджи Нармаев стал выступать в печати с хорошими, свежими стихами.

В прошлом году Нармаев закончил работу над первой частью большой поэмы «Полярная звезда». Это крупное поэтическое произведение занимает центральное место в творчестве писателя. В ней он рассказывает о приходе Советской власти в калмыцкие степи. Поэт правдиво рисует жизнь забитых нуждой батраков и бедняков, жизнь тех, кто тщетно стремился к счастью и изобилию. И это счастье приходит в калмыцкие степи с вестью о революции в далекой столице.

«О, юрта, как же ты черна,
Дырява и помята...
За всадниками — пыль одна,
Да степь, тоской объята»,—

так начинается глава поэмы «Ленинское письмо». И жизнь тех, кто живет в этих юртах, так же «черна и дырява». Но вот приходят в степь коммунисты и разъясняют бедноте:

Октябрь во все концы страны
Шагнул. Сам царь слетел.
И нет теперь ему цены,
Царь белый не у дел.
Богатых власть, слышал,
Распалась, как труха.
Там и закон за бедных встал...

Коммунисты несут слово Ленина в народ, и оно, как яркий факел, освещает многовековую тьму многострадальной калмыцкой степи. Клич Ленина передается из уст в уста, от сердца к сердцу, и народ становится под знамена коммунистов, выступает на защиту своей родной Советской власти.

Мюрхаджи Нармаев принимал активное участие в Великой Отечественной войне. За героизм, проявленный в боях с немецкими оккупантами, калмыцкий поэт награжден боевыми орденами и многими медалями.

Он — участник славной обороны героического Сталинграда. Сейчас поэт работает над книгой об уничтожении немецкой армии под Сталинградом.

Стихи поэта Басанга Дорджиева зазвучали в полный голос в предвоенные годы. Двадцатилетним юношей он заставил потесниться поэтов и занял свое, ему принадлежащее, место в калмыцкой поэзии. Поэт привлек внимание читателей своеобразным видением мира, своеобразной интерпретацией явлений мира, свежестью и богатством поэтической палитры. В его стихах ощущался живой пульс биения жизни Калмыкии сороковых годов.

«Отары овечьи простор облегли,
Хлеба золотятся волнами вдали...
Задумчиво бродят коровы в лугах...
Простор посвежел, напоенный водой,
И трактор, исполненный силой живой,
Врезается в грудь целины вековой...» —

писал Басанг Дорджиев и читатель, который сам был свидетелем и вершителем этих преобразований, с радостью находил свои чувства, свои мысли в этих ясных, живописных стихах. Поэт пишет картины новой жизни густыми и яркими мазками, объекты его картин выступают объемно, выпукло, осязательно.

Басанг Дорджиев пришел в литературу из газеты. Газета научила его оперативности и умению быстро ловить все то новое, что приносит каждый день, и откликаться на это новое взволнованными и волнующими строками.

Басанг Дорджиев, как и всякий настоящий поэт, влюблен в жизнь. У него горячее и чуткое сердце. Нельзя читать бесстраст-

но «Балладу о журавлях». Фашистский ас спикировал на передовую, получил достойный отпор от наших славных воинов и повзрнул вспять. На пути увидел журавлиную стаю, летевшую на юг, и открыл по ней огонь. Падают подбитые журавли, летит пух. Через эту, казалось бы незначительную, деталь поэт показывает нам дотла опустошенную душу фашистского садиста, находящего удовольствие просто в убийстве.

Многие лирические стихи Басанга Дорджиева построены на тонких психологических наблюдениях, когда поэту счастливо удается схватить какой-то неуловимый нюанс в движении явления и через него показать все явление. Для лирики Дорджиева характерно стихотворение «Цветок». Какой большой и по-настоящему красивой должна быть душа человека, который готов прикрыть грудью первый распустившийся цветок от стужи мартовского ветра!

Басанг Дорджиев, автор многих книг, сейчас в расцвете творческих сил. Читатель вправе ожидать от него новые произведения, созданные на новой высоте мастерства.

Исторические решения XX съезда КПСС положили конец несправедливости по отношению к калмыкам, существовавшей в годы культа личности.

После XX съезда КПСС калмыцкая литература переживает период необычайного подъема. Появляются новые законченные значительные произведения и отрывки из широко задуманных полотен. Сейчас идет интенсивный приток в литературу новых имен молодых авторов, чьи стихи и рассказы говорят об их несомненной одаренности. Таковы имена Алексея Балакаева, Боси Сангаджиевой, Андрея Джимбиева и многих других. Значительно повысили художественный уровень своих произведений Михаил Хонинов, Зренцен Лиджиев, Дулахан Бадмаев, выступавшие в литературе еще в начале сороковых годов.

У нас есть все основания с ближайшие годы ожидать от калмыцких писателей произведений, достойно отражающих жизнь народа.

1958 г.

Ответы на вопросы анкеты журнала «Вопросы литературы»

Вопросы анкеты:

1. Более тридцати лет отделяют нас от Первого съезда советских писателей, который был крупным событием в духовной жизни нашего народа. Масштаб задач, стоящих сегодня перед советским обществом и перед советской литературой, еще более значителен, чем в ту пору. Чего Вы ждете от Четвертого съезда советских писателей? Каким хотите его видеть? Какие творческие вопросы, на Ваш взгляд, должны стоять в центре внимания съезда?

2. Какое место занимает и какие задачи выполняет литература сегодня, в эпоху грандиозных социальных перемен, в век атомной энергии и электроники, кино и телевидения? В какой мере советская литература отражает процессы современной действительности и в какой мере оказывает на них влияние?

3. За пятьдесят лет существования советская литература уже создала свои традиции. Какие из них наиболее близки Вашим устремлениям, Вашему творческому опыту? С какими проблемами жизни и литературы Вы сталкиваетесь в сегодняшней Вашей работе?

Ответы:

1. Жду от IV съезда писателей СССР — многого. Хотел бы видеть этот съезд примерно таким же, каким был I съезд писателей СССР. Может быть, трудно будет сделать такой же доклад, какой сделал А. М. Горький, но доклад такой же интересный, какой сделал Л. С. Соболев, на I (но не на втором) съезде писателей РСФСР, наверно, можно.

Исходя из того, что наша литература — это лес, а не парк с подстриженными деревьями, лес с единой корневой системой (имею в виду идейные позиции писателей), хотелось бы, чтобы разговор шел о всей нашей многонациональной литературе, разговор страстный, заинтересованный, объективный. В лесу, как известно, есть высокие деревья и среди них — самое высокое, но как бы не было высоко одно дерево — оно не составит леса, не даст зелени, шума, воздуха — леса. Советская литература — плод работы большого коллектива наших писателей, разных степеней талантов, но все-таки работа всех. Само сравнение с лесом не допускает мысли о нивелировке.

Далее. Хотелось бы, чтобы на этом съезде была дана возможность высказаться представителям всех литератур, разумеется, без нудных перечислений «достижений», чтобы съезд был демократичным, в самом подлинном смысле слова, а писатели уважали друг

друга и не покидали зал гурьбой во время выступлений своих коллег. Пусть в большом докладе о состоянии советской литературы не потонут литературы автономных республик и областей. История мировой литературы доказывает, что таланты распределялись независимо от количества населения и величины территории той или иной страны и не всегда сосредоточивались в столицах.

Я жду интересных, проблемных выступлений на съезде М. А. Шолохова, А. Т. Твардовского, К. Г. Паустовского, И. Г. Эренбурга, М. С. Шагинян, А. А. Ахматовой, Л. Н. Мартынова, Г. Леонидзе, К. Кулиева, Э. Межелайтиса, Ю. Смуула и многих других мастеров, которые за последние годы не очень охотно делятся своими мыслями о сегодняшней литературе, литературном процессе. Пусть будет предоставлено слово представителям более молодого поколения: Егору Исаеву, Евгению Евтушенко, Роберту Рождественскому.

Не нужно бояться споров. Но споры должны идти от любви к нашей литературе, а не любви к себе и к своим литературным единомышленникам, при равных возможностях, с решительным пресечением попыток кем бы то ни было монополизировать истину и любовь к Родине, при искреннем желании спорящих понять друг друга, а не положить на обе лопатки.

Споры (не схоластические и без оглядки) должны идти вокруг книг, помогающих людям жить.

Хотелось бы, чтобы в центре съезда был большой разговор о Человеке и Правде, о нашем гуманизме.

Политика КПСС, решения последних Пленумов ЦК КПСС, по сути и духу, дают писателям возможность провести IV съезд на высоком уровне, на уровне требований времени.

И еще: о регламенте. Имея в виду важность съезда, нужно, чтобы съезд работал столько же времени, сколько I съезд, при А. М. Горьком, а не внес кто-либо на второй день, после выступлений какого-то количества нужных ораторов, «предложение о необходимости прекращения прений».

2. То же, что и в эпоху Достоевского и Толстого, а, может, и более раннего, только соответственно своему времени. «Грандиозные социальные перемены, бурное развитие атомной энергии, кино и телевидения» (из вашей анкеты) — не есть заслуга только нашей эпохи, а результат труда, мыслей, борьбы всех предыдущих эпох, все это — закономерность развития человеческого труда и знания. Если бы в свое время, в силу необходимости, не было изобретено простейшее колесо, наверное, мы не имели бы современных чудес техники. И вполне возможно, первое колесо было изобретено призывной песней любви, а пути воздействия песни на

изобретателя — неисповедимы. К стати, сила воздействия произведений литературы и искусства более устойчива, чем влияние современных этим произведениям достижений науки и техники. Первый паровоз, сделавший переворот в технике, давно уже стал экспонатом музея, а Шекспир все еще дает активные импульсы мыслям и чувствам человека. Вспомним признание Эйнштейна о влиянии на его научные поиски произведений Достоевского. Литература и сегодня занимает свое место, отведенное ей жизнью, воздействуя на течение времени при помощи человека. Человек двигает науку и технику, а литература и искусство улучшают самого человека. Неистребимое стремление человека к самоусовершенствованию — есть двигатель прогресса и пока (а оно вечно) будет существовать это стремление — значение литературы будет велико и неопределимо.

В недавнее время, да и сейчас, изредка возникают разговоры о «физиках и лириках», о возможностях электроники и кибернетики в области творчества. И электроника и кибернетика вызваны человеком к жизни для облегчения работы мозга, а не для замены его. Я думаю, когда было найдено первое приспособление для движения человека без помощи ног, наверное, вовсе не шел разговор о замене ног транспортными средствами так же, как сейчас, биологи, сосредоточивая свое внимание на нуклеиновой кислоте, не задаются целью создать «мыслящий белок», а заботятся о проникновении в тайны жизни, чтобы сузить сферу смерти. Однако, нужно сказать прямо, — сегодняшнее грандиозное развитие науки и техники делает невозможным существование примитивных произведений литературы, которые, к сожалению, все еще, и довольно часто, рождаются у нас.

В связи с вопросом о том, в какой мере советская литература отражает процессы современной действительности и в какой мере оказывает на них влияние, должен сказать следующее: мне кажется, что он поставлен несколько прямолинейно и от этого на него трудно отвечать. Вероятно, мера отражения и является мерой ее влияния. Дело в том, что литература не просто отражает жизнь; роль ее более активна: отражая, она и комментирует жизнь, подает ее в своей интерпретации, воссоздает с качествами, которые иногда скрыты в подтексте самой жизни, вмешивается в воссоздаваемую действительность, влияет на нее.

Отражение жизни советской литературой — нестатично, ибо сама жизнь — движение. Литература воссоздает непрерывность этого движения с опережением, доступным ее видению, проникает во внутренние механизмы, вызывающие движение, ставит вопросы из «завтра» или для «завтра». Горизонты видения с опережением

простираются во времени даже на века (если иметь в виду духовный взор гения). В этом отличие отражения жизни литературой от отражения движения спринтера в кинокадрах, рабски фиксирующих только внешнее да и то — прошлое. Подвластная материалистической диалектике, литература выступает в качестве утвердителя исторического события, как части движения, или в качестве бунтаря.

Единство и борьба противоречий жизни находят полное отражение в литературе, в противном случае нет литературы, а есть профанация искусства.

Трудно говорить о мере «отражения» жизни и «влиянии» на жизнь советской литературы, ибо литература и искусство — та сфера деятельности человеческого духа, плоды которой не измеряются никакими единицами меры и проявляются не сразу, как, скажем, конечные результаты удачных исследований в научной лаборатории. Но огромный интерес советского народа к своей родной литературе, говорит в какой-то степени о мере отражения ею жизни и о ее влиянии на жизнь.

3. Да, традиции есть. Но с каждым годом становится трудней писать. Растет требовательный читатель. Однако не писать — еще труднее.

Литература последних лет, на мой взгляд, все более тяготеет к философскому осмысливанию и обобщению сложных явлений и событий жизни. Жизнь — многолика и каждый лик ее непостоянен. Взор же писателя должен уловить все стороны жизни. Есть у калмыков такая притча: «Когда-то в далекие времена молодая красавица калмычка вывела на базар бычка. Много находилось покупателей, но каждый испуганно отскакивал прочь, ошарашенный названной ею ценой. Девушка просила за бычка не больше, не меньше, как левый глаз хана. И когда вызвал ее грозный повелитель и потребовал объяснения, она ответила, что ему, хану, левый глаз мешает видеть мир, ибо хан видит только правым — сильных и могучих, а левый, предназначенный, чтобы видеть слабых и сирых, всегда закрыт. Так может, сказала она, лишенный левого, одним глазом вы будете видеть всех!»

У писателя должны равно видеть оба глаза, должны видеть всё и всех.

Тема современности стала главенствующей в произведениях наших писателей. Это ясно. Но мне хотелось бы высказать несколько мыслей по этому поводу. В свое время некоторые люди, заигрывая с фактами текущей истории и льстя им, пытались обвести жирной чертой границы того, что входит в понятие «современность». Они даже намекали на годы, с коих начинается эта современность. Но

думать так—значит вступить в противоречие с законами диалектического материализма, насильно отрывать одну эпоху от другой, разрывать естественные взаимосвязи в историческом процессе. Такая установка способствовала появлению серых книг, открывала перед ними зеленую улицу. Конъюнктурщики знали, в какой момент и что нужно побыстрее нести в издательство. Но ведь нынешний день не с неба падает, а зарождается в чреве вчерашнего дня! Разве можно искусственно разрывать время? Может, кому-нибудь это и выгодно, но партийной правде противопоставлено.

Представьте себе двух братьев-близнецов. Один из них, допустим, вырос на необитаемом острове, среди волков. У него есть руки, отличающие его от зверей. Но он все же полузверь. Он не говорит, а рычит, и два психологических момента всегда владеют им: или высматривает — кого бы съесть, или боится быть съеденным. Второй брат вырос среди людей. В формально взятых рамках времени — они ровесники, они современники. Но между их жизнями образовался многотысячелетний провал. Если гены по наследству передают физиологические качества человека и потенциальные возможности для его будущего духовного развития, то многотысячелетнее богатство общечеловеческой культуры, бережно сохраненное людьми, дает нынешнему современному человеку тот интеллект, тот ум, который делает его украшением и венцом природы. И потому, думается, понятие современности включает в себя необычайно широкий круг проблем, все то, что необходимо для воспитания подлинно современного человека. Ибо только благодаря тому, что мы усвоили культуру, созданную людьми до нас, — мы есть те, кто мы есть сегодня. На самом деле, не будь периодической системы Менделеева, — не было бы современной химии, творящей чудеса; не будь открытий Ньютона, — не было бы современной ядерной физики; не будь постулатов Эвклида, — не было бы геометрии Лобачевского; не будь всего выше названного — не было бы ни теории относительности Эйнштейна, ни открытий Курчатова.

Таким образом, современный человек не есть дитя только того отрезка времени, которое определяется короткой чертой между датами жизни и смерти, нет! Он есть результат, он есть мыслящий итог развития всего человеческого общества и потому, когда мы говорим о людях сегодняшнего дня, мы видим в них современного человека, сложного и мудрого, с опытом жизни, протяженность которой определяется всей историей человечества. И книги, которые нужны им, чтобы стать на уровень эпохи и есть современные книги. (Разумеется, сказанное выше отнюдь не означает, что разработка современной тематики не является актуальной задачей. Не

следует только упрощенно, вульгарно понимать эту актуальность.)

Какая же ответственность лежит на нас, писателях, которые должны раскрыть столь богатый внутренний мир своих современников! Ибо, обладая таким богатым внутренним миром, и только потому, наши современники совершают свои внешне зримые поступки, выращая хлеб, воздвигая заводы, вырываясь на космические просторы Вселенной.

Писатель, с помощью слова, или, вернее, самим словом, помогает формированию мировоззрения человека. Он выступает в качестве учителя и учеников у него миллионы. Миллионы живущих сегодня и миллионы тех, кто придет завтра, сменяя нас. Не просто сменяя, а вбирая в себя все то, что есть в нас неумирающего: наш опыт, наши мысли и чувства, наше понимание добра и прекрасного, наши великие мечты. Слово писателя, напечатанное — не воробей, оно не может улететь, оно поймано силками линотипов и остается навеки. И потому писатель должен иметь моральное право на то слово, которое говорит читателям. Не должно быть такого положения, когда трус учит храбрости, глупец — мудрости, ханжа — нравственности, а подлец — благородству.

Таковы мои ответы на вопросы, поставленные Вами. Может быть, я местами ломился в открытые двери, но что же поделаешь, коли так получилось.

1965 г.

Страницы автобиографии

Из автобиографии

Несколько лет тому назад, почти через двадцать лет, я вновь приехал в свой родной хотон — калмыцкое селение. За эти годы он передвинулся километров на пять влево, и его прежнее место было запахано под хлеб. Но все же меня неодолимо потянуло именно в ту точку земли, где я родился, словно я позабыл там что-то очень важное. Я взял с собою старика Андрэ — моего дядю. Как из далекого сна возникали знакомые ложбины и холмы, но странно — все было поразительно меньше размерами, чем сохранилось в моей памяти. Огромный курган был всего лишь небольшим бугорком, величиной с горб верблюда, а гора, с вершины которой, как казалось в детстве, можно было доставать звезды с неба, была лишь махоньким пригорком. Дядя показал мне едва заметную, обросшую травой насыпь — след нашего дома. Она была сплошь изрыта мелкими норками полевых мышей. Мы подошли ближе. Тут, на бурых колючих стеблях полыни, я увидел повисшую сухую шкуру змеи, а чуть выше, на насыпи, — хозяйку этого платья, большую степную гадюку. Она угрожающе подняла голову, высунула острый, блестящий темно-коричневый язычок и зашипел

ла. Я быстро схватил валявшийся под ногами, почерневший от времени обломок черепицы и замахнулся, но кинуть не успел — дядя торопливо и, как мне показалось, испуганно отвел мою руку в сторону.

— Зачем! — укоризненно покачал он головой. — Такая хорошая примета!

— Чем же она хороша? — изумленно спросил я.

— Да ведь это не какая-нибудь лягушка, а могучая гадюка стережет место твоего рождения, охраняя твой кишиг, твое счастье, которое началось вот отсюда! Здесь ты впервые приподнял свои веки и увидел небо и солнце, землю и людей, а это и есть начало человеческого счастья, — философски заметил дядя.

— Дядя Андрэ, ведь вы знаете, какое у меня счастье, — с усмешкой ответил я ему.

— Знаю, знаю, — сказал Андрэ, взглянув на меня. — Ты воевал за правду, был на остриях миллионов крепких пик, горел в огне войны, а видишь, остался жив. Разве это не есть счастье? Мужики не хуже тебя погибли. Ты много лет был в тюрьме. Старички говорят: «Пусть лучше жизнь умрет, чем имя». Разве сохранить свою честь, пройдя через столь трудные испытания, не есть счастье? — несколько торжественно воскликнул мой дядя и повел меня в сторону холмика, метрах в двухстах от нас.

— Это — могилка твоей тети, которой ты не видел, она умерла за несколько дней до твоего рождения.

Я безразлично глядел на осевший, почти сравнявшийся с землей холмик. Это задело и рассердило дядю.

— Ты послушай, что я тебе скажу, — наставительно продолжал он. — Был голодный год. Дед твой всей многочисленной семье нарезал равными долями по тоненькому ломтю хлеба. Ты был тогда еще в материнской утробе. Твоя тетя знала, что скоро умрет. Она не ела свою долю, а, по праву старшей заставляла есть твою маму. Мама твоя отказывалась, но та ей приказывала: «Я не тебе дам, а тому, кто в тебе... Что пользы от того, что я лишней месяц проживу? Зато пусть он живет сто лет, за месяц недожитый мною. Бери!» — говорила твоя тетя. А теперь подумай: если бы тогда твоя мама не получала лишней кусок хлеба, — может, и тебя не было бы на свете?

Рассказ дяди взволновал меня. Так, оказывается, еще не родившись, я впервые принял помощь человеческую, жертву во имя того, чтобы я жил и видел свет.

Я родился в 1922 году, в семье сельского учителя в хотоне Абганер Гаханкины, Сладковского совета, Западного района, Калмыцкой АССР. Помню, жили мы при школе. С шести лет, вме-

сте с учениками первого класса, с которыми играл во время перемен, я стал ходить на занятия. Так, «вольнотружателем», научился читать и писать. Любил читать. Первой книжкой, которую прочитал самостоятельно и которая на всю жизнь пробудила во мне огромное любопытство ко всему напечатанному, был рассказ «Нелло и Патраш». До этого мне читали и тут же переводили «Робинзона Крузо». Замечательные иллюстрации были вторым языком книги, и я почти все понимал.

Из дошкольных лет ярко запомнился приезд к нам в гости двух калмыцких писателей и общественных деятелей: Амур-Санана и Карвина Лиджи.

Антон Мудренович Амур-Санан был человеком удивительной судьбы. Безродный сирота и пастушонок, одаренный, благодаря своей любознательности и настойчивости, он сумел еще до революции овладеть грамотой, поступить в университет Шинявского. Там он подружился с революционно настроенными русскими интеллигентами, в том числе с одним из основоположников пролетарской поэзии Егором Нечаевым, который посвятил ему поэму «Сургаль — все!» («Учеба — все!») Естественно, Амур-Санан восторженно встретил революцию, вступил в члены большевистской партии. Он принимал самое активное участие в установлении Советской власти в Калмыкии, в гражданской войне. Был избран членом ВЦИК, неоднократно встречался с В. И. Лениным. О своей жизни впоследствии он подробно рассказал в интереснейшем автобиографическом романе «Мудрешкин сын», написанном на русском языке. Роман за короткий срок выдержал семь изданий. Амур-Санан пользовался среди калмыцкого народа огромным, непререкаемым авторитетом.

Карвин Лиджи до революции был народным учителем, просветителем. Это он сумел привить Амур-Санану любовь к образованию. Просветительскую работу Карвин совмещал с борьбой с многочисленными представителями духовенства — ламами, гелюгами. Печатал статьи, направленные в защиту трудового люда. Писал стихи, в основном сатирические. Я знал наизусть множество его стихов.

Приезд двух уважаемых в народе мужей был большим событием в нашем хотоне. В доме стояла суета. Резали барана. Созывали на вечер почтенных односельчан. Я любил, когда у нас собирались люди. Много интересного рассказывалось тогда, а слушать необычайные истории я был готов всю ночь напролет. Но на этот раз было скучно. Все собравшиеся с серьезными, сосредоточенными лицами внимали гостям. Гости говорили о многих для меня непонятных вещах, часто упоминая имена Ленина и Троцкого. Я по-

нял, что Троцкий — это враг Ленина. А потом внимательно слушали наших и Амур-Санан что-то записывал. Это меня удивляло. Такой ученый человек и записывал слова Манджи, Явана, Эрдни, Я должен был читать стихи, но к концу вечера вышло так, что остался незамеченным, — видимо, не до меня было. Лишь отъезжая, ласково погладив мою голову, Амур-Санан спросил:

— Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

— Ученым, — ответил я, не задумываясь.

Мой ответ ему понравился. Он покопался в кармане, вытащил горсть мелочи и сказал:

— Если сосчитаешь — все деньги будут твои.

Я схитрил. Считал очень долго, хотя про себя и знал, что не сосчитаю. Уж больно не хотелось возвращать то, что попало в руки.

— Ну, ладно, когда станешь ученым, тогда и сосчитаешь, — сказал он, смеясь, — учись, чтобы быть ученым.

Я в самом деле хотел быть ученым. Только нужно иметь в виду, что ученым в то время у нас считался тот, кто умеет бегло читать и красиво, каллиграфическим почерком писать. Пользуясь случаем, хочу сказать, что у нашего народа всегда было глубочайшее уважение к науке. Это подтверждают многочисленные пословицы и поговорки, такие, как «сокровища казны — исчерпаются, сокровища знаний — никогда!»

У калмыков очень богатый фольклор. Среди многочисленных сказок самым известным был и остается великий эпос «Джангар». Я любил слушать и рассказывать школьным товарищам о богатырях и волшебниках. Обычно мы уходили в степь, находили укрытие от ветра и просиживали до вечера — мы жили в мире чудесных легенд о фантастических странах, созданных народным воображением. Тот, кто знал фольклор, пользовался почетом и уважением не только среди детей, но и среди взрослых. Бывало, в зимние вечера почтенные дяди, одобрительно кивая, внимательно слушали мои выдумки о подвигах степных богатырей. В знак благодарности угощали меня сладостями.

Из детских лет хорошо помню период коллективизации. Мужчины хотона часто собирались в школе и в сплошном дыму крепкого самосада, при свете двух семилинейных керосиновых ламп допоздна говорили, обсуждали, что к чему. Мне не запрещали бывать почти на всех собраниях. После всего слышанного создавалось впечатление, что это очень хорошее дело, все желают колхоза, но, при этом, каждый хотел, чтобы лично его хозяйство (из тех, кто имел) было сохранено, а у всех других — обобществлено, а он посмотрит со стороны — как пойдет жизнь. Чувствовалась боязнь нового.

Когда уводили со двора нашу пегую кобылку — я убежал в сарай и долго плакал. Не потому, что во мне было так сильно чувство собственника, а потому, что мы с ней крепко дружили. Я часто разговаривал с ней и, может, поверял ей то, что никому не говорил. Мне было жалко лошадку и себя. Казалось, теперь она стала ничьей.

После окончания пятого класса случилось важное для меня событие. В ту пору мы из своего хотона переехали в другой район, в совхоз. Учился я хорошо, был ударником. Рабочником совхоза № 107, совместно с руководством школы, премировал меня отрезом на рубашку и вторым томом «Капитала» Карла Маркса, как было указано в приказе, «за активное участие в общественно-политической жизни и ударную учебу». К тому были основания. Незадолго до окончания учебного года, в многотиражной газете политотдела нашего совхоза, появилось мое первое, напечатанное типографским шрифтом, стихотворение, под длиннющим названием «Успешно проведем отелочную кампанию». Помню, в нем было очень много вопросительных и восклицательных знаков и я, определяя политические задачи, давал практические указания. Но каким бы не было это стихотворение, оно, напечатанное в газете, давало мне повод считать себя поэтом. Я даже стал хуже учиться, создавая каждый день графоманские поэмы о чем угодно.

То были годы, когда лозунг о необходимости бдительности начинал приобретать свой последующий зловещий смысл.

Комсомольцы и пионеры старшего возраста нашего совхоза организовали боевые посты ночного наблюдения, направленные против вылазок классовых врагов. По приказу помощника начальника политотдела по комсомолу, старший конюх скрытно готовил на ночь для нас лошадей. Перед рассветом, группами по 4—5 человек, от 13 до 16 лет, мы садились на оседланных коней и веселой кавалькадой галопом мчались вперегонки по ковыльным прэриям калмыцких степей, совершая свой ночной героический рейд. Удивительно, выполняя задания комсомольской и пионерской организаций, в пути каждый из нас воображал себя героем «Дубровского» или «Всадника без головы», «Тараса Бульбы» или «Ричарда Львиного Сердца».

Мы появлялись на гуртоправских точках неожиданно, в период сладчайшего сна скотоводов.

Мы проверяли работу, выполнение директив, которые сами знали туманно, бдительность гуртоправов. Мы доискивались: не пользуются ли они молоком государственных телят для своих собственных детей, не сбивают ли тайком масло на калмыцкий чай. И вот что странно: взрослые люди беспрекословно выполняли на-

ши требования и оттого, почемумо-то, мне, мальчику, было почти стыдно, то ли за них, то ли за себя. Я смутно догадывался, что мы поступаем нехорошо. Правда, бывали случаи, когда отдельные гуртоправы довольно в резкой форме давали нам «от ворот поворот». Но их на другой день вызывали в политотдел. В следующий раз они предпочитали держаться смирно.

Однако, как бы там ни было, явного антагонизма, враждебности между нами и гуртоправами не было, напротив, кажется, они даже проявляли к нам уважение, смешанное с недоумением — почему это нужное дело делается именно так, при помощи детей. А в нас, по отношению к гуртоправам, шевелился червь гордыни превосходства. Ведь и ребенок — человек.

Нас поощряли руководители, но я тогда не понимал, почему старики, поглядывая на нас, укоризненно качали головой, горестно вздыхали и говорили в чей-то адрес: «И кого они выращивают?».

Выше я упомянул о своем первом напечатанном стихотворении, название которого, вероятно, вызвало у читателя улыбку. Разумеется, оно было лишь ученическим подражанием некоторым образцам поэзии тех лет.

Крушение моих литературных иллюзий началось после того, как я переехал учиться в Элисту — столицу нашей республики. При образцовой средней школе № 1 (тогда были образцовые школы) был литературный кружок. Разумеется, я сразу записался туда. И тут в смятении начал догадываться о том, что стихи мои далеко еще не стихи. Руководителем нашего кружка был преподаватель русского языка и литературы, человек с большим вкусом.

В ту пору, когда мне было четырнадцать лет, почастивилось мне познакомиться с двумя замечательными людьми, которым я благодарен до сегодняшнего дня. Это были классик калмыцкой литературы Баатр Басангов и известный переводчик «Джангра», чудесный русский поэт Семен Липкин. Они-то и показали мне труднейшую дорогу, по которой нужно было идти, сбивая в кровь ноги, в изумительную страну, называющуюся Поэзией.

Абсолютное большинство моих стихов тех лет носили риторический характер, были славословьем. Чего-то достигал там, где следовал манерам фольклора. Фольклор учил меня думать. Я любил «Джангар», знал наизусть целые главы. Умение народных певцов передавать в эпосе движение и выписывать детали — удивительно. Эти гениальные качества поражают меня и сейчас. Философия поэмы была спрятана где-то глубоко в действии, что нынче мы называем подтекстом. Суть ее философии заключалась в неимоверной любви к человеку, вере в необоримую силу духа и плоти человека. Неожиданные грандиозные гиперболы, развернутые цветистые ме-

тафоры, точные, единственно возможные, сверхающие эпитеты, не- сказанное богатство языка, высокая, как небо, мудрость, совершен- ное построение композиции — все это сделало бессмертным поэму «Джангар». «Баснословной повестью» называл ее Гоголь.

Я добросовестно изучал фольклор, но в своих произведениях почему-то непременно скатывался к многословью и описательно- сти. Возможно, это было обратной стороной моего увлечения фоль- клором. На длинноты и описательность моих стихов указывал Баатр Басангов, беспощадным красным карандашом безжалостно вычер- кивая дорогие моему сердцу строфы. Он учил меня читать и по- нимать классиков.

Как-то Баатр полюбопытствовал, кого я читаю из русских поэ- тов. Я назвал многих. «А Бунина читал?» — спросил он. Я знал Бунина только как переводчика «Гайаваты». «Послушай, — загора- ясь, сказал тогда Баатр, — много сейчас пишут стихов о Родине и ты сочиняешь, а вот как обращался к ней Бунин. Стихотворение так и называются «Родине». В слове «сочиняешь» я уловил явную иронию. И тут же он прочитал:

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

Завершающую строку он читал, задыхаясь. Блеснули слезы. Нервным движением торопливо поднес он к глазам платок и как- то странно, почти виновато, улыбнулся. На этом, потрясшем меня стихотворении, Баатр построил целую лекцию не только о том, что такое образ и настоящие стихи, но и проникновенно, горячим язы- ком чувств сказал о том, что такое Родина. В результате я стал стыдиться своих стихов. А Бунина полюбил на всю жизнь.

Баатр Басангов, будучи в основном драматургом и прозаиком, страстно любил поэзию, понимал ее и умел заражать своей лю- бовью других. Он открыл мне Тютчева, утверждая, что это был ге- ниальный поэт. В подтверждение своей мысли приводил строки:

Он не змеею сердце жалит,
Он, как пчела, его сосет.

«Поэт собирает из жизни нектар, как пчела — мед, мед! Понимаешь?!» — восклицал он, будто кто-то ему возражал.

Обладая врожденным тактом, Баатр был в высшей степени деликатен и уважал самолюбие, достоинство молодых. Сложную, иногда щекотливую, мысль он мог сказать при помощи пословицы или короткой сказки-притчи.

Однажды я принес в номер гостиницы, где жили он и Семен Липкин, историческую повесть из времен Чингис-хана, написанную мной на русском языке, разумеется, чрезвычайно слабо.

За круглым столом вместе с хозяевами сидел красивый старик с очень добрым лицом, похожий на интеллигентного столяра. Он оказался прославленным художником, впоследствии академиком, Владимиром Андреевичем Фаворским, приехавшим в Элисту готовить иллюстрации к «Джангру». Помню, просмотрев несколько страниц мелко исписанной общей тетради в клетку, Семен Израилевич сказал:

— Из вас может получиться писатель. Вы умеете думать и ясно видеть. Вот монгольскую лошадь вы сравнили с картофелем — это свежо, зримо. А с языком у вас плохо, беден он у вас. Сумеете ли вы описать расстояние от переносицы до кончика носа на странице? — вдруг неожиданно спросил он.

— Нет, — подумав, ответил я.

— Так нужно учиться этому, — сказал он. — Писатель должен виртуозно владеть словом. Видели, как работают художники над эскизами и этюдами?

— Знаете, молодой человек, — поддержал его Владимир Андреевич, — верно говорит Семен Израилевич. В мои юные годы нас учили так: брал профессор полотенце, мочил один конец и ставил на стол. Мы должны были вылепить это полотенце так, чтобы в нашей работе чувствовалась влажность мокрого края. Человеку искусства нужно сначала овладеть ремеслом, узнать нрав, характер материала, с которым имеешь дело. Вы работаете со словом, так чувствуйте же его, как мы — дерево или камень.

— Дава, — вмешался молчавший до сих пор Баатр, — ты же прекрасно владеешь родным языком. Пишешь хорошие стихи, а прозу решил почему-то творить на русском. Но ведь для этого нужно сначала досконально изучить язык, почувствовать его дух! А это — нелегкое дело, — тут он лукаво посмотрел на Владимира Андреевича, Семена Израилевича, улыбнулся им и обратился ко мне. — Потом нужно иметь в виду вот что... впрочем, расскажу тебе маленькую сказочку. Жила в наших степях лисичка-сестричка. Однажды она почувствовала, что может увлажнить квадратный

аршин земли. Почувствовала и побежала. Бежала, бежала, бежала и добежала до самого синего моря, подняла ножку и сделала свое дело. Думаешь, много пользы она принесла, добавив свою сомнительную каплю в огромное море? Может, было бы лучше увлажнить горсть земли в сухой степи? Имей в виду: русская литература — это море, и нужно настолько любить ее, чтобы робеть перед нею, а калмыцкая, к сожалению, пока еще сухая степь, — с грустной улыбкой глядя на меня в упор блестящими глазами, закончил он.

Баатр Басангов, как никто другой, искренне радовался удачам своих подопечных, может, больше, чем своим собственным успехам. Как-то я показал ему стихотворение, написанное на фольклорной основе, о девушке джангарчи. Прочитав стихотворение со знакомым мне красным карандашом в руке, он молча подошел к книжному шкафу, вытащил четыре тома Есенина (наиболее полное в то время собрание сочинений поэта) и тем же красным карандашом порывисто написал на титульной странице первого тома: «Дава, давж тусдг арн угаю?» В переводе это означает: «Давид, нет ли возможности прыгнуть дальше?» Мне стало неловко, и я не знал, как отвечать на такой ценнейший для меня подарок и на такую обязывающую надпись. Я смущенно молчал. Баатр взял обеими руками меня за плечи и, глядя в глаза, горячо сказал: «Надо, Дава, дерзать! Ты напиши мне такое стихотворение, чтобы я мог предложить для перевода самому Пастернаку!»

Во второй половине тридцатых годов я начал печататься довольно активно. Подготовка к 500-летию «Джангра» сыграла большую роль. Хотя в те годы лучшие калмыцкие писатели не по своей воле находились далеко от родных краев (Санджи Калев, Хасыр Сян-Белгин, Гаря Даваев, Константин Эрендженов, Каару Манджиев), в литературу входила группа талантливого молодежи: Басанг Дорджиев, Морхаджи Нармаев, Намру Ванькаев, Михаил Хонинов. Активно работали уже сложившиеся писатели: Баатр Басангов, Церен Леджинов, Лиджи Инджиев, Пюрве Джидлеев, Санджи Эрдюшев, Михаил Тюлюмджиев и др. Калмыцкая литература явно находилась в преддверьи подъема.

В ту пору мне было семнадцать лет. Я сдал в печать свой первый сборник стихов под названием «Стихи юности». Книга вышла в свет в 1940 году. Не буду говорить о чувстве несказанной радости, охватившей меня, когда я взглянул на обложку сигнального экземпляра со своим портретом — оно понятно. Читатели и пресса приняли сборник. Некоторые стихи из этой книжки, переведенные Д. Г. Бродским, в том же году были напечатаны в Москве, в альманахе «Творчество народов СССР» (ныне «Дружба народов») и

в общем сборнике «Поэзия Калмыкии», вышедшем в издательство «Советский писатель».

В 1940 году я стал членом Союза писателей СССР.

В сентябре этого года широко отмечалось 500-летие «Джангара». В Элисте состоялся VIII пленум Союза писателей СССР, посвященный юбилею калмыцкого эпоса. Здесь я впервые увидел многих известных писателей страны, познакомился с ними. Приехали Фадеев, Новиков-Прибой, Павленко, Сельвинский, Инбер, Караваева, Кочин, Шефнер, Бажан, Танк и многие другие. Личное знакомство и беседы с выдающимися писателями оставили неизгладимое впечатление на всю жизнь. За несколько дней праздника я, кажется, стал старше.

Как водится в дни таких торжеств, гостей возили по колхозам и совхозам — знакомили с «жизнью народа». Всем запомнилась поездка в колхоз им. Городовикова, где на глазах у восхищенных зрителей молодые калмыки-табунщики арканами ловили из табуна необъезженных коней и тут же укрощали. Действительно, единоборство между человеком и полудиким степным неуком вызывало чувство гордости. Картина укрощения калмыками необученных лошадей отлично описана в книге И. Е. Репина «Далекое близкое». После зрелища нас пригласили к хлебу. Столы были расставлены на улице, на воздухе. Я оказался рядом с Миколой Бажаном, чье творчество за год до этого изучал в школе.

В той местности, где нас угощали, когда-то был центр буддийского духовенства. Здесь было нечто вроде семинарии, в которой обучали будущих гелюнгов-священников. Она имела богатейшую уникальную библиотеку, состоящую из книг не только духовных, но и по тибетской медицине, философских, светских, на тибетском, древне-монгольском, калмыцком языках. Основной фонд этой библиотеки был вывезен калмыками из Джунгарии еще в начале XVII века, а затем пополнялся в последующие века. Среди книг были и произведения выдающегося калмыцкого просветителя первой половины XVII века Зая-Пандиты, в 1648 году проведшего реформу калмыцкой письменности, согласовавшего алфавит с требованиями фонетики живого языка. К сороковому году нашего века семинарии уже не было, а книги его библиотеки были выброшены из хранилищ, так как хранилища стали собственностью местных властей и были употреблены, с их точки зрения, более полезно. Калмыки не жгли эти книги из суеверия, а, может, по другим причинам, но разорванные, разрозненные продолговатые листы с таинственными письменами, шедшими сверху вниз, неразумные ветры долго носили по окрестным полям.

Мы о чем-то говорили с Миколой Платоновичем, когда крутя-

Щийся неожиданный степной вихрь подкатил целую стопу этих листов к нашим ногам.

— Что это такое? — спросил он меня.

Я рассказал в чем дело. Лицо его стало сразу грустным, он помрачнел и, печально глядя на уносящиеся вдаль листки, не скрывая гнева, шептал: «Какое варварство! Какое варварство!» Причины, вызвавшие эти слова, я понял значительно позже. Тогда же я, в своей святой простоте, полагал, что мы ведем решительную революционную борьбу с «религиозным дурманом», за цивилизацию.

В дни торжеств мне довелось, единственный раз в жизни, беседовать с А. А. Фадеевым, который в своем выступлении на митинге по поводу юбилея «Джангра», говоря о калмыцкой литературе, добрым словом упомянул и мое имя.

В те годы, как и все калмыцкие писатели, я довольно много времени уделял переводам. Это было нужно нам вдвойне. С одной стороны мы делали достоянием наших читателей произведения классиков, с другой, в процессе перевода учились сами. Я переводил стихи Пушкина, Лермонтова, Шевченко. В связи с этим возникало много спорных вопросов. Особенно трудно было переводить Маяковского. Некоторые товарищи пытались сохранять точный размер, количество ударений в строке. Получалось вроде бы и так, похожие внешне, но, при наличии модели, трепетная жизнь стихов исчезала. Переводили только видимое и слышимое, а тот незримый внутренний огонь поэзии, та скрытая вдохновенная песнь души, как неразгаданная тайна, оставались за бортом перевода-ремесла. Стихи, переведенные с механическим привнесением особенностей русской версификации, не воспринимались калмыцким читателем — я это видел сам, но ничего поделать не мог. Калмыцкое стихосложение отличается от русского уже тем, что рифмующиеся слова стоят в начале строки. О своих мыслях по поводу перевода я сказал А. А. Фадееву.

— Я не специалист по стихам, — ответил он мне, — но думаю, что переводить следует не количество слогов, а поэзию, не букву, а дух. Знаете, в мире есть народы, у которых мужчины носят юбки. Так эти юбки, русский портной перевел бы, как брюки, дабы наш гражданин понял, что речь идет о мужчине, — и тут он засмеялся, — я за то, чтобы Пушкин в переводе на калмыцкий язык звучал, как гениальный калмыцкий поэт. И Маяковский, — добавил он.

Жизнь подтвердила правильность положения, высказанного А. А. Фадеевым. Несколько лет тому назад Расул Гамзатов как-то рассказал мне случай из жизни своего отца Гамзата Цадасы. В 1937 году, в связи со столетием со дня смерти А. С. Пушкина, в

Дагестане был объявлен закрытый конкурс на лучший перевод произведений поэта. Первая премия была присуждена Гамзату Цадасе. Он не переводил стихи четырех или пятистопным ямбом, не придерживался правил силлабо-тонического стихосложения, не старался сохранить мужские или женские рифмы,— он ставил перед собою более важную задачу: аварцы должны почувствовать, какой гениальный поэт Пушкин. И аварцы признали его таковым!

Этих принципов перевода я придерживаюсь до сегодняшнего дня.

В праздновании юбилея «Джангра» принял участие наш прославленный земляк, генерал-полковник Ока Иванович Городовиков. Его речь на митинге взбудоражила всех. В то время, когда у нас существовал договор о ненападении, говоря об отношениях с Германией, он во всеулышание заявил: «Там тоже империализм. Наш Ленин учил: синий черт, желтый черт, — один черт! Все может быть, и нам надо быть бдительными!»

В этой же речи он подверг критике пьесу Баатра Басангова «Страна Бумба». Есть в пьесе эпизод, когда один из богатырей Джангра, сражаясь, выбивает из рук врага меч и заставляет поднять, заявляя: «Я безоружных не убиваю!» «Нельзя так воспитывать молодежь,— сказал генерал-полковник,— подняв выбитый меч, на второй раз враг может убить тебя и выиграть сражение. На войне случай много значит. Нужно заставить врага сдаться!»

Слова Оки Ивановича о возможности войны с фашистской Германией оказались пророческими.

Со второго курса пединститута меня призвали в армию. Помню 22 июня 1941 года. Наш полк находился на боевых учениях. Мы видели, как на взмыленном коне примчался связной и вручил какой-то пакет командиру полка. Сыграли боевую тревогу и не было отбоя до 9 мая 1945 года. Война оказалась совсем не такой, какой представлялась мне. Здесь я по-настоящему понял, что такое страдания, и ощутил радость победы, которая, может быть, ни с чем не сравнима на свете. Обо всем этом я написал множество стихов в перерывах между боями.

В 1943 году вступил в члены КПСС. Был офицером-политработником, работал в дивизионной газете 252-й стрелковой Краснознаменной Харьковской дивизии. На фронте пришлось испытать все, что доводится испытывать солдату. Штат дивизионной газеты был небольшой. Редактор, его заместитель, да я, самый младший по должности. Заместителем редактора был поэт Сергей Тельканов. С ним мы, в буквальном смысле, укрывались одной шинелью, другую подстилали под себя, ели из одного котелка, делили все военные невзгоды. Выше я сказал, что был самым младшим по должности. У калмыков есть пословица: «Последнему верблюду — поклажа по-

тяжелее». Мне чаще приходилось бывать на передовой, а иногда неделями не уходить оттуда.

Однажды во время нашего наступления полк майора Юрия Куприяновича Глибко, в котором я находился в тот момент по заданию редакции, вырвавшись вперед в районе Федварьского леса, на Украинс, попал в западню. Майор Глибко, перед войной окончивший Тимирязевскую академию, сугубо гражданский человек, к этому времени был одним из лучших офицеров дивизии — он прославил себя при битве на Волге и при форсировании Днепра. Он показал себя командиром исключительного хладнокровия и исключительной храбрости. Но знаю, какой силой мы тогда гнали немца. Хорошо, если в полку было столько активных штыков, сколько в нормальном батальоне. Нас было очень мало. Это сразу почувствовалось, когда мы оказались в окружении. Одно дело окружение во время отступления, другое — наступления. Мы не очень-то падали духом. Более того, нам казалось, что враг в худшем положении, чем мы сейчас. В штабе полка, который размещался в домике лесника, я случайно встретил старшего лейтенанта Ахтьяна Ихсана — башкирского писателя. Он только что прибыл, имел назначение в нашу дивизию.

Майор Глибко собрал всех офицеров и сказал: «При сложившейся обстановке, за исключением начальника штаба, все офицеры должны стать солдатами и держать круговую оборону, пока не подосплет помощь».

Гитлеровцы непрерывно бомбили нас. Непрерывно били батареи шестиствольных минометов — «скрипуч». Словно разрезанные, аккуратные квадратные пласты дерна ложились вокруг. Точно срезанная огромной бритвой, валились вековые деревья. В секторе перед нашим окопом я видел ползущих фашистов в белых масках-латах. Прячась за деревьями, они кричали: «Браты, переходите к нам, большевики-жиды обманывают вас! Убивайте комиссаров-гадов!» Огонь наших автоматов и взрывы брошенных нами гранат — «лимонок» затыкали рты этим агитаторам.

Помощь пришла на третий день. Наши танки и самоходные орудия образовали коридор в шесть километров длиной и 800 метров шириной. Под перекрестным огнем всех видов оружия врага мы выходили к своим. Ахтьян Ихсан, как на грех потерявший очки, шел со мной. Многие погибли в этом бою. В том числе командир полка, любимец нашей дивизии, Юрий Куприянович Глибко и его адъютант.

Этот боевой эпизод впоследствии лег в основу моей поэмы «Будни войны».

Много книг написано о войне, много еще напишется. Литература исследует человека, не зря ее называют «человековедением». Ча-

ловец на войне, как на ладони. Каков он есть — таков и есть. Здесь, как нигде, проходят проверку его моральные и политические качества. Огнем и кровью. Я знаю людей, которые до войны орали о своей любви к отчизне, а когда началась война, бежали от нее за тридевять земель, находя для этого возможности, ненаказуемые уголовным кодексом. К сожалению, и после войны они кричат все о той же своей любви. Носят, гордо выплывшая грудь, медали «За победу над Германией». В анкеты вносят этот факт.

На войне, мне казалось, не роняя достоинства, я прохожу труднейшие испытания судьбы на верность Родине. Но я ошибался — худшие испытания были впереди. Я ошибался, ибо за годы жизни убедился — человек каждый день испытывается перед совестью своею и людьми на право ношения этого высокого звания — Человек.

Весной 1944 года, после разгрома Корсунь-Шевченковской группировки, меня отозвали в штаб 2-го Украинского фронта. Там я встретил много знакомых офицеров калмыков. Было ясно, что собирают нас по национальному признаку. Потом прибыл капитан Сергей Чурюмов и показал нам письмо, случайно дошедшее до него из Сибири. Его малолетний сын детским языком написал о трагедии, постигшей наш народ. Эта весть не могла заместиться в наше сознание — до того была страшна и слепа. Она была вне разума. Никогда никто из нас, коммунистов, не мог допустить мысли о том, что можно репрессировать целый народ. Позже мы узнали детали.

Я оказался в Алтайском крае. Стал работать преподавателем автомобильного техникума в г. Бийске. Писал стихи. Читал. Не писать не мог. Я знал, что могу заплатить за них. Может, головой. Но разве можно было молчать? Кто бы я был тогда? Я написал письмо на имя Сталина, которому все еще верил, и через своего товарища Константина Жемчуева отослал в Москву. Может быть, мой поступок по тем временам был наивным, но чрезмерная мудрость, выражающая себя в благоразумной сверхосторожности, иногда пресращается в обыкновенную подлость и почти всегда — в трусость. Однако трусость никогда не реабилитирует подлость.

В письме я сообщал о положении своего народа. Сообщал правду. Просил облегчить его участь. Считал, что обвинение, предъявленное калмыцкому народу — клевета и просил собрать всех нас, фронтовиков, в одну особую часть, послать на самый опасный участок фронта, а затем делать вывод о том, каковы мы.

Письмо явилось поводом для возбуждения «дела». Но до сих пор я не пойму одного: как написанное мною в единственном экземпляре, оно распространялось в списках? Многие мне потом говорили, что читали это письмо, в том числе, как сказал мне недавно он сам, журналист Бембет Бакаев, живший в то время в Казахстане.

В 1945 году я был арестован и осужден. При обыске изъяли стихи и семь глав поэмы, в которых был протест против несправедливости по отношению к нашему народу.

В 1956 году, после XX съезда КПСС, я был реабилитирован и восстановлен в партии. Как бы трудно ни приходилось в жизни, я никогда не терял веру в торжество дела Ленина и нашей Коммунистической партии. Эта вера дала мне силу перенести тяжчайшие испытания жизни.

Я был тогда молод — мне было 23 года. Офицер-фронтовик, поймавший всякое в жизни, физически сильный, я вырабатывал норму и дополнительный паек. Но, оказавшись в необычайной среде, наблюдая факты, исключительные по трагичности, я, вероятно, мог бы пасть духом, потерять веру. Если бы был один. Если бы не поддерживали меня могучие люди, старые большевики, партийные работники, военные, чекисты, коммунистические идеи которых могли выдержать любые испытания. Они могли гореть на кострах, но не отказались бы от своих марксистско-ленинских убеждений — это были поистине железные люди.

Я знал, что многие из событий, по поводу которых я размышлял, были результатом войны или предчувствия приближения войны. Никогда, я в этом убежден и сейчас, не случилось бы с нашим народом того, что случилось, если бы не война, если бы не проклятый Гитлер с его проклятым фашизмом. Когда льется много человеческой крови, — ее тяжелые сладковатые пары лишают разума не только отдельных людей, группы и больше группы людей, но и тех, кого люди сами возвышают над собой. Наступает опьянение, теряется контроль разума над поступками. Ибо чем же объяснить невиданные злодеяния, которые совершал фашизм?

Нельзя допускать новой войны — война унижает человечество. Нельзя допускать повторения войны, ибо она, будем трезво глядеть на вещи, угрожает сейчас гибелью всем нам. Потому борьбу за мир, которую ведет все прогрессивное человечество, я считаю святым делом, делом № 1 всех нас. Ибо в мире пока мира нет.

После восстановления республики жизнь вошла в нормальную колесницу. Я переехал в Элисту, где недолгое время работал секретарем Правления Союза писателей Калмыкии. Но моя главная задача заключалась в том, чтобы как-то наверстать упущенное. Нужно было много писать и основательно пополнить образование.

В 1957 году я выехал на учебу в Москву. Поступил на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Должен сказать, что курсы помогли мне многим. Помимо теоретических знаний они дали мне литературную среду, в которой я нуждался. Здесь я застал Най-

сына Кулиева, Чингиса Айтматова и многих других видных писателей. Одновременно со мной учились Петр Воронин, Ионас Чебану, Виктор Логинов, Леонид Пасенюк, Магомед Мамакаев — при всем желании назвать всех, кто учился со мной, не могу, но общение с каждым из них обогатило меня. Наш творческий семинар вели такие поэты, как Михаил Светлов, Ярослав Смеляков, Сергей Наровчатов — их имена говорят сами за себя.

В 1960 году, экстерном, с отличием, закончил Литературный институт имени Горького, несколько позже аспирантуру. Я в эти годы не только учился, но и много работал. У меня было и есть о чем сказать читателю. За последние семь-восемь лет число книг, изданных мною на родном и русском языках, перевалило за пятнадцать.

В 1958 году, после долгого перерыва, вышла моя первая книга на родном языке — поэма «Моабитский узник». Прототипом героя поэмы был Муса Джалиль, которого я люблю и перед которым преклоняюсь. Он был в моих глазах истинным поэтом, ибо он во имя своего слова взошел на эшафот. Тогда же, в издательстве «Советский писатель», вышел мой сборник «Глазами сердца». Добрым словом на страницах «Литературной газеты» отметил эту книгу Михаил Аркадьевич Светлов. После моего возвращения в литературу мои стихи первым перевел на русский язык Владимир Луговской. Стихотворение «Высотз» в его переводе было напечатано в журнале «Огонек», в 1956 году. Оно принесло большую радость калмыкам, все еще жившим за пределами земли отцов, ибо оно было первой ласточкой родной литературы за много-много трудных лет, предвестницей долгожданной весны.

Вспоминая первые годы своего возвращения в нормальную жизнь, я ищу слово, которое объединило бы в себе имена всех, кто так сочувственно отнесся ко мне, понимал меня, помогал во всем. Всех тех, кому хотелось бы высказать самую сердечную благодарность и, кажется, я нашел это емкое, великое слово, оно — «Москва». Спасибо тебе, Москва.

Большой удачей в жизни считаю встречи и беседы с Самуилом Яковлевичем Маршаком. Наше знакомство состоялось на одном из литературных вечеров в доме творчества в Ялте. Поэты читали свои стихи, в том числе, Самуил Яковлевич. Читал и я. После вечера он пригласил меня к себе «на арбуз», просил почитать еще и побольше. Я читал, разумеется, с удовольствием. Он внимательно слушал и смотрел на меня.

— Пусть вас не удивит мой вопрос, ибо он покажется вам по крайней мере странным, — обратился он ко мне к концу моего

чтения, — я знаю, вы — калмык, но, скажите, есть ли в вас что-либо еврейское?

— Ничего, кроме имени, — ответил я, действительно, недоменно.

— Сейчас я вам объясню в чем дело, — грустно улыбаясь, сказал Самуил Яковлевич, — когда вы читали стихи на вечере и вот сейчас у меня, я все время открывал в чертах вашего лица, в очерке лба, удивительное сходство с моим покойным большим другом Михозлсом. Вы, наверное, помните его печальную судьбу. А, может быть, есть какое-то неуловимое внутреннее сходство в вас, но я так ярко вспомнил его.

После этого вечера мы стали видеться с ним часто. Ко времени нашего знакомства он был уже тяжело болен. Но меня всегда поражало его постоянное, я бы сказал, юношеское любопытство ко всему, что происходит в жизни, не говоря уже о литературе. Это было даже не просто любопытство, а живой, страстный интерес писателя. Его волновало то, что было со мной и с калмыцким народом. Его беспокоила судьба молодых талантливых поэтов. И не только их творчество, но и устроенность жизни, быт. Он держал тесную связь с ЦК ВЛКСМ. Как-то я застал его в радостном настроении, сияющим. «Вы знаете, дело, по которому я хлопотал, увенчалось успехом — Новелле Матвеевой дали комнату в Москве! Комсомол помог», — сказал он, как бы радуясь и за комсомол, который помог, и за Новеллу Матвееву, и за себя.

Странно я чувствовал себя при беседах с ним. Он запросто говорил: «Помню, как-то Алексей Максимович...», «Надежда Константиновна сказала...», «Илья Ефимович Репин...», «Владимир Васильевич Стасов говорил...», «Владимир Владимирович Маяковский...» «Алексей Николаевич Толстой...» и т. д., он говорил так, будто и для меня они были те же, что для него, а ведь все они для меня — история! В Самуиле Яковлевиче я чувствовал огромную живую глыбу классической русской культуры, которую я люблю, почти обожествляя, преклоняясь. Он был в моих глазах живым, необходимым звеном, соединяющим великую культуру прошлого с нашими днями, без которого образовалась бы трагическая пустота.

Меня всегда удивляла глубина, ясность и утренняя свежесть мысли Самуила Яковлевича, его феноменальная память. Возраст как бы отсутствовал. Однажды, после того, как закончил перевод стихотворения Блейка «Тигр», он прочитал наизусть сначала оригинал на английском языке, затем переводы этого стихотворения, сделанные К. Бальмонтом и им самим до революции, и, наконец, свой, только что заверченный. «Вы заметили, каким величественным ритмом передает Блейк царственную осанку и мощь красиво-

го хищника? — спрашивал он. — А как его перевел Бальмонт, этот великолепный мастер русского стиха? Танцующим, частушечным ритмом и тем самым убил стихотворение!»

Самуил Яковлевич хорошо знал калмыцкий фольклор и высоко ценил его — он был редактором первого полного издания «Джангара» на русском языке, в отличном переводе Семена Липкина.

В 1959 году, в «Детгизе», вышел сборник сказок, написанных мною на русском языке, по мотивам фольклора «Бамба и красавица Булгун». Позже, на калмыцком языке, я стихами написал ряд сказок: «Равные солнцу», «Золотое сердце», «Песнь чудесной птицы». «Равные солнцу» перевел на русский язык Лев Минаевич Пеньковский, две других — Юлия Моисеевна Нейман.

Я познакомил Самуила Яковлевича с переводами Ю. Нейман. Сказки ему понравились. О переводчице он сказал: «Вот и еще одна среброгорлая явилась». «А кто остальные?» — полюбопытствовал я. «У нас есть они. Вера Звягинцева, Вера Потапова, Новелла Матвеева и молодая Юнна Мориц», — ответил он.

После сказок Юлия Нейман, в основном, переводит все, что я считаю достойным перевода на русский язык. Я почувствовал, что ее творческий почерк наиболее близок моему. О ее работах позже Самуил Яковлевич писал мне: «Хорошо, что Вас так отлично переводит Ю. Нейман».

В ту пору я завершал работу над большой поэмой «Сар-Герел». Сначала она называлась у меня сказкой. Познакомившись с ней, Самуил Яковлевич стал убедительно возражать против такого определения жанра. «Это у вас поэма, а не сказка, — сказал он. — Вы говорите, что в основе вашей вещи лежит фольклор. Хорошо, но что вы скажете тогда о «Руслане и Людмиле», «Демоне»? Как вам известно, авторы этих произведений называли их поэмами. Ведь они через сказочный сюжет выразили свое отношение к современной им жизни, свою философию! Нет, голубчик, что ни говорите, у вас не сказка, а, определенно, лирико-философская поэма!» Я согласился с его доводами.

Самуил Яковлевич дал мне ряд очень важных советов по композиции поэмы.

В год нашей последней встречи Самуил Яковлевич работал над пьесой «Северок», которую писал по просьбе ребят г. Норильска. Я ему рассказывал об этом городе, где прожил много лет, о Севере. «Вы знали там Истомина?» — спросил он как-то меня. Я ответил отрицательно. «А ведь, верно, хорошая фамилия? Дело в том, что в «Артеке» я познакомился с мальчиком из Норильска, по фамилии Истомин. Чудесный мальчик. Пригласил его к себе, сюда, да вот что-то не присылают», — беспокоился он.

Каждый, кто вкусил его, обретает силу и здоровье, исцеляется от недугов. Оно никогда не растет там, где уже однажды росло, ибо выбирает все живительные соки земли. Нужно искать его в другом месте. Вся трудность поисков заключается в том, что оно такое же, как все травы вокруг, и дается лишь тому, кто отмечен для этого судьбою.

Видимо, для литератора метой судьбы будет талант, а тем дивным растением — жизнь, дающая нам образы и мысли. Но грустно становится, когда подумаешь о том, сколько людей принимают за мету судьбы родимые пятна, а вместо волшебного растения подают читателю обыкновенную горькую полынь, от которой сворачивает скулы.

Цикл «Жизнь и размышления» представляет собой мою попытку философски осмыслить многие явления современной жизни.

Кто-то из великих мыслителей сказал, что стремление к симметрии есть недостаток человеческого мышления. Мы живем в век активного мышления, которое как-то даже презирует симметрию, уют уже познанного и рвется к непознанному, чтобы постичь его и двигаться дальше.

Жизнь — мать литературы, она рождает и питает ее. Когда-то гениальный Гете сказал: «Опирайтесь на пережитое — для меня все; высасывать из пальца — не мое дело: я всегда считал, что действительность гениальнее мого гения».

Жизнь не терпит фальши и лжи. Она требует правды. Той правды, которая сделала бессмертной русскую литературу. Читатель, воспринявший правду русской литературы, какой бы грустной не была она, делался выше и чище, а Родина становилась для него роднее и ближе.

Сейчас я работаю над романом под условным названием «Для правды смерти нет». (Есть такая калмыцкая пословица). Отрывки из него опубликовал в местной печати. Над романом работаю пятый год, но конца не видно. Проза дается мне трудно. Здесь будет уместно сказать о том, что вообще жанр романа долгое время был рубежом, недоступным для калмыцкой прозы. Но за последние годы этот рубеж взят. Многие наши писатели создали крупные эпические полотна, тепло принятые читателем. Авторами первых калмыцких романов являются мои друзья Басанг Дорджиев, Лиджи Инджиев, Алексей Балакаев, Морхаджи Нармаев, Константин Зрендженев, Алексей Бадмаев, Тимофей Бембеев. Разумеется, не все романы равноценны, но сам факт их появления радует меня. Хотя и говорят, что в литературе не всегда количество переходит в качество, но нужно помнить, что без количества никогда не бывает качества.

Поэзия всегда была ведущим жанром в нашей литературе. Она, на мой взгляд, не уступает своих позиций и сейчас, хотя немного потеснилась. Стихи народного поэта республики Санджи Каляева, Хасыра Сян-Белгина, Боси Сангаджиевой, Бембе Джимбинова, Михаила Тюлюмджиева, Андрея Джимбиева, Анатолия Нукаева свидетельствуют о качественном росте калмыцкой поэзии. Иначе и невозможно. Читатели предъявляют высокие требования.

Тематикой произведений калмыцких писателей является жизнь нашей республики, современность.

Восхождение на вершину горы альпинист начинает с подножья. Сказки и песни, мифы и эпос одинаково необходимы для формирования характера и сознания советского человека, как и произведения нынешних писателей о сегодняшнем дне. Стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» — современнейшее произведение, оно — сама живая, трепетная любовь, которая также прекрасна сегодня, как и тогда — в сердце Пушкина. Без любви нет поэзии.

Я люблю жизнь — и потому пишу стихи.

Так думаю и этого придерживаюсь в своей писательской практике.

Впереди много работы. Много замыслов. По мере их исполнения, надеюсь, читатель познакомится с ними.

1965 г.

Содержание

Сказки

Сказка о славном юноше Мань- вархане и прелестноликой Венчико Небесного Лотоса	3
Бамба и красавица Булгун	21
О дружбе, преодолевшей смерть	47
Сиротка Ользете	56
Хан и Собсид	61
72 небылицы (пересказ)	68

Рассказы

Как надо плясать. Перевод К. Ерёмовского	75
«Инхар». Перевод К. Ерёмов- ского	86
Сказка. Перевод В. Чаплыги- ной	93

Очерки и статьи

Утоление жажды	97
Рядовой ленинской гвардии	103
Народы-братья	110
Вечер сонат	113
Да светится человек!	116
Картина Гаря Рокчинского Кремле	121
Счастье степняка	123
Элиста и элистинцы	126
Его звали Михаилом Черным	129
Война и партизаны Калмыкии	134

Литераторы и литература

У памятника Пушкину	149
Об очерке Н. В. Гоголя «Калмы- ки»	151
Писатель мира	160
Народный писатель	163
О Леониде Сергеевиче Соболе- ве	166
Сказание о мужестве	172
Давнее и наше	175
О становлении калмыцкой со- ветской литературы (замет- ки писателя)	181
Ответы на вопросы анкеты жур- нала «Вопросы литературы»	195

Страницы автобиографии

Из автобиографии	201
------------------	-----

Кугультинов Давид Никитич

УТОЛЕНИЕ ЖАЖДЫ

Редактор **В. И. Пальчиков**. Художественное оформление **Н. Д. Будникова**.
Технический редактор **Т. А. Гайдаш**.
Корректоры **З. А. Касимцева** и **Е. Я. Шкарбут**.

Калмыцкое книжное издательство,
г. Элиста, 1966 г.

Сдано в набор 18.III-66 г. Подписано к печати 12.V-66 г. Авт. л. 13,25. Уч.-изд. л. 13,5. Печ. л. 11,48. Бумага 84×108¹/₃₂. Тираж 1000 экз. Заказ № 1140. К 01553. Цена в переплете с суперобложкой 63 коп.

Краевая типография, г. Ставрополь,
ул. Артема, 18.

Калмыцкое
книжное
издательство 1966